

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Стрельцова Екатерина Александровна

**Исследовательские гранты в поле современной науки
(социологический анализ)**

Специальность: 22.00.01 –

Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель
заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
профессор О.И. Иванов

Санкт-Петербург – 2014

Содержание

Введение	3
Глава 1. Научное поле как объект исследования	17
1.1 Социальное пространство и его поля.....	17
1.2 Наука как социальное поле	28
1.3 Ученые в поле науки	50
Выводы	57
Глава 2. Теоретико-методологические основания эмпирического изучения исследовательских грантов	59
2.1 Исследовательский грант: социологическая концептуализация понятия	59
2.2 Эволюция системы исследовательских грантов	64
2.3 Современные практики использования грантов за рубежом	79
2.4 Ситуация в России	98
2.5 Функциональный анализ грантов	119
Выводы	128
Глава 3. Исследовательские гранты и их роль в жизни и карьере российских ученых	131
3.1 Основные задачи и организация исследования	131
3.2 Анализ результатов	137
3.3 Предложения по реформированию системы исследовательских грантов и деятельности крупнейших государственных научных фондов в России	161
Выводы	167
Заключение	169
Список иллюстративного материала	174
Список сокращений	175
Библиография	176
Приложение «Анкета социологического исследования»	194

Введение

Актуальность темы исследования. Сегодня жизнь научных сообществ большинства стран мира неразрывно связана с системой исследовательских грантов, существование которой позволяет ученым проводить актуальные научные исследования, принимать участие в конференциях, семинарах и других академических мероприятиях, приобретать оборудование и научную литературу, публиковать свои труды.

Исследовательские гранты со всей обоснованностью можно назвать динамично или даже стремительно развивающейся системой. Ее эволюция, вызванная трансформациями института науки и изменениями социальных, политических и экономических реалий, началась во второй половине 19 века. На протяжении всего последующего периода грантовая система претерпела ряд существенных изменений – как экстенсивного характера (в виде расширения ее географии, появления научных фондов в большем числе стран), так и интенсивного (выраженного в усилении зависимости ученых и научных организаций от исследовательских грантов вследствие экономических кризисов и установления во многих странах неолиберальной идеологии, основанной на принципах утилитарности и главенства рыночных механизмов регулирования науки). Все это привело к тому, что в настоящее время гранты превратились в привычный механизм финансирования научных исследований: доля базового (сметного) финансирования науки в большинстве развитых стран мира постепенно уменьшается, в то время как доля финансирования, распределяемого на конкурсной основе, стабильно растет.

Усиление влияния исследовательских грантов на жизнь и работу ученых проявляется не только в динамике экономических и статистических показателей, но и в возникновении новых феноменов и процессов, характеризующих современную науку. Так, интегральным компонентом академического образования повсеместно становятся курсы, нацеленные на формирование у молодых исследователей знаний и навыков, необходимых для

участия в грантовых конкурсах (и победы в них); рынок научной литературы все больше наполняется руководствами, описывающими, как получить исследовательский грант; участие в конкурсах научных фондов и других организаций-грантодателей постепенно интегрируется в структуру профессиональной деятельности современного ученого, приносит изменения в представления о содержании его социальной роли.

Эскалация внимания к исследовательским грантам и зависимости от них ученых связана, с одной стороны, с их экономическим содержанием, поскольку гранты представляют собой в первую очередь особый механизм финансирования науки и играют важную роль в жизни научных сообществ большинства стран, особенно тех, где материальное благополучие науки остается на низком уровне вследствие дефицита базового государственного финансирования. В то же время гранты имеют и символическую ценность: статус грантополучателя позитивно влияет на репутацию ученого. В некоторых странах — например, Австралии, Великобритании, Канаде, США — число полученных грантов (или общий объем привлеченного конкурсного финансирования, или число поданных грантовых заявок) служит основанием для принятия решений о найме новых сотрудников в университеты или исследовательские институты, их карьерном росте, заключении бессрочного контракта, используется для расчета учебной нагрузки и т.д.

В силу ряда факторов грантовая активность сегодня покидает сферу исключительно индивидуальной воли самих ученых и представляет значительный интерес и для руководства организаций, сотрудниками которых они являются. Во-первых, некоторая доля грантов (ее величина варьируется в зависимости от внутренних правил и уставов организаций) поступает в бюджет университетов и исследовательских институтов для поддержания и развития инфраструктуры, обеспечения других потребностей. Во-вторых, в ряде стран успешность научных организаций в привлечении конкурсного финансирования является одним из основных критериев оценки их результативности, который используется при распределении бюджетных

средств, выделяемых на науку. И в-третьих, число полученных грантов является важным компонентом престижа института, его научной репутации. Все эти факторы побуждают руководство научных организаций усиливать давление на исследователей и стимулировать их участие в грантовых конкурсах.

Таким образом, это двойное давление — внутреннее в виде стремления достичь профессионального признания и внешнее в виде требований со стороны администрации и руководства — становится причиной того, что сегодня все меньшее число ученых имеют шанс оставаться вне системы исследовательских грантов. Это позволяет говорить о том, что в настоящее время наука переживает разрушение старой парадигмы «публикуй или исчезни» ('publish or perish!'), которая направляла и структурировала деятельность ученых на протяжении многих десятилетий, и становление новой парадигмы — «получай гранты или исчезни» ('grant or perish!'), ядром которой является грантовая активность ученого [Musambira G., Collins S., Brown T., Voss K., 2012].

Несмотря на усиление значимости исследовательских грантов, они все еще остаются предметом обсуждения относительно немногочисленных научных статей и квазинаучных дискуссий. Размытым является определение понятия «грант», которое многие исследователи данной проблемы обходят стороной, полагаясь на осведомленность и жизненный опыт читателя. История формирования грантовой системы также во многом остается неизвестной: ответы на вопросы о том, когда, как и почему появились первые гранты, сложно найти в научной периодике (хотя, стоит признать, эволюция этой системы в нашей стране подробно изучена в работах нескольких отечественных исследователей). Более значимым с точки зрения социологии (и в первую очередь социологии науки) является отсутствие серьезных попыток осмыслить содержание исследовательских грантов на теоретическом уровне, систематизировать существующие фрагментарные сведения о функциях (как положительных, так и отрицательных), которые они выполняют для

современного ученого и науки в целом. Существенным препятствием для выполнения данной задачи является отсутствие развитой, комплексной и внутренне непротиворечивой теории научного поля, в рамках которой будет возможен теоретический анализ исследовательских грантов в их взаимосвязи и взаимодействии с социальными агентами и институтами.

Актуальность диссертационного исследования, таким образом, обусловлена как значимостью изучаемой проблемы, так и относительно слабой степенью ее научной разработанности, особенно в рамках социологии. Реформирование российской науки, вошедшее в последние годы в свою активную фазу, делает проведение такого исследования в нашей стране еще более обоснованным и своевременным. Изменение статуса Российской академии наук, интеграция науки и высшего образования, потенциальный переход на эффективный контракт в науке и формирование систем оценки результативности научной деятельности на всех уровнях, создание Российского научного фонда – эти и другие процессы вкупе с непрекращающимися дискуссиями о наилучшей модели финансирования научных исследований в России и критикой существующих научных фондов определяют актуальность исследовательских вопросов, целей и задач, поставленных в рамках данной кандидатской диссертации.

Степень научной разработанности темы. Анализ основных принципов и закономерностей функционирования и развития института науки восходит к работам Б. Барбера [Barber, 1953; 1990], Р. Мертона [Merton, 1957; 1973; 1980; 1993], Т. Куна [Кун, 2003], Н. Сторера [Storer, 1966] и др. При этом система исследовательских грантов, ее место и роль в индивидуальной профессиональной деятельности ученого и развитии науки в целом лишь относительно недавно стали предметом изучения социологов, науковедов, экономистов, правоведов и представителей других научных дисциплин.

В зарубежной литературе можно выделить несколько направлений исследований, которые в той или иной мере отражают рассматриваемую проблематику и использованы в ходе подготовки и реализации

диссертационной работы. К первому направлению стоит отнести исторические, историко-социологические и историко-наукovedческие исследования, посвященные изучению процесса формирования системы исследовательских грантов, их дальнейшей динамики. Как правило, в таких публикациях гранты не выступают первичным, основным объектом анализа – они рассматриваются исключительно в рамках анализа структуры деятельности научных сообществ [McClellan, 1985; Crosland, 1975; Crosland, Galvez, 1989; Crawford, 1980], филантропических организаций [Weaver, Beadl, 1967; McCullough, 1994; Mazuzan, 1994; Наука по-американски, 2014], научных фондов. Тем не менее данные исследования являются практически единственными доступными источниками информации о причинах, инициировавших появление грантов, распространение практики их использования, и при обоснованном подходе предоставляют обширный материал для социолого-исторической реконструкции основных этапов эволюции системы грантов.

Ко второму направлению зарубежных исследований в интересующем нас проблемном поле относятся обзоры национальных особенностей грантовой системы, оценки их влияния на исследовательский ландшафт и жизнь локального (в противовес глобальному) научного сообщества [см.: Shibayama, 2014; Polster, 2007; Cole, 1992; Jablecka, 1995]. Такие исследования, как правило, носят характер кейс-стади. Некоторые из них основаны на результатах эмпирических исследований – опросов и интервью с представителями науки – и нацелены на изучение механизмов и последствий влияния грантов и грантодателей на форму и содержание научной деятельности внутри страны. В публикациях, которые мы относим к данному направлению, редко предпринимаются попытки теоретического осмысления затрагиваемых проблем и построения социологической теории исследовательских грантов.

Еще одна часть зарубежных публикаций выполнена в форме научных дискуссий и экспертных замечаний, основанных на обобщении собственного опыта отдельных ученых и их коллег [Daza, 2012; Aitkin, 1996; Berger, 2011]. Несмотря на очевидную ограниченность репрезентативности высказанных в

таких работах мнений, изучение содержащегося в них инсайдерского знания позволяет получить более детальное представление о внутренней структуре научных фондов и неформальных нормах и правилах их функционирования. Кроме того, часть подобных публикаций написана с позиций представителей различных областей науки и научных кругов, благодаря чему становится возможным анализ существующей диверсифицированности паттернов использования и оценки грантов различными группами ученых.

Предметом анализа со стороны представителей российской науки исследовательские гранты стали лишь в 1990-х гг., после появления в стране зарубежных научных фондов и активизации их деятельности, а затем учреждения Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), постепенного увеличения доли финансирования науки, распределяемого через них. Значительное внимание этим процессам уделено в статьях Семенова Е.В. [Семенов, 1995; 1997; 2007], Козловой Л.А. [Козлова, 2005; 2007], Батыгина Г.С. [Батыгин, 2005]. В работах Дежиной И.Г. [Дежина, 2005; 2006; 2008; 2009 и др.], опубликованных, в том числе, в соавторстве с американским социологом Л. Грэхэм, [Dezina, Graham, 2005; Graham, Dezhina, 2008] проведен наиболее последовательный анализ появления в нашей стране первых грантов, роли в данном процессе зарубежных научных фондов, складывания собственной грантовой инфраструктуры, последующих ее трансформаций.

Отдельно стоит отметить реализованные в России эмпирические исследования, посвященные в первую очередь изучению отношения ученых к грантовой поддержке и деятельности научных фондов. Результаты таких исследований – как специализированных, так и проводившихся в рамках более крупных, мультитематических мониторингов науки – были представлены в разные периоды в работах Мирской Е.З. (периодические мониторинги естественно-научных институтов РАН) [Мирская, 2006], Аллахвердяна А.Г., Дежиной И.Г. и Юревича А.В. (выборочные опросы ученых) [Аллахвердян, Дежина, Юревич, 1996; Дежина, 2008], коллектива Института социологии РАН

под руководством Батыгина Г.С. (опрос представителей обществоведческих наук) [Социальные науки в постсоветской России, 2005].

Кроме того, отдельные исследовательские вопросы, вызванные появлением в России грантовой системы и последующего ее расширения, обсуждаются в публикациях Юревича А.В., Аллахвердяна А.Г., Шереги Ф.Э., Чепуренко А.Ю. и др. [Юревич, 2001; 2005; Чепуренко, Гохберг, 2005; Чепуренко, Шереги, Шувалова, Обыденнова, 2004]. В некоторых исследованиях гранты используются не как объект анализа, но как метод, выступая в качестве критерия оценки результативности научных организаций и секторов науки [Иванова, Николаева, 2011]. Описанию правовой трактовки понятия «грант», а также изучению правовых аспектов реализации грантового финансирования посвящены статьи Бердашкевич А.П. [Бердашкевич, 2003а, 2003б], Гордеева М. [Гордеева, 2010], Мельник Т.Е. [Мельник, 2004].

В целом на протяжении 1990-2000-х годов в России было опубликовано немало работ об исследовательских грантах, их влиянии на профессиональную деятельность ученого, его материальное благосостояние и карьеру, а также других, связанных с этими научными проблемами. Тем не менее стоит признать, что до сих пор социологическое знание о грантовой системе носит фрагментарный характер, многие проблемы остаются неизученными. В отечественной науке практически отсутствуют попытки провести социологический анализ системы исследовательских грантов, традиция рассмотрения которой основывается, как правило, исключительно на экономическом видении их содержания. Таким образом, настоящая работа призвана восполнить существующий пробел в изучении механизмов и последствий влияния исследовательских грантов на институт современной науки.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является поле науки как система неравных, но взаимосвязанных позиций, которые занимают включенные в него социальные агенты (индивидуальные и коллективные),

вовлеченные в реализацию деятельности по созданию и развитию научного знания.

Предмет исследования – отношения социальных агентов поля с организациями и институтами, предоставляющими агентам поля материальную и финансовую помощь, в том числе в виде исследовательских грантов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с первой половины 19 века, когда в некоторых европейских странах (и, прежде всего, Франции и Великобритании) начался процесс эволюции исследовательских грантов, по настоящее время. В работе учтены все последние изменения в поле российской науки: реформа РАН, создание РНФ и др.

Цели и задачи исследования

Целью работы является социологический анализ места и роли исследовательских грантов в поле современной науки.

Поставленная цель определила следующие *задачи исследования*:

1. Провести критический анализ основных положений формирующейся теории научного поля, прояснить ее ключевые понятия, изучить онтологию научного поля.
2. Обосновать методологический подход к эмпирическому изучению поведения ученых в поле науки.
3. Разработать теоретико-методологические основы эмпирического изучения места и роли исследовательских грантов в поле науки.
4. Провести историко-социологическую реконструкцию эволюции системы исследовательских грантов и изучить особенности современной грантовой системы в России.
5. Провести функциональный анализ системы исследовательских грантов: определить положительные и отрицательные, явные и латентные функции, которые выполняют исследовательские гранты для поля современной науки и агентов, включенных в него.

6. Провести эмпирическое исследование с целью определения отношения российских ученых к исследовательским грантам и их оценки организации работы основных научных фондов в России, изучения мнения научного сообщества о необходимости и направлениях их реформирования.

7. Выработать научно-практические рекомендации по реформированию системы исследовательских грантов в России с целью повышения ее эффективности и позитивного влияния на профессиональную научную деятельность отечественных ученых и развитие российской науки в целом.

Методологические и теоретические основы диссертации

В основе диссертационного исследования лежат общенаучные подходы (исторический, комплексный, системный) и основные принципы научного познания (рациональности, верификации). Ввиду того что в работе значительное внимание уделяется теоретическому осмыслению изучаемых явлений, основными методами в ней выступают историческая реконструкция и синтез теоретико-социологических ресурсов, релевантных для изучения системы исследовательских грантов. Кроме того, в числе ключевых методов следует отметить контент-анализ отечественной и зарубежной научной литературы по теме, а также нормативных документов, официальных отчетов научных фондов.

Анализ эволюции и современного этапа развития грантовой системы проведен на основе комплексного подхода, учитывающего взаимодействие внутренних и внешних факторов развития науки. При этом источником фактологического материала являются исследования в области истории науки и истории научных организаций различных стран (в первую очередь Франции и США).

В качестве теоретической базы и концептуального ресурса в исследовании выступают теории социального пространства и научного поля, при этом анализируются подходы П. Сорокина, П. Бурдьё, Дж. Урри, Б. Латура, О.И. Иванова. Каждое понятие теории научного поля рассматривается в его

взаимосвязи с другими понятиями, входящими в данную традицию. Классические для предметной области социологии науки работы Р. Мертона, У. Хагстрема, Г. Коллинза и др. также используются в работе для изучения символической ценности грантов и роли профессионального признания в науке.

Эмпирическая база исследования

При написании диссертации использовались данные государственной статистики науки, историко-научных и других релевантных проблематике диссертации исследований и результаты интернет-опроса российских ученых (N = 569), проведенного автором в апреле 2014 г.

Научная новизна диссертационной работы отражена в следующих положениях:

1. На основе авторской трактовки ключевых понятий теории научного поля сформулированы новые положения, характеризующие состав научного поля, основные механизмы его функционирования, специфические свойства.

2. Изучены и охарактеризованы особенности поведения ученых в научном поле.

3. В работе детально описывается специфика социологического способа концептуализации понятия исследовательского гранта по сравнению с экономическим и юридическим подходами.

4. Определены основные этапы формирования и дальнейшего развития системы исследовательских грантов, а также социальные, политические и экономические факторы, повлиявшие на эти процессы.

5. Выявлены ключевые особенности моделей грантовой системы, сложившихся в странах – мировых научных лидерах, проведен их сравнительный анализ.

6. Проведен функциональный анализ грантовой системы, который позволил установить, в том числе, ее негативные воздействия на современную науку.

7. Разработана и апробирована методология изучения мнения отечественных ученых об организации работы российских государственных

научных фондов и о значимости исследовательских грантов для их научной деятельности и развития российской науки.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Социальное поле науки рассматривается как система неравных, но взаимосвязанных позиций, которые занимают включенные в него социальные агенты (индивидуальные и коллективные), вовлеченные в реализацию деятельности по созданию и развитию научного знания.

2. Ключевыми свойствами научного поля являются относительно высокая степень автономии, «непроницаемость для чужаков» и устойчивость. Сохранение данных свойств обеспечивается действием следующих механизмов: конкуренции, актов признания, согласия между социальными агентами относительно фундаментальных интересов сохранения поля, рефракции и научного габитуса. Посредством актов признания в научном поле происходит трансляция, присуждение научного капитала – основанной на профессиональном признании легитимной возможности социальных агентов принимать участие в принятии решений относительно функционирования и развития научного поля. Неравномерное распределение научного капитала формирует неизменно иерархическую структуру научного поля, и позиция агента в нем тем более высока, чем большим накопленным капиталом он обладает.

3. Для поведения ученых в научном поле характерно стремление к наиболее полной реализации своего человеческого потенциала и – в особенности – научного потенциала, представляющего собой комплекс потребностей, интересов, способностей агента, которые лежат в плоскости научной деятельности. Для достижения данной цели ученые вступают во взаимодействия друг с другом, основными формами которых является конкуренция и кооперация, сотрудничество.

4. Исследовательский грант является одним из механизмов трансляции научного капитала в поле науки, так как посредством присуждения грантов происходит распределение не только экономических, но и

символических ресурсов (признания). Выступая в качестве «акта признания» наряду с публикациями в высокоцитируемых научных журналах, научными наградами и др., получение исследовательского гранта ведет к повышению позиции ученого в структуре научного поля.

5. Система исследовательских грантов выполняет ряд функций для поля современной науки и агентов, включенных в него. Среди функций следует указать формирование научной программы «снизу», в соответствии с интересами и приоритетами самого научного сообщества, стимулирование инициативы, развитие у ученых практических навыков руководства научным коллективом и выполнения исследовательского проекта, повышение результативности научной деятельности, сохранение и поддержку научных школ. К дисфункциям грантовой системы следует отнести ориентацию на постановку и решение «традиционных», соответствующих доминирующей научной парадигме исследовательских вопросов, кратко- и среднесрочные исследовательские проекты, использование количественных методов в социогуманитарных науках, трансформацию представлений о социальной роли ученого, изменение структуры его рабочего времени.

6. Проявление и актуализация дисфункций грантовой системы обусловлены нарушением ключевых механизмов ее функционирования: замещением формирования научной программы «снизу» введением приоритетных грантовых конкурсов, тематика которых определена извне, а также действием теневых механизмов распределения исследовательских грантов.

7. Как показало наше эмпирическое исследование, для ученых в России основным мотивом участия в грантовых конкурсах является стремление улучшить свое материальное положение и ресурсную обеспеченность своей научной деятельности. При этом также признается и значимость гранта как формы трансляции признания в науке.

Апробация результатов

Основные результаты диссертационного исследования апробировались в выступлениях и докладах автора на Второй международной конференции по истории и развитию общества (Лондон, 18-20 ноября 2013 г.), Всероссийской научно-практической конференции «VIII Ковалевские чтения "Новые измерения социального пространства и социальные неравенства"» (15-16 ноября 2013 г.), Седьмой ежегодной международной конференции по социологии (Афины, 5-9 мая 2013 г.), Четвертом Всероссийском социологическом конгрессе Российского общества социологов «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (Уфа, 23-25 ноября 2012 г.), конференции «"Стены и мосты": междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» (Москва, 13-14 июня 2012 г.), международной конференции аспирантов «Культура, общество и память: исторические и социологические исследования в России, Германии и США» (Билефельд, 12-14 мая 2012 г.), в период летних школ «Европейские исследования: возможности и ограничения в применении методологических подходов» (29 июня – 3 июля 2011 г.) и «Качественные методы в социологии» (3- 7 июля 2011 г.), а также в рамках конкурса на получение гранта Центра изучения Германии и Европы (2011 г., первое место) и конкурса научных работ молодых ученых (2013 г., второе место).

Научно-теоретическая значимость исследования обусловлена возможностями, которые она предоставляет для дальнейшего изучения социологических и науковедческих проблем, связанных с функционированием грантовой системы. Кроме того, обзор зарубежных исследований по теме, выполненный в работе, позволит отечественным социологам и представителям других научных дисциплин обращаться к опыту зарубежных коллег, накопленному в данной исследовательской области.

Результаты исследования позволяют также систематизировать основные понятия теории научного поля и представления о его онтологии: составе, структуре, механизмах функционирования и основных свойствах. Их можно

использовать для дальнейших исследований, использующих в качестве теоретико-методологической базы теорию социального пространства или теорию научного поля.

Практическая значимость работы

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в ходе преподавания курсов по социологии науки, а также при организации социолого-наукоеведческих исследований в академических и отраслевых институтах. В работе также предложены рекомендации по реформированию грантовой системы в целом и деятельности крупнейших государственных научных фондов в частности, разработанные по результатам эмпирического исследования. Эти материалы могут быть использованы при принятии управленческих решений в данной области.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка литературы, насчитывающего 202 источника. Общий объем работы 199 листов (9 а.л.).

Глава 1. Научное поле как объект исследования

В данной главе представлен обзор основных теоретических подходов к определению научного поля и пониманию его онтологии. На основе результатов критического анализа социологических идей о социальном пространстве, социальных полях, науке автор разрабатывает новые определения ключевых понятий теории научного поля, предлагает собственный подход к интерпретации состава поля науки, его основных свойств и механизмов функционирования, его эмпирическому изучению. Отдельно в главе рассматривается понятие научного капитала, анализируются его место и роль во взаимодействиях агентов и функционировании и развитии поля науки.

1.1 Социальное пространство и его поля

Термин «социальное пространство» был введен в понятийный аппарат социологии Г. Зиммелем в 1903 г. [Филиппов, 2008]. Его основные идеи в данной предметной области представлены в двух работах – «Социология пространства» и «О пространственных проекциях социальных форм». В дальнейшем первая из них была доработана и опубликована в качестве главы в «Социологии» Зиммеля, в которой обсуждаются социально значимые аспекты пространства, влияние пространственных условий на социальные интеракции, формы социальных, физических и психологических дистанций. Несмотря на то что в своих работах Зиммель уделяет проблеме пространства значительное внимание, он, на наш взгляд, в большей степени говорит о социальных проявлениях и репрезентациях физического пространства, чем о социальном пространстве *per se*.

Одним из первых социологов, исследовавшим специфику социального пространства, является П.А. Сорокин [Иванов, 2013а]. В своей работе «Система социологии» он разделяет пространства геометрическое и социальное, отмечая, что они кардинальным образом отличны друг от друга. Геометрическое пространство – это «вселенная», состоящая из физических тел. Подобным

образом социолог определяет и социальное пространство, под которым он также понимает «вселенную», но включающую все народонаселение земли. Сорокин отмечает, что «там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Он может находиться только в геометрическом, но не социальном пространстве» [Сорокин, 1992]. Важной здесь представляется идея «соотнесенности», взаимосвязи индивидов в социальном пространстве: здесь индивид существует только относительно другого, но не сам по себе. Именно его отношение к другим индивидам и группам позволяет установить его положение в социальном пространстве. Для этого необходимо определить его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию и т.д. Столь сложная процедура установления социального положения индивида обусловлена многомерностью социального пространства. В целях ее упрощения Сорокин предложил сократить число параметров до двух основных классов (которые затем могут быть разделены на подклассы) – горизонтального и вертикального. Индивиды, входящие в состав одной социальной группы, будут иметь одинаковые позиции в горизонтальном измерении социального пространства. Но в случае если они выполняют в ней разные функции, обладают различным кругом полномочий и объемом власти, их позиции будут не совпадать в вертикальном измерении.

На наш взгляд, концепция горизонтального измерения не имеет принципиального значения для понимания сущности социального пространства. Кроме того, с его использованием связан ряд сложностей. Например, если позиция индивида в вертикальном измерении всегда характеризуется отношениями «выше-ниже» (относительно позиции другого), то в горизонтальном такая специфика отсутствует, единственно возможная для него характеристика – «совпадает - не совпадает». Также именно положение индивида в вертикальном измерении является доминирующим, определяющим:

превосходя в нем других агентов, он *a priori* будет занимать более высокое положение в социальном пространстве в целом.

Сорокин положил начало анализу специфики социального пространства, хотя его определение этого ключевого термина, как мы считаем, является слишком общим для использования в исследовательских целях. Кроме того, в различных работах социолог интерпретирует его по-разному, в т.ч. как множество «систем взаимодействий» [Сорокин, 1993]. Несмотря на это, отдельные его идеи в рассматриваемой предметной области представляются нам важными для понимания природы и механизмов функционирования социального пространства. Это относится, в частности, к понятию социальной дистанции – расстоянию, которое отделяет индивидов или группы в социальном пространстве. В представлении Сорокина их позиции могут и должны быть описаны не только отношением «ниже-выше», но и в терминах близости – «ближе-дальше». «Чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. Наоборот, чем значительнее и существеннее различия, тем больше социальная дистанция между ними» [Сорокин, 1992].

Среди других социологов наиболее важное место изучение социального пространства занимало в работах П. Бурдьё. В рамках его теории социальный мир – это «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала» [Бурдьё, 2005а: 54]. Социальное пространство в теории Бурдьё представляет собой совокупность полей, организованных по принципу слоеного пирога. Каждое из полей – это *система взаимодействий* между агентами, включенными в данное поле и занимающими в его структуре различные (неравные) позиции. Здесь следует подчеркнуть два положения. Во-первых, идею неравенства позиций, которое описывал и П.Сорокин, – ей отведено важное место в теории Бурдьё. Во-вторых, тот факт, что не все агенты социального мира оказываются участниками различных социальных полей:

анализируя то или иное поле, мы можем говорить о группе инсайдеров – тех, кто включен в систему взаимодействий, – и аутсайдеров, которые оказываются за ее пределами.

Очевидно, что существуют поля более глобальные, охватывающие практически всех индивидов (например, экономическое или политическое), и другие, в функционировании которых участвует ограниченная группа агентов, с которых взимается определенная плата (в материальной или символической форме) за вхождение в поле. К этому второму типу мы можем отнести и науку, которая в теории Бурдьё выступает в качестве одного из полей символического производства, наряду с искусством, религией, высокой модой: «”чистый” универсум самой “чистой” науки является таким же социальным полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями, однако в этом поле все инварианты облекаются в специфическую форму» [Бурдьё, 2005а: 473-474]. Следовательно, для понимания объекта данного исследования – науки – предварительно следует изучить основные свойства и механизмы функционирования полей и затем ту специфическую форму, которую они принимают в поле науки.

Согласно положениям теории Бурдьё, любое поле – это система взаимодействий агентов, основной (правильнее сказать – единственной) формой которых является борьба за накопление капитала. В данном случае понятие «капитал» не стоит понимать в строго экономическом смысле, его содержание здесь гораздо шире. В целом капитал тесно связан с понятием силы, властью социального агента над существующим в поле порядком.

Бурдьё выделяет четыре основных вида капитала [Richardson, 1986]:

- экономический, прямым выражением которого являются деньги и право собственности;
- культурный, который может существовать в трех состояниях: инкорпорированном (диспозиции ума и тела), объективированном (предметы

культуры) и институционализированном (академические квалификации, крeденциалы);

- социальный (социальные связи, знакомства, включенность в социальные сети);
- символический, определяемый как репутация, престиж, «имя».

Несмотря на то что Бурдьe выступает против экономического детерминизма и положений марксизма, он все же признает постоянное стремление экономического поля занять доминирующую позицию в многомерном социальном пространстве и навязать свою логику и структуру другим полям. В результате стоит признать и главенство экономического капитала: он легко конвертируется в другие виды и формы капитала, играет решающую роль при определении позиции агента в социальном пространстве, которое производится посредством оценки общего объема капитала, накопленного в различных полях, и анализа его структуры.

Неравномерное распределение капитала обуславливает иерархически организованную структуру каждого социального поля, и позиция агента в нем тем более высока, чем большим накопленным капиталом он обладает. Индивиды, занимающие наиболее высокое положение – «капиталисты», как их называет Бурдьe (здесь снова следует отказаться от того содержания, которым традиционно наделяют это понятие), – являются доминирующей группой¹, устанавливающей и поддерживающей «правила игры» в поле, принимающей решения относительно того, каким образом будет распределяться капитал в дальнейшем. Другая группа агентов, не обладающих значительным накопленным капиталом, не принимает участия в управлении полем, занимает подчиненное положение. Вне зависимости от принадлежности к той или другой

¹ Понятие «группа» обозначает в рамках рассматриваемой теоретической традиции близость позиций агентов в поле, при этом данное понятие – исключительно теоретический, абстрактный конструкт, используемый лишь для исследовательских целей. Для Бурдьe «группа» - это всегда группа, существующая лишь на бумаге, так же как «класс» - это только «возможный класс».

группе и от их позиции в сложившейся в поле иерархии все агенты неизменно преследуют в своих практиках главную цель – сохранение накопленного капитала, его дальнейшее преумножение и сохранение.

Ограничиваясь этим – основным – положением о характере взаимодействий в социальном поле, сложно понять, почему и каким образом происходят изменения – порой радикальные – в различных социальных полях: смена политических режимов, экономических укладов, научных парадигм. Бурдьё отмечает, что доминирующая группа агентов всегда стремится к сохранению существующих законов и сложившейся структуре поля, т.к. эти условия являются определенной гарантией их высокого положения и, как результат, права осуществлять контроль над распределением капитала. Именно поэтому, по мнению Бурдьё, агенты, занимающие более высокие позиции в поле, в своих практиках следуют «стратегии сохранения», направленной на поддержание установленных в поле порядков, оберегают и защищают совокупность накопленных ресурсов (как в объективированном, так и инкорпорированном виде). Противоположная стратегия – «стратегия разрыва» – более характерна для подчиненных групп агентов, которые стремятся изменить не только установленные нормы и правила, но и механизмы распределения капитала, а также принципы легитимации в поле. Тем не менее эта стратегия используется довольно редко вследствие того, что идеи и действия агентов всегда детерминированы внутренними социальными структурами, определяющими модель их поведения.

Такой определяющей стратегии поведения агентов структурой является *габитус* – совокупность диспозиций действия, мышления, оценивания, ощущения, которые приобретает индивид в процессе накопления жизненного опыта и знаний. В *габитусе* «воплощены способы оценивания и мышления, эстетический вкус, манера поведения и речи, характерный стиль и образ жизни, которые отличают представителя одного класса, профессии, национальности от других. *Габитус* позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на события и ситуации» [Добренёв,

Кравченко, 2005: 217]. Он является продуктом социальной среды и используется как исходная установка, определяющая пространство выбора – тот предел, в рамках которого социальный агент производит выбор стратегий поведения в различных жизненных ситуациях. Таким образом, «продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования», а предоставляемая им свобода выбора – «обусловлена и условна» [Бурдьё, 2001: 108]. Влияние габитуса усиливается воздействием феномена, который Бурдьё вслед за Э. Гофманом называет чувством собственного места (*sense of one's place*): «диспозиции, приобретенные в занимаемой позиции, предполагают приспособление к этой позиции» [Бурдьё, 2005а: 71]. Благодаря воздействию этих структур агенты склонны выбирать стратегии поведения, соответствующие занимаемой позиции, а не направленные на радикальные изменения принятых в поле норм и правил.

Теория социального пространства Бурдьё, безусловно, является более разработанной и сложной, чем теория Сорокина. Социолог не только дал более подробное определение социального пространства, но и описал отдельные механизмы его функционирования. Большое значение для понимания социального пространства имеют идеи Бурдьё о его структуре, композиции, составленной отдельными социальными полями. Это позволяет разделить неизменно сложную социальную реальность на компоненты в исследовательских целях и для анализа особенностей взаимодействий в них агентов. Кроме того, представление о социальных полях как пространствах, в которых действуют властные силы, также вносит новый сюжет в изучение социального пространства.

При этом мы считаем, что теория Бурдьё обладает и рядом ограничений. В частности, это касается самого ключевого термина – социальное пространство. Он определяет его как систему взаимодействий или отношений между социальными агентами. На наш взгляд, такой подход сопряжен с рядом затруднений, в первую очередь неопределенностью самой концепции

взаимодействия и, далее, с его необходимостью для существования, функционирования социального пространства и его полей. Данную позицию критикует в своей работе и А.Ф. Филиппов [Филиппов, 2008], который отмечает, что она ведет в конечном итоге к полному стиранию границ между пространством социальным и геометрическим, и предлагает в качестве определяющей использовать концепцию социальных позиций. О.И. Иванов также рассматривает социальное пространство как «систему деперсонализированных взаимосвязанных и существующих относительно независимо друг от друга *социальных мест-позиций*» [Иванов, 2013а: 57]. На наш взгляд, что именно такой подход к определению понятия является наиболее обоснованным, так как взаимодействия между агентами (индивидами или коллективами) в поле осуществляются на основе позиций, которые они занимают, поскольку именно объективные свойства этих позиций в конечном счете определяют характер взаимодействий и форму участия в них агентов.

Еще одним ограничением теории социального пространства Бурдьё мы считаем недостаточную определенность концепции социального поля. Так, социолог не указывает критерий (или критерии), который может быть использован для выделения социального поля: в его работах остается невыясненным, что (какая сфера жизнедеятельности общества) может быть отнесено к социальному полю, а что – нет. В результате исследования Бурдьё посвящены изучению таких полей, как политика, экономика, наука, религия, мода, литература, журналистика и др., некоторые из которых, что становится очевидным уже из приведенного перечня, пересекаются друг с другом. Анализируя специфику отдельных социальных полей, Бурдьё отмечает, что она обусловлена спецификой капитала, который «имеет хождение в поле» и выступает главной целью борьбы между агентами.

На основе основных положений теории социального пространства Бурдьё и с учетом указанных ограничений мы разработали собственное определение социального пространства, которое, на наш взгляд, более комплексно и четко его характеризует. Под социальным пространством будем понимать систему

неравных, но взаимосвязанных позиций, которые занимают включенные в него социальные агенты (как индивидуальные, так и коллективные), вовлеченные в реализацию социально необходимых деятельностей. Концепция социально необходимых деятельностей, реализуемых социальными агентами, была интегрирована в определение социального пространства О.И. Ивановым [Иванов, 2013а: 57]. Мы считаем ее крайне важной не только для понимания функционирования социального пространства, но и выделения в его структуре отдельных социальных полей: специфика деятельности социальных агентов является, на наш взгляд, более надежным критерием для их разделения, нежели специфика формы капитала, который выступает основной целью борьбы в различных социальных полях.

Важный вклад в развитие представлений о социальном пространстве внес американский социолог, один из теоретиков информационного общества М. Кастельс. Для него пространство является одним из трех компонентов современного сетевого общества, наряду со временем и технологиями. Кастельс заявляет, что традиционное представление о пространстве как абстрактном расстоянии, которое способен преодолеть материальный объект, не может применяться при изучении сетевого общества, поскольку в нем существенно деформируются и возникают новые оси координат.

Применяя в социальной теории положения теории относительности, Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в информационном обществе пространство мест превращается в пространство потоков. «Наше общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни... [...] Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые

занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [Кастельс, 2000: 64].

В теории Кастельса значительное внимание уделяется современным изменениям пространства физического. Социолог, в частности, отмечает, что в информационном обществе происходит разрушение традиционных представлений о дистанции, близости или отдаленности предметов. Так, путешествие в аэропорт в черте одного города может занять больше времени (и в этом смысле оказаться дальше), чем перелет в другую страну. На наш взгляд, подобные процессы характеризуют сегодня и пространство социальное, понимаемое как систему позиций социальных агентов: дистанция становится здесь понятием относительным и в высшей степени неопределенным, так как перемещение агентов между двумя близкими позициями в социальном пространстве может происходить стремительно или, наоборот, потребовать значительно больше времени и усилий. Здесь следует указать на еще одно важное для теории Кастельса понятие – скорость, которое он понимает не как скорость передвижения в физическом пространстве, но как скорость специфическую, обусловленную и связанную с особенностями современного информационного общества: «скорость становится еще одной характерной чертой современного общества. Считается, что скорость имеет тот, кто движется, но современные коммуникации позволяют большинство дел вершить без движения, сидя в офисе» [Назарчук, 2012: 59]. На наш взгляд, эта идея с полной обоснованностью может быть применена и к изучению социального пространства. Именно скорость становится фактором, определяющим положение в нем агента: впереди оказывается тот, кто все успевает.

Идеи Кастельса получили развитие в работах Дж. Урри, основателя нового направления – «мобильной социологии». Урри также указывает на трансформационные процессы в современном обществе, вызванные постоянным перемещением людских и символично-материальных потоков. Кроме того, он вводит новое понятие – «скейпы» [Урри, 2012] (в отечественной литературе можно встретить и другой вариант перевода данного термина –

«русло» [Тысячнюк, 2004]), используемое для обозначения сетей, включающих всевозможные машины, технологии, документы, действующих агентов и т.д. Потоки движутся по установленным скейпам, которые могут пересекаться между собой, образуя узлы. Близость к данным узлам обуславливает большую вовлеченность агентов в процессы обмена, что приводит к появлению и развитию новой системы неравенства, в которой определяющим фактором (или критерием для разделения индивидов на группы) выступает именно включенность в различные потоки.

Мобильная социология Урри оказывает значительное влияние на изучение социального пространства. Прежде всего, представления о потоках и скейпах, их динамичности, подверженности спорадическим изменениям (как направления, так и времени прохождения потока по скейпу) вносят существенный вклад в представления о динамике пространства и, с нашей точки зрения, повышают адекватность теоретических построений реальной ситуации. Так, в рамках теории Бурдьё социальный мир представляется пространством исключительно целенаправленных действий, ограниченных и структурированных набором заранее заданных норм и правил. Идеи Кагельса и Урри демонстрируют возможность внешних, не контролируемых социальными агентами сил оказывать влияние на состояние социального пространства, позиции в нем агентов и групп. Кроме того, для дальнейшего изучения онтологии социального пространства важную роль играет и идея Урри о стирании границ между субъектом и объектом, неразделении мира материальных объектов и людей. Социолог подчеркивает, что потоки объединяют субъектов и объектов, причем «сами люди не всегда являются определяющей силой потока, а некоторые нематериальные составляющие потока определяют поведение и движение людей» [Тысячнюк, 2004: 204].

В рассмотренных в данном параграфе теориях термин «социальное пространство» используется в одном из трех значений [Филиппов, 2008]:

- как система взаимодействий социальных акторов;
- как совокупность социальных позиций;

- как нечто обозримое, место расположения тел.

Вне зависимости от подхода к интерпретации данного термина их анализ позволяет сделать вывод о том, что «на самом деле в социальном мире существует одно, единое социальное пространство, а в нем – множество социальных полей (экономическое, культурное, информационное, политическое, образовательное, научное и др.)» [Иванов, 2013а: 55]. Причем последние могут быть связаны между собой, взаимозависимы, поскольку социальные агенты с необходимостью оказываются включенными сразу в несколько социальных полей. Несмотря на существование общих свойств, поля в социальном пространстве значительно отличаются друг от друга: по специфике деятельности, реализуемой социальными агентами, форме капитала, который выступает основной целью борьбы между ними, степени автономии и т.д. Рассматривая науку как одно из полей многомерного социального пространства, мы должны установить, какие специфические свойства характеризуют его, какие механизмы обеспечивают его функционирование и развитие.

1.2 Наука как социальное поле

Социальное поле науки имеет ряд специфических свойств, которые отличают его от, например, поля экономического производства, неравенства, бюрократии. Следуя предложенному нами определению социального пространства как системы позиций агентов, под научным полем будем понимать систему неравных, но взаимосвязанных позиций, которые занимают включенные в него социальные агенты (как индивидуальные, так и коллективные), вовлеченные в реализацию деятельности по созданию и развитию научного знания. Научные идеи и знания лежат в основе особой деятельности социальных агентов в поле науки. При этом они не являются независимыми сущностями, участниками поля, но существуют, развиваются и реализуются посредством социальных агентов.

В теории Бурдьё в качестве специфической черты научного поля особая деятельность включенных в него агентов отсутствует. Его основной отличительной чертой, по мнению Бурдьё, является специфическая форма капитала, которая выступает главной «ставкой в игре» и определяет структуру поля. В связи с этим мы считаем, что разработанное нами определение усиливает позиции теории научного поля и позволяет прояснить ряд вопросов, которые ранее не были разрешены в полной мере. Так, например, в работах Бурдьё указано, что научное поле представляет собой систему взаимодействий между включенными в него агентами, при этом пояснения относительно того, кто оказывается включенным в него, отсутствуют. Обладание научным знанием (что удостоверяется соответствующими академическими крeденциалами), участие в исследовательской деятельности и других, связанных с этим процессах могут выступать такими критериями.

Состав научного поля

В соответствии с предложенным определением и с учетом результатов анализа теорий социального пространства к основным компонентам научного поля в рамках данной работы будем относить:

- социальных агентов;
- их позиции в поле;
- потоки социальных агентов между позициями;
- взаимодействия между социальными агентами;
- правила и нормы взаимодействия между социальными агентами;
- научные знания и идеи;
- потоки научных идей и знаний.

Следует отметить, что в социологической литературе существуют и иные подходы к определению состава научного поля. Так, Бурдьё относит к компонентам поля включенных в него социальных агентов, их позиции в структуре поля и взаимодействия между ними, при этом полностью игнорируя

научные знания и идеи. О.И. Иванов значительно расширил перечень элементов, входящих в состав социального пространства и, следовательно, любого из его полей. В его составе он выделяет следующие компоненты [Иванов, 2013а: 59]:

- деперсонализованные, объективно существующие места-позиции для социальных акторов;
- реальные, действующие в данное время социальные акторы с присущими им потребностями, интересами и правами;
- нормы-правила взаимодействия акторов в социальном пространстве;
- реальные паттерны поведения и мышления социальных акторов;
- публичные арены, места, где возможен и проводится публичный дискурс между социальными акторами;
- ресурсы (материальные, финансовые, организационные, культурные, духовные и т.п.) объективированных мест-позиций.

Данный подход характеризует онтологию научного поля более комплексно. Особенно значимым мы считаем отнесение к компонентам поля норм-правил, которые поддерживают целостность поля, обеспечивают его нормальное функционирование и развитие. Тем не менее мы считаем, что некоторые из выделенных компонентов пересекаются и, следовательно, являются избыточными. Так, реальные паттерны поведения и мышления социальных агентов продиктованы габитусом, объективно-субъективной структурой, связанной с позицией агента в отдельном социальном поле и социальном пространстве вообще. Мы считаем, таким образом, что данные компоненты хотя и входят в состав научного поля, но являются *подэлементами* мест-позиций и для обеспечения единого основания выделения компонентов не могут значиться в их перечне в качестве отдельных элементов. То же в полной мере относится и к ресурсам, которые, на наш взгляд, не существуют в качестве

независимых, автономных единиц, но всегда соотнесены с определенными позициями в пространстве.

В предложенном О.И. Ивановым перечне отсутствуют компоненты, характеризующие динамическое состояние социального поля. На наш взгляд, интеграция в него потоков социальных агентов и научных знаний и идей позволит не только отразить изменчивость его структуры и положения в нем социальных агентов, но и указать на взаимосвязанность их позиций, которые образуют сеть посредством постоянно действующих потоков.

В качестве еще одного, более «инклюзивного» подхода к пониманию состава научного поля может быть использована акторно-сетевая теория Б. Латура, в работах которого постулируется необходимость стирания границ между субъектом и объектом – эти понятия он заменяет концепцией актанта. Под актантом Латур (вслед за Греймасом) понимает существо или предмет, которые принимают участие в процессе вне зависимости от их вида или исполняемой роли, даже в том случае, если они выступают исключительно в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом [Латур, 2014]. В представлении Латура и его последователей общество является континуумом «людей-нелюдей», так как артефакты, существа и предметы являются его полноправными элементами [Latour, 1999]. Будучи примененным к анализу механизмов функционирования и развития науки это утверждение означает, что ученые-исследователи, оборудование, экспериментальный материал, лаборатории с неизбежностью оказываются связанными в единую сеть. При этом указанные здесь «вещи» непосредственно участвуют в создании научного знания, что свидетельствует о его «гетерогенности».

Признавая в целом обоснованность аргументации Латура, мы, тем не менее, считаем излишним отнесение материальных объектов и экспериментального материала к компонентам научного поля: данный подход требует уравнивания исследователей, научных организаций, теорем, микробов и, как результат, установления отношений равенства или неравенства между ними, что, безусловно, невозможно, поскольку они являются компонентами

разного порядка. При этом важным является включение в состав поля науки научных утверждений, которые, по мнению Латура, затем трансформируются в научные факты. Латур утверждает, что функцией науки является убеждение посредством постулирования научных утверждений и дальнейшего их подтверждения.

Механизмы функционирования и основные свойства научного поля

Определив состав научного поля, далее установим и охарактеризуем основные механизмы его функционирования, которые мы определяем как некоторые формы взаимодействия элементов научного поля, обеспечивающие его существование и развитие. К основным механизмам функционирования научного поля мы относим следующие:

- конкуренцию;
- «акты признания»;
- согласие между социальными агентами;
- рефракцию;
- научный габитус.

В теории научного поля Бурдьё наиболее комплексно описан первый из перечисленных механизмов – **конкуренция** между включенными в него социальными агентами. Наука, как и другие социальные поля, является пространством борьбы за распределение капитала:

Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность

легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки [Бурдьё, 2005а: 474].

Как считает Бурдьё, такое представление о научном поле противоречит и отвергает общепринятые воззрения на науку как институт, в рамках которого борьба разворачивается лишь между идеями, но не между людьми; в котором движущей силой является личная незаинтересованность и ценности «чистой» науки. Тем не менее полагаем, что в социологии науки «примиренческие» идеи никогда не были распространены. Так, Мертон, указывая на существование этоса науки, который поддерживает ее целостность, все же говорит и о значимости борьбы ученых за профессиональное признание, которая особенно ярко проявляется в случаях «множественных открытий» [Merton, 1961; 1973]. Можно вспомнить и другие теории (Хагстрёма [Hagstrom, 1965], Д. и С. Коулов [Cole & Cole, 1973], Зукерман [Zuckerman, 1996]), которые подчеркивают значимость для ученых их личных побед над конкурентами. Принимая это во внимание, можно утверждать, что Бурдьё не отвергает идеи его предшественников – напротив, продолжает следовать социологической традиции, сложившейся до него. При этом, безусловно, Бурдьё стал первым социологом, так радикально заявившем о значимости личной борьбы в науке, победа в которой, а не идея прогресса научного знания, является для ученых основным стимулом к действию. Скорее всего, это – критическое – восприятие науки можно рассматривать в качестве одной из причин весьма ограниченного распространения и использования идей Бурдьё в данной отрасли социологии [Wacquant, 1989].

Мы считаем, что конкуренция является не только неотъемлемой чертой, но и одним из ключевых механизмов функционирования науки, так как она сохраняет границы поля, обеспечивает поддержание установленных в нем норм и правил, стимулирует процесс научного поиска и обеспечивает прогресс научного знания. Кроме того, конкуренция ученых выполняет в поле и контролирующую функцию, так как лежит в основе организованного

скептицизма, который, по мнению Мертона, является одной из четырех норм, формирующих этос науки. Ввиду того что все участники научного поля являются одновременно и коллегами, и конкурентами, они часто менее всего заинтересованы в том, чтобы признавать истинность некоторой системы представлений и скептически относятся к любому заявлению о научном факте или его доказательстве.

Главной целью конкуренции в научном поле является научный капитал, который выступает здесь в качестве «ставки в игре». Наиболее близкими научному капиталу Бурдье называет понятия «репутация», «престиж», «имя». Передача, присвоение социальному агенту научного капитала происходит посредством так называемых *«актов узнавания и признания»*, которые мы также отнесли к механизмам функционирования научного поля. Акты признания – это некоторые действия (или события), которые демонстрируют признание научным сообществом компетенций и достижений ученого. В качестве актов признания выступают публикации в ведущих научных изданиях, награждение почетными званиями и премиями, перевод работ на иностранные языки и др. – чем больше таких актов в карьере ученого, тем более высокую позицию он занимает в структуре распределения научного капитала.

В западном мире с середины прошлого века и в последние десятилетия в России признание компетенций и достижений ученых связано также с системой грантов: распределение грантовых средств между учеными и научными коллективами, принимающими участие в конкурсах, происходит на основе оценки их исследовательских проектов, а в некоторых случаях и уже достигнутых личных результатов в научной сфере – публикаций, полученных ранее грантов и т.д. Оценку заявок осуществляют ученые, занимающие высокое положение в структуре научного поля и вследствие этого обладающие легитимным правом выступать от имени всего научного сообщества. В результате поддержанные грантовые заявки могут рассматриваться как подтверждение соответствия заявленного проекта высоким требованиям

новизны, актуальности, научности. Более подробно понятие гранта, его роль и функции в научном поле изучены в следующей главе диссертационного исследования, но уже это краткое замечание позволяет нам отнести исследовательские гранты к актам признания, которые выступают каналами трансляции (присуждения) научного капитала, а значит, – косвенно – поддерживают или трансформируют сложившуюся структуру поля.

К механизмам функционирования научного поля мы также отнесли *согласие* между социальными агентами. Несмотря на вовлеченность всех участников научного поля в борьбу, соперничество, несомненным является значение некоторого общего набора фундаментальных интересов, связанных с существованием самого поля: «часто забывают, что борьба предполагает определенное согласие между антагонистами по поводу того, что заслуживает борьбы и что оказывается вытесненным в сферу «само собой разумеющегося» и оставленным в состоянии доксы» [Маркова, электронный ресурс]. Функционирование научного поля требует согласия включенных в него агентов по поводу ценности «игры», используемых в ней ставок, норм и правил взаимодействия между участниками. Это обеспечивает стабильность поля, его целостность и воспроизводство вне зависимости от происходящих в нем «частичных революций», которые не затрагивают основы его существования.

В научном поле согласие выступает также в качестве платы за вход, поддерживая таким образом замкнутость границ и обеспечивая эффективность отбора новых участников: «новички должны оплатить свое право входа, состоящее в признании ценности игры (в ходе отбора и кооптации всегда большое внимание уделяется знакам приверженности игры и инвестициям в нее) и в практическом знании принципов ее функционирования» [Там же]. На наш взгляд, в науке значимость согласия между социальными агентами относительно фундаментальных представлений о функционировании и развитии поля существенно выше, чем во многих других социальных полях. В таких глобальных полях, как, например, экономическое, согласие носит скорее номинальный характер: социальные агенты соглашаются с определенными

правилами, не имея выбора, так как в современном мире нахождение вне поля экономического производства практически невозможно. Научное поле, напротив, предоставляет возможность выбора: согласиться с определенными базовыми принципами и быть принятым в игру или отказаться от них, оставшись за границами поля.

Еще одним важным механизмом, обеспечивающим стабильность функционирования научного поля и его гармоничное развитие, является *рефракция*. Данное понятие широко используется в физике для обозначения феномена изменения направления электромагнитных волн при прохождении границы двух сред. Бурдьё, описывая специфику научного поля, говорит о рефракции как способности поля к преобразованию, трансформации внешних принуждений и требований и переводу их в специфическую форму. Благодаря своей способности к рефракции научное поле, по мнению Бурдьё, в некоторых случаях может до неузнаваемости преобразовывать входящие извне сигналы. Так, в середине 20 века в ряде западных стран (в первую очередь в США) экономический кризис, который требовал сокращения государственных расходов в том числе на научные исследования и разработки, привел к распространению практики распределения средств между научными организациями и коллективами на конкурсной основе, более активному использованию системы исследовательских грантов. Таким образом, поле науки изменило исходный стимул, начав распределение средств между наиболее эффективными учеными вместо прямого сокращения расходов.

Несмотря на отдельные эмпирические факты, которые могут служить подтверждением правоты позиции Бурдьё, мы считаем, что способность научного поля к рефракции в отдельные периоды может быть ограничена. Об этом свидетельствуют и результаты проведенной нами историко-социологической реконструкции эволюции исследовательских грантов, представленные во второй главе данного диссертационного исследования. Они демонстрируют, что на протяжении десятилетий система распределения капитала в научном поле трансформировалась под влиянием, в том числе,

экзогенных, внешних факторов – вслед за изменениями социальных, политических, экономических реалий. В результате в научном поле были сформированы новые механизмы оценки, формы и каналы распределения капитала.

Тем не менее механизм рефракции, несомненно, имеет принципиальное значение для функционирования научного поля: его деактивация привела бы к возможности других полей оказывать прямое воздействие на все компоненты поля, изменять правила и нормы, определять характер взаимодействия между агентами, их практик, управлять направлениями научного поиска и т.д. Спорадические изменения в таких глобальных полях, как экономика, политика, неизменно находили бы отражение в науке, автономия которой является необходимым условием ее существования и прогресса.

К механизмам функционирования научного поля мы также относим *научный габитус*, понимаемый «как система диспозиций, благодаря которой агенты адекватно воспринимают события научного поля и действуют в нем разумным образом» [Маркова, 2003: 43]. Концепция научного габитуса была предложена Бурдьё как решение спора между положениями объективизма и конструктивизма в социологии науки: с одной стороны, институциональные нормы науки требуют незаинтересованности ученых, с другой стороны, эмпирические исследования [Arthur, 2009; Fuchs, Plass, 1999] демонстрируют, что ученые нередко отказываются от следования этой норме и склонны к чрезмерной поддержке и продвижению собственных работ. Бурдьё утверждает, что действия агентов могут быть одновременно и «незаинтересованными», и «заинтересованными» благодаря тому, что они обусловлены влиянием научного габитуса. Он формируется под воздействием уже существующих норм и таким образом воспроизводит научное поле, выступая в качестве модели поведения, основанной на уже действующих ожиданиях [Бурдьё, 2004]. В результате ученый —

«это научное поле, ставшее человеком, чьи когнитивные структуры гомологичны структурам поля и благодаря этому постоянно подогнаны под ожидания, вписанные в поле. Эти правила и регулярности, которые определяют поведение ученого, существуют как таковые, т.е. как эффективные структуры, способные ориентировать практику ученых в направлении, соответствующем правилам научности, только потому, что они воспринимаются учеными, наделенными габитусом, который их делает способными [эти правила и регулярности] воспринимать и оценивать, и одновременно предрасположенными использовать» [Bourdieu, 2001: 84, цит. по: Маркова, 2003: 44].

При этом научный габитус, задавая общую рамку практик социальных агентов, предоставляет им возможность учитывать и собственные интересы. Так, ученый, критикующий научные взгляды и идеи своего конкурента, использует логику научной рациональности, т.е. преследует собственные интересы, при этом соблюдая и привлекая нормы науки [Simon, 2011]. В целом научный габитус, ограничивая горизонт выбора и направляя стратегии социальных агентов, обеспечивает воспроизводство научного поля, сохранение относительно неизменных и предсказуемых правил игры.

Представленный перечень основных механизмов функционирования научного поля, безусловно, не является конечным. Тем не менее мы считаем, что он характеризует основные формы взаимодействия элементов научного поля, которые лежат в основе его существования и развития. В этом смысле описанные механизмы могут быть отнесены к обязательным, атрибутивным.

Далее мы рассмотрим основные специфические свойства научного поля, которые формируются и поддерживаются, в том числе, посредством механизмов, рассмотренных выше. К ключевым свойствам научного поля мы отнесли относительно высокую степень автономии, «непроницаемость для чужаков» и устойчивость.

В работах Бурдьё, посвященных анализу поля науки, в качестве одного из его основных специфических свойств представлена высокая степень его *автономии*, независимости от влияния других социальных полей. Социолог отвергает идею волюнтаризма практик агентов, то же в полной мере относится и к социальным полям: ни одно из существующих полей не обладает абсолютной степенью независимости от других, т.е. аутопоэтические, закрытые самовоспроизводящиеся системы – лишь результат научного воображения. Противоположным автономии свойством поля является «гетерономия», которую можно описать как свойство прозрачности, проницаемости. Гетерономные поля открыты для внешних изменений до такой степени, что любые экономические или политические проблемы находят в них прямое выражение. Важно заметить, что автономия или, наоборот, гетерономия поля, а также степень выраженности этих двух свойств – это динамичные, изменяемые состояния, которые могут сменять друг друга на разных этапах развития поля.

По мнению Бурдьё, наука обладает большей автономией, чем многие другие социальные поля, в основном благодаря тому, что потребителями производимого здесь продукта являются сами ученые. Как следствие, распределение капитала, а значит и позиций в поле, происходит согласно решению ученых: никто, кроме членов научного сообщества, т.е. агентов, включенных в поле, не может принять решение о значимости научного открытия и квалификации его автора.

Мы считаем, что «замкнутость» потребления производимой наукой продукта, который использует Бурдьё как основание для утверждения о высокой степени ее автономии, не является в действительности свойством научного поля. Сегодня ученые выступают в качестве экспертов при разработке политических решений и программ, принимают активное участие в процессах, происходящих в образовательном поле, их знание используется различными СМИ и т.д. Исключительность роли самих ученых при оценке коллег, распределении научного капитала также не представляется нам абсолютной. В современной России, например, отдельные символы научной репутации (статус

научно-исследовательского университета, национального исследовательского центра и др.) присваиваются научным организациям внешними по отношению к научному полю агентами. Принимая во внимание данные факты, а также широко распространившиеся сегодня требования большей открытости науки и ее социальной ответственности, мы считаем необходимым отказ от радикального суждения о науке как поле, обладающем высокой степенью автономии, и использование вместо него более умеренной формулировки. На наш взгляд, научное поле обладает *относительно* (других полей) высокой степенью независимости от внешних воздействий, что обусловлено функционированием механизма рефракции, потенциал которого, как отмечалось ранее, также не абсолютен.

При этом несомненным является сохранение такого свойства, как **«непроницаемость для чужаков»**: в научном поле существуют четкие критерии разделения «инсайдеров» (ученых) и «аутсайдеров» (не-ученых), что свидетельствует о наличии четких, нетранспарентных границ. Границы проявляются в наличии определенных барьеров, препятствующих свободному вхождению в поле, при этом данные барьеры не являются статичными структурами, они изменяются в зависимости от правил, установленных в поле. В целом границы поля всегда относительны, лишь в редких случаях они представлены четко очерченными юридическими, формальными границами [Wacquant, 1989]. В большинстве же случаев они определяются агентами, уже включенными в поле и стремящимися максимально сузить их, снизив таким образом конкуренцию в поле и увеличив гарантии сохранения достигнутых позиций. В результате к новичкам неизменно предъявляются высокие требования, комплексность которых ведет к тому, что группа социальных агентов, обладающих возможностью вхождения в поле, всегда ограничена. В разные периоды барьером для вхождения в поле науки и переходом от статуса не-ученого к статусу ученого могут выступать дипломы о высшем образовании или научные степени, должности в научных организациях или членство в профессиональных ассоциациях, публикации в научных изданиях,

выполненные проекты, полученные гранты и др. При этом чем больше в поле капитала, тем выше плата за вход. Важно отметить, что в отличие от многих других социальных полей (экономики, политики, религии, моды и т.д.), вхождение в научное поле обусловлено не только (и не столько) собственным решением индивида, но решением тех, кто уже включен в поле.

На наш взгляд, поддержание непроницаемости границ научного поля для чужаков обеспечивается действием таких механизмов, как конкуренция и согласие. При этом непрозрачность границ является необходимым условием автономии науки.

Важным свойством, которое лишь эксплицитно изучено в рамках теории научного поля Бурдьё, является *устойчивость* науки, под которой мы понимаем неизменность состава научного поля, его структуры и основных свойств на протяжении длительного периода времени. Благодаря существенным ограничениям на вход в поле, согласно с фундаментальными правилами и нормами, влиянию научного габитуса, трансформации, происходящие в поле, носят, в основном, характер частичных революций, которые могут изменить сложившуюся конфигурацию сил, но не принципы их распределения.

На наш взгляд, значительную роль для устойчивости научного поля играет и отсутствие в нем единой инстанции легитимации: оценка продукта, производимого в поле, осуществляется не узкой группой индивидов или отдельной организацией, но коллегиально. Вследствие этого спорадические точечные изменения в составе поля или его структуре не порождают радикальных трансформаций сложившегося в нем порядка.

В работах Бурдьё в качестве ключевой специфической черты научного поля представлена особая форма капитала, которая выступает причиной и целью борьбы агентов. Мы считаем, что эта форма капитала – научный капитал – не является свойством поля, но характеризует взаимодействия агентов, поэтому более подробно рассмотрим данное понятие в следующем параграфе, посвященном анализу практик агентов в научном поле.

Структура научного поля и ее эмпирический анализ

Структура научного поля представлена системой устойчивых отношений между включенными в него агентами, занимающими различные (неравные) позиции. В каждый момент времени она определяется распределением в поле научного капитала:

Структура научного поля определяется в каждый данный момент соотношением сил между участниками борьбы, агентами или институциями, т.е. структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институциях и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институций в борьбе нынешней [Бурдьё, 2005б: 486].

В результате неравного распределения научного капитала между позициями агентов в науке, как и в любом другом социальном поле, можно выделить группы доминирующих и подчиненных агентов. К первой группе относятся ученые, результаты работы которых уже признаны, одобрены научным сообществом, т.е. сделавшие себе имя. Во вторую группу включены агенты, пока не обладающие значимой научной репутацией. Различие их прав и возможностей становится очевидным из сопоставления позиций, с одной стороны, академика, имеющего ученое звание, научные награды и премии, публикующегося в хороших научных журналах, и с другой - аспиранта, находящегося в начале своей научной карьеры. Безусловно, первый имеет значительно больше возможностей, чем второй, оказывать влияние на процессы, происходящие в поле.

Мы считаем, что биполярность структуры научного поля несколько искажает реальное положение в научном поле, где четкая граница между доминирующими агентами и подчиненными отсутствует. В действительности положение агента всегда описывается не в абсолютном, но относительном

измерении – относительно позиции другого агента (это подчеркивал еще Сорокин). В результате говорить о принадлежности индивида лишь к одной из указанных групп, на наш взгляд, недопустимо, так же, как утверждать, что агенты, занимающие невысокие позиции в структуре научного поля, лишены какой-либо возможности оказывать влияние на порядок в нем (хотя их возможности, несомненно, весьма ограничены *относительно* возможностей «капиталистов»). Таким образом, поддерживая позицию Бурдьё относительно детерминированности структура поля науки распределением научного капитала, мы тем не менее отказываемся выделять в ней две четко очерченные и разделенные группы антагонистов.

В работах Бурдьё описан и другой подход к определению структуры научного поля, связанный с сосуществованием двух форм научного капитала – собственно научного, или «чистого» и административного, или институционализированного. Данные (под)формы научного капитала следуют разным законам приобретения и накопления: если «чистый» капитал приобретается исключительно путем увеличения личного вклада в науку, изобретений и открытий, то капитал институционализированный – путем политических стратегий и, как правило, значительных временных инвестиций. Бурдьё утверждает, что эти формы капитала и основанные на них формы власти в поле также следуют и различным закономерностям трансляции, передачи: политическую власть в поле науки легко передать путем простого назначения на должность нужного человека; власть неинституционализированную передать практически невозможно [Бурдьё, 2010]. На наш взгляд, в современной науке прочно присутствуют механизмы передачи и чистого научного капитала: акты «освящения» в виде совместных публикаций ведущих ученых и их учеников, получения совместных исследовательских грантов, подготовка докладов. Благодаря таким действиям «капиталистов» в научном поле повышается видимость новичков, молодого поколения, что также можно расценивать как постепенный процесс накопления научного капитала, хотя стоит признать, что такие публикации в большей мере

приносят пользу и продвижение в структуре поле науки ученым, уже сделавшим себе имя и известным научному сообществу [Бурдые, 2005б] (даже если их вклад в совместную работу существенно меньше вклада других участников).

Институционализированный и чистый научный капитал конвертируемы друг в друга: на определенном этапе своей карьеры выдающийся ученый может получить приглашение возглавить научный коллектив или целую академическую организацию. Возможен и другой переход (хотя Бурдые называет его менее вероятным и распространенным): обладая большой административной властью, агент способен представить себя как специалиста, занимающего высокую позицию и в специфической иерархии (в том числе изменив правила игры в поле).

Двойственность научного капитала ведет к существованию двух систем стратификации в науке: административной (или временной) и специфической, научной. Они могут полностью совпадать (обладающие чистым научным капиталом будут занимать более высокие посты в науке) или – наоборот – быть полностью противоположными. Бурдые указывает, что чем менее автономно поле науки, тем большее давление способна оказывать первая иерархия на вторую. Считаем, что вне зависимости от степени автономии поля агенты, наделенные институционализированным научным капиталом, служат связующим звеном между наукой и другими полями, в первую очередь экономическим и политическим. Проведение научных исследований, публикация работ, организация академических мероприятий, создание и поддержание научной инфраструктуры, подготовка научных кадров – эти и другие потребности науки требуют финансовых ресурсов, причем значительных. Это свидетельствует о том, что сегодня наука, свободная от любых воздействий извне, наука как башня из слоновой кости – идеальный тип, результат научного воображения и теоретизирования. В реальности все поля в социальном мире неразрывно связаны друг с другом, и изменения в одном из них – по цепочке – передаются в другие поля. Интенсивность воздействия

внешних импульсов, безусловно, напрямую зависит от «свободы самоопределения» поля, его автономии, но это не освобождает даже науку от внешнего давления. На наш взгляд, администраторы в науке являются проводниками, трансляторами стимулов извне в поле научного производства. Современные трансформации науки и распространение (по крайней мере, в большинстве западных стран) практики назначения на руководящие должности людей, не связанных с научной деятельностью, профессиональных менеджеров, разбирающихся в бизнес-стратегиях и фандрайзинге, говорят о том, что в будущем эта функция научных администраторов будет только усиливаться.

Представления Бурдье о структуре поля науки как системе распределения позиций социальных агентов в соответствии с объемом накопленного научного капитала в теории социолога носят в целом абстрактный характер, хотя могут, на наш взгляд, успешно применяться и для эмпирических исследований. В соответствии с базовыми положениями теории Бурдье, при изучении структуры поля необходимо определить включенных в него социальных агентов, которые обладают наибольшим накопленным научным капиталом и занимают, таким образом, более высокие позиции. Для достижения данной цели возможно использование нескольких подходов.

В исследовании, посвященном анализу композиции российской социологической науки, в качестве информационного ресурса выступал целый комплекс источников: списки членов и членов-корреспондентов РАН, членов правлений профессиональных ассоциаций, перечень ключевых фигур в организации всероссийских конгрессов, главных редакторов, а также членов редколлегии и редакционных советов научных журналов, списки экспертных советов ВАК и др. [Кнорре, Соколов, 2013]. Эти ресурсы могут быть использованы и при анализе структуры научного поля, хотя, на наш взгляд, они имеют серьезное смещение в сторону агентов, обладающих институционализированным, а не «чистым» научным капиталом. Перераспределение позиций в иерархии, основанной на институционализированном научном капитале, не является гибким: однажды

получив должность в таких структурах, агенты, как правило, занимают ее в течение длительного срока, даже если их научная результативность заметно сократилась.

В качестве еще одного подхода к выявлению агентов, обладающих наибольшим накопленным научным капиталом, можно назвать опрос самих ученых, в ходе которого им предлагается указать своих наиболее именитых коллег. Использование данной методологии позволяет очертить состав группы «капиталистов» для каждой области научного знания. Подобное исследование было проведено Коулами в 1960-х гг. [Cole, Cole, 1967]. На наш взгляд, такой интерналистский подход, несмотря на то что он базируется на субъективных знаниях и оценках, весьма объективен: никто кроме представителей самого научного сообщества не знаком лучше с наиболее выдающимися достижениями в сфере науки. Кроме того, опрос ученых позволяет выявить неформальных лидеров, доминирующее положение которых в научной иерархии не связано с их административной властью. Существенным ограничением указанного подхода является сложность его практической реализации: определение размера выборки, сбор данных и обработка информации – все эти процедуры в данном случае требуют значительных затрат (финансовых и временных).

Также для изучения структуры научного поля может быть использована методология, базирующаяся на оценке публикационной активности ученых. Публикационная активность является одним из показателей научного вклада интеллектуальных работников и «определяется количеством публикаций автора и числом их цитирований, для подсчета которого используются библиографические ссылки научных статей» [Обухова et al., 2012: 33]. Показатели публикационной активности отдельных ученых, научных организаций, их подразделений и даже целых государств являются традиционной, наиболее распространенной мерой результативности научной деятельности. Это связано с тем, что основным результатом деятельности ученого является именно публикация, которая выполняет одновременно

несколько функций. В. Григорьев так объясняет значимость публикаций для науки и ученых:

Специфика науки как объекта изучения состоит в открытости науки — это один из самых открытых социальных институтов. Ученым предписано не только делиться результатами своих исследований, но и описывать путь их получения. Это следствие принципа объективности, объективно то, что может воспроизвести каждый (в теории). Отсюда следует, что документы в сфере науки являются более богатым источником информации, чем в других социальных институтах [Григорьев, 2011: 31].

Именно вследствие этого библиометрия – одно из направлений статистики науки, основанное на оценке публикационной активности ученых, – получила сегодня значительное распространение, в том числе за пределами научного поля. Основное внимание в библиометрии уделяется оценке числа и качества первичных научных документов, содержащих «новые сведения или переосмысление известных ранее фактов и теорий» [Зарубинский, Панарин, 2010: 64]. К таким публикациям относятся статьи в научных периодических изданиях, монографии, научно-технические отчеты. Вторичные документы, в которых обсуждаются результаты переработки первичной научной информации, также могут оцениваться в ходе измерения общего уровня публикационной активности, но имеют меньшее значение. Среди обоих типов публикаций в большинстве науковедческих исследований в качестве объекта анализа выступает научная статья, которая является наиболее распространенной формой представления основных идей ученого.

Науковедческие исследования, использующие методы библиометрического анализа, могут включать изучение количественных, качественных показателей публикационной активности или их совокупность. В качестве основных количественных показателей используются число

опубликованных научных статей, других типов публикаций. Эти индикаторы характеризуют продуктивность ученых и научных подразделений, но ориентация исключительно на количественные данные не позволяет оценить качество работ, а значит, и вклад ученого в развитие научной отрасли. Вследствие этого количественный анализ публикационной активности принято дополнять изучением качественных характеристик. В данном случае одной из возможных стратегий является классификация статей, выделение из их общего числа тех, которые – по крайней мере, номинально – соответствуют более высоким требованиям оригинальности, актуальности. Так, в рамках существующей системы статистической отчетности, действующей в России, при оценке результативности научные организации предоставляют сведения не только об общем числе научных статей их сотрудников, но выделяют из общего объема работы, опубликованные в российских рецензируемых журналах, в зарубежных изданиях. На индивидуальном уровне сохраняется то же ранжирование научных публикаций: статья в зарубежном издании, особенно в том случае, если оно включено в одну из международных баз научного цитирования (Web of Science, SCOPUS и другие), является для большинства отраслей науки (и в первую очередь для естественных и физико-математических наук) более весомым доказательством значимости достижений ученого, чем несколько статей, вышедших в отечественных журналах.

Анализ показателей публикационной активности позволяет выявить наиболее активных ученых в различных областях науки, а также – благодаря индексам научного цитирования – оценить структуру поля науки, проследить распределение научного капитала и установить позиции включенных в поле социальных агентов. Тем не менее данная методология имеет и ряд ограничений. Прежде всего, как отмечалось выше, показатели публикационной активности должны использоваться комплексно: на основании сведений лишь о количестве публикаций невозможно получение объективной оценки вклада ученого и качества проводимых им исследований. Индекс научного цитирования, будучи более надежным для решения этой задачи, также имеет

существенные недостатки [Cole, Cole, 1967]. Во-первых, наиболее заметные и значимые в своей области исследования очень быстро становятся общеизвестным фактом, *common knowledge*, благодаря этому ученые, ссылающиеся на их результаты в своих работах, считают излишним оформление ссылки и просто упоминают имя автора в тексте. Во-вторых, цитаты могут быть использованы для высказывания критических замечаний – в этом случае публикация, получившая резко негативный отклик в научном сообществе, все равно будет иметь высокий индекс цитирования. И наконец, значимость научной работы не всегда может быть оценена современниками, зачастую новые, революционные идеи игнорируются или резко критикуются.

Несмотря на отмеченные недостатки подхода, он весьма широко применяется для определения агентов, занимающих лидирующие позиции и обладающих высокой репутацией в той или иной области науки. В качестве примера исследования, основанного на изучении индексов цитирования, можно назвать исследование М. Соколова, посвященное анализу цитирования работ социологов России [Соколов, 2009].

Все рассмотренные выше методологические решения относятся к изучению позиций в структуре научного поля индивидуальных социальных агентов – ученых – и не могут быть применены для изучения распределения научного капитала между научными организациями. Исследование аффилиаций ученых, входящих в составы редакционных комиссий, выступающих на пленарных заседаниях крупнейших конференций, являющихся членами экспертных советов, ничего не говорит о статусе организаций, в которых они работают. Показатели публикационной активности также приспособлены для оценки исключительно индивидуальной научной продуктивности – при их использовании для анализа публикационной активности вуза, института или другой научной организации наблюдается появление серьезных ошибок в данных. В качестве возможного подхода к оценке позиций научных организаций в структуре поля российской науки можно предложить ориентацию на их «статусные» характеристики – отнесение

их к национальным исследовательским университетам, национальным научным центрам, центрам превосходства. Все эти категории научных организаций представлены сравнительно недавно, но уже получили широкое распространение и стали предметом конкуренции между агентами научного поля.

Указанные подходы к определению организаций-лидеров научного поля имеют ряд существенных ограничений и недостатков. Главный из них – это принцип присвоения статусов НИУ, НИЦ, ГНЦ «сверху», причем ключевыми агентами в процессе принятия решений о том, кто их получит, являются не сами представители научного поля, но индивиды, не включенные в него непосредственно. Во-вторых, статусы НИУ и НИЦ тесно связаны с приоритетными направлениями развития науки и техники, определяемыми государством. В результате многие научные организации, которые являются лидерами в определенных областях науки, не входят ни в один из указанных перечней в силу «неприоритетности» для государства тех направлений исследований, которые они выполняют. И в-третьих, процедуры присвоения статусов сильно формализованы и бюрократизированы, основаны на анализе предоставленных справок и свидетельств, что также ведет к некоторому искажению представлений о распределении реальных статусов в науке. Несмотря на ограничения предложенной методологии, считаем, что обоснованный и взвешенный подход к ее применению, использование в совокупности с другими, описанными в этом параграфе методами, может предоставить релевантную информацию о структуре научного поля, позволит определить в ней группу лидеров и, кроме того, адаптировать теории научного поля и научного капитала к анализу эмпирического материала.

1.3 Ученые в поле науки

В предыдущем параграфе мы рассмотрели основные свойства и механизмы функционирования поля науки, теперь важно оценить, какое выражение они находят в практиках агентов, в роли которых выступают

ученые, научные коллективы и организации. Как отмечалось ранее, теория научного поля Бурдьё базируется на утверждении социолога о том, что все агенты, включенные в поле, принимают участие в постоянной, непрекращающейся борьбе – своеобразной войне всех против всех. Практики агентов, если воспользоваться терминологией Макса Вебера, можно назвать целерациональными: они направлены на достижение главной цели – победу в борьбе и получение признания, которое обеспечит более высокую позицию в структуре поля. Данная цель определяет и исследовательские интересы ученого. С одной стороны, ученым всегда – по крайней мере, номинально – движет его собственный научный интерес: он занимается тем, что, как *ему кажется*, для него интересно. Бурдьё говорит, что достаточно одного простого примера – разочарования, которое испытывает любой ученый, если результаты, которые он ожидал получить сам, публикуются кем-то другим, – чтобы понять, что истинным мотивом научной деятельности является не только (и не столько) то, что интересно и важно самому ученому, но то, что интересно и важно другим: поле науки «предписывает каждому исследователю, в зависимости от занимаемой им позиции, соответствующие научные и, одновременно, политические проблемы, а также методы их изучения» [Бурдьё, 2005б]. Таким образом, работа ученого, которую можно рассматривать как инвестицию (времени, сил, энергии), имеет смысл и выполняется только тогда, когда – эксплицитно или имплицитно – ожидается, что эти инвестиции принесут выгоду и ее результаты позволят ученому опередить своих конкурентов. Кроме того, именно ориентация на конечный результат (для Бурдьё конечный результат исследований – это не идея и не открытая истина, а некоторая сумма научного капитала) манипулирует и выбором направления исследований: ученые предпочитают заниматься тем, что в будущем обеспечит им более высокую позицию.

Поддерживая в целом идеи социолога о значении конкуренции для развития науки, мы тем не менее согласны с О.И. Ивановым, который считает, что признание ее не только доминирующей, но единственной формой

взаимодействия социальных агентов в поле науки является существенным преувеличением и искажением реальности [Иванов, 2013а]. Описывая научное поле, Бурдые игнорирует кооперацию ученых и научных организаций, которая сегодня, благодаря развитию техники и средств коммуникации, повышению мобильности ученых и проникновению глобализационных процессов в науку, является активно используемой формой взаимодействия. Значимость научной кооперации для развития современной науки связана непосредственно с содержанием данного процесса, который охватывает различные формы сотрудничества между организациями:

- совместное выполнение научных исследований;
- разработка методик, проведение экспериментов, эмпирических исследований;
- обмен научными кадрами, в том числе для участия в краткосрочных программах повышения квалификации, прохождения стажировок;
- организация совместных конференций, семинаров, экспедиций;
- подготовка научных публикаций;
- обмен научной информацией, материалами;
- соруководство подготовкой кандидатских и/или докторских диссертаций;
- совместное использование оборудования и другой научной инфраструктуры; и др.

Многообразие направлений кооперации в научно-технической сфере, их содержание, цели и возможные результаты свидетельствуют о значительных возможностях сотрудничества для развития науки в целом и успеха отдельных научных организаций. Оно позволяет сокращать финансовые и временные затраты на выполнение научных исследований, получать доступ к недостающим ресурсам (кадровым, материально-техническим, информационным). Сотрудничество между индивидуальными исследователями в целом преследует те же цели, что и между научными организациями, но, как

мы считаем, является более традиционным, имеет более длительную историю ввиду простоты установления неформальных связей по сравнению с формальными, часто бюрократизированными отношениями между организациями. Сотрудничество с коллегами позволяет ученым, благодаря разделению труда, сокращать длительность реализации исследовательских проектов (что играет принципиальную роль в описанной еще Мертоном гонке за научное первенство), проводить междисциплинарные исследования, получать доступ к необходимым знаниям и навыкам.

Следует отметить, что, в соответствии с положениями теории научного поля Бурдьё, даже установление кооперационных связей между учеными обусловлено их стремлением к победе над конкурентами. На наш взгляд, такая позиция верна лишь отчасти: многие формы сотрудничества в научно-технической сфере (обмен знаниями и идеями, результатами исследований, программы обмена научными кадрами и др.) не предоставляют участникам конкурентного преимущества и обусловлены исключительно их стремлением решать более сложные исследовательские вопросы. Таким образом, считаем обоснованным отнесение сотрудничества, кооперации к формам взаимодействия социальных агентов в научном поле.

Кроме конкуренции, еще одним центральным для теории научного поля является понятие научного капитала. В работах Бурдьё, который впервые сформулировал идею о научном капитале, приводятся противоречивые определения данного понятия. Так, в статье «Поле науки» [Бурдьё, 2002] научный капитал рассматривается как «тот особый род *социального* капитала, который обеспечивает власть над конституирующими механизмами поля». Согласуясь с данным определением, мы должны будем признать, что предметом борьбы в научном поле являются социальные связи, а доминирующие позиции обеспечены тем, чья социальная сеть контактов наиболее широка. Можно допустить, что в некоторой степени такая ситуация соответствует реальности (хотя, скорее всего, направление причинно-следственной связи в отношении «контакты-репутация» должно быть

инвертировано), но кажется бесспорным, что накопление какого бы то ни было социального капитала не является основной причиной борьбы между учеными.

В другой работе Бурдьё указывает, что научный капитал – это форма *символического* капитала, для которой наиболее близкими понятиями являются «признание», «репутация», «престиж», «известность», «имя» [Бурдьё, 2010]. На наш взгляд, такой подход более оправдан, хотя и он имеет некоторые ограничения. Так, при изучении работ Бурдьё нам не удалось установить, каким образом отличается научный капитал от (любых) других форм символического капитала. Сравнительный анализ определения символического и научного капитала также не выявил отличий первого от второго. Это говорит о том, что Бурдьё использует понятия «научный» исключительно для наименования символического капитала, распределяемого в поле науки.

Также в отдельных работах Бурдьё (например, [Bourdieu, 2004]) научный капитал представлен как специфическое сочетание символического и культурного капиталов. Для преодоления противоречий и неопределенности трактовки понятия мы предлагаем рассматривать научный капитал как легитимную возможность социальных агентов принимать участие в принятии решений относительно функционирования и развития научного поля: чем выше позиция ученого в структуре научного поля, тем обширнее его права в определении критериев научности, требований к новым участникам поля, принципов и правил распределения научного капитала и т.д. Кроме того, объем накопленного капитала обуславливает возможность (или невозможность) агента выступать от имени всего научного сообщества. Так, существующие способы и механизмы иерархизации науки (например, построение рейтингов), используемые, в том числе, с привлечением «международных экспертов», никогда не бывают нейтральны: критерии оценки, положенные в основу этих рейтингов, а также экспертные мнения и заключения всегда детерминированы распределением власти и силы в поле. Например, в основе системы оценки ученых и научных организаций, которая уже начинает внедряться в России, лежит представление о том, что количественные показатели, характеризующие

в первую очередь публикационную активность научного сообщества, являются наиболее надежным способом замера эффективности науки. Сама идея о необходимости проведения таких оценок в рамках социологии науки Бурдье может трактоваться как изъявление воли агентов, занимающих сегодня доминирующие позиции в поле и стремящихся их защитить и укрепить.

Предложенное нами определение научного капитала не противоречит представлениям Бурдье, при этом использование в качестве определяющей категории влияния, власти позволяет избежать использования понятий-посредников, которые требуют категоризации научного капитала и неизбежного его отнесения к одной из общих форм капитала.

Научный капитал может накапливаться, передаваться и конвертироваться в другие формы капитала. Для процесса накопления капитала наиболее важное значение имеют научные открытия, которые помогают ученым «сделать себе имя». Для ученого, обладающего определенным накопленным капиталом и занимающего высокую позицию в структуре поля, дальнейшее расширение капитала представляется гораздо менее сложным процессом – в работах Бурдье этот феномен выражается правилом «капитал идет к капиталу». Эта простая формула повторяет (и подтверждает) описанный еще Мертоном «эффект Матфея», объясняющий причины, по которым наиболее известные научные центры получают больше признания и профессионального уважения, чем те, которые еще не сумели создать себе репутацию [Merton, 1988]. Имя, уже известное в поле, всегда будет получать больше внимания, а значит, и научного капитала.

Несмотря на изменения, внесенные в интерпретацию научного капитала, мы считаем, что стремление к его приобретению, накоплению и сохранению не является исключительным, единственным стимулом в деятельности социальных агентов в научном поле. На наш взгляд, важно осознавать, что социальный агент – и индивидуальный, и коллективный – включен одновременно в целый спектр полей. Так, ученый, несомненно, является участником взаимодействий в экономическом поле, скорее всего,

политическом, культурном, образовательном и др. В результате и система его мотиваций обусловлена не отдельным (научным) габитусом, но целым комплексом различных потребностей, интересов, стремлений, готовностей и т.д. О.И. Иванов следующим образом трактует содержание взаимодействий социальных агентов в поле: «В действительности основное содержание взаимодействия социальных акторов в социальном пространстве и его полях — удовлетворение индивидуальных и групповых потребностей, реализация социальных интересов и прав» [Иванов, 2013а: 58]. Мы считаем, что в каждом из социальных полей, в том числе в поле науки, агент действительно стремится не к накоплению определенной формы капитала, но к наиболее полной реализации своего человеческого потенциала, который охватывает «сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовностей различных социальных общностей выполнять общественно-необходимые деятельности, основные социальные роли, функции, такие роли и функции, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер, а также в обществе в целом» [Иванов, 2012: 145].

Одним из компонентов человеческого потенциала является потенциал научный – потребности, интересы, способности агента, которые лежат в плоскости научной деятельности. Именно результаты реализации агентами своего научного потенциала являются объектом оценки в научном поле и, таким образом, лежат в основе циркуляции, распределения в нем научного капитала. Мы считаем, что понятие научного потенциала и стремление к его реализации более комплексно и объективно характеризует систему мотивации ученых – благодаря интеграции данного подхода в теорию научного поля можно утверждать, что в основе научной деятельности исследователя, научного коллектива или целой организации лежит не только желание заслужить репутацию и «имя», занять высокую позицию в структуре поля, но и следовать собственным (индивидуальным) исследовательским интересам.

При этом важно отметить, что существование научного потенциала и стремление к его реализации не требует с необходимостью деактивации всех остальных компонентов человеческого потенциала: социальный агент в научном поле в качестве цели своей деятельности может рассматривать реализацию не только научных, но и других своих потребностей, интересов, способностей. В результате деятельность агентов в научном поле может быть направлена на получение «чистого» научного капитала (в терминах Бурдьё), который приобретает исключительно путем увеличения личного вклада в науку, изобретений и открытий; или институционализированного научного капитала, распределение которого лежит в основе административной стратификации в науке и связано, скорее, с административными, управленческими амбициями агентов.

Выводы

На основе критического анализа теорий социального пространства, проведенного в данной главе, мы разработали определение научного поля, согласно которому поле науки – это система неравных, но взаимосвязанных позиций, которые занимают включенные в него социальные агенты (как индивидуальные, так и коллективные), вовлеченные в реализацию деятельности по созданию и развитию научного знания. Кроме того, мы изучили состав научного поля и выделили основные его компоненты, к которым относятся социальные агенты; позиции, которые они занимают в поле; потоки социальных агентов между позициями; взаимодействия между социальными агентами; правила и нормы взаимодействия между социальными агентами; научные знания и идеи, потоки научных идей и знаний.

Также в главе изучены теоретические подходы к пониманию структуры научного поля, которая определяется распределением в нем научного капитала, и предложены методологические положения к ее эмпирическому изучению и определению в составе поля науки социальных агентов, занимающих доминирующие позиции.

В рамках изучения онтологии научного поля также были установлены и охарактеризованы ключевые механизмы функционирования научного поля и его основные свойства. К механизмам функционирования поля мы относим конкуренцию, акты признания, согласие между социальными агентами относительно фундаментальных интересов и правил взаимодействия, рефракцию, посредством которой происходит трансформация поступающих извне сигналов, и научный габитус, который определяет горизонт выбора стратегий поведения социальных агентов и поддерживает целостность и стабильность функционирования поля.

Основными специфическими свойствами научного поля являются относительно высокая степень его автономии, которая обеспечивает свободу научного поля от влияния других социальных полей, «непроницаемость для чужаков», обуславливающая наличие четких критериев разделения «инсайдеров» и «аутсайдеров», и устойчивость, которая обеспечивает сохранение неизменными состава научного поля, его структуры и свойств на протяжении длительных периодов времени.

Кроме того, в главе проведен анализ особенностей взаимодействия в научном поле социальных агентов, предложено новое определение научного капитала, под которым понимается легитимная возможность социальных агентов принимать участие в принятии решений относительно функционирования и развития научного поля. Отдельно рассмотрено содержание и значение сотрудничества, кооперации как одной из форм взаимодействия между социальными агентами. При этом ключевой целью взаимодействия в научном поле, по мнению автора, является стремление не к накоплению научного капитала, но к наиболее полной реализации своего человеческого потенциала.

Глава 2. Теоретико-методологические основания эмпирического изучения исследовательских грантов

В данной главе предпринята попытка разработать социологическое определение исследовательского гранта, описаны результаты социолого-исторической реконструкции эволюции грантовой системы в России и мире, представлены ключевые особенности ее функционирования в нашей стране и за рубежом. Глава также содержит результаты проведенного нами анализа функций и дисфункций, которые выполняет грантовая система для современных ученых и науки в целом, выявленных в ходе аналитической работы с научными публикациями по данной теме и результатами эмпирических исследований, реализованных в ряде зарубежных стран.

2.1 Исследовательский грант: социологическая концептуализация понятия

Грант – понятие, широко используемое не только в рамках многих дисциплин, но и в повседневной жизни, что часто приводит к терминологической путанице при его употреблении: грантами называют пожертвования, субсидии, различные выплаты, стипендии. В английском языке, из которого пришел этот термин, слово «grant» также имеет несколько значений: 1) дар, подарок; 2) субсидия, дотация; 3) пособие, единовременная денежная выплата; 4) стипендия. При этом в научных публикациях, в которых встречается рассматриваемое понятие, его содержание становится предметом дискуссии крайне редко: авторы предпочитают полагаться на контекстуальное понимание читателей и оставляют его без пояснений.

В Большом энциклопедическом словаре приводится следующее определение данного понятия: «Грант (англ. grant) – вид субсидии; предоставляется организацией или частным лицом другой организации или частному лицу (как правило, в результате конкурсного отбора) для осуществления конкретных проектов в области науки, культуры, образования»

[Большой Российский энциклопедический словарь, 2003: 122]. Это общее определение раскрывается более подробно в юридической трактовке гранта: «грант – безвозмездная субсидия предприятиям, организациям и физическим лицам в денежной или натуральной форме на проведение научных или других исследований, опытно-конструкторских работ, на обучение, лечение и другие цели с последующим отчетом об их использовании» [Большой юридический словарь, 2002: 392]. В обоих словарях (как, впрочем, и других изданиях подобного типа) гранты определяются через субсидии. При этом источником субсидий являются, как правило, бюджетные средства государства или его субъектов [Там же], а значит, предложенное определение противоречит реальной ситуации: в России и за рубежом функционирует множество частных научных фондов (например, Фонд Форда, Фонд МакАртуров, Благотворительный фонд В. Потанина и др.). Кроме того, добровольные взносы и пожертвования являются одним из источников финансирования государственных научных фондов в России. Эти и другие факты требуют более детального анализа понятия и разработки единого определения, которое, по крайней мере, в рамках данной работы позволит избежать ошибок и двусмысленности трактовок при его использовании. Также данное определение должно быть применимо в рамках социологической теории и отражать связь грантовой системы с социальным полем науки – то есть обладать свойствами, которых лишены все из известных нам подходов к интерпретации понятия «исследовательский грант».

В качестве исходной точки формирования определения исследовательского гранта стоит обратиться к нормативной базе Российской Федерации. В российском законодательстве, в отличие от международного опыта, понятие «грант» появилось относительно недавно. В начале 1990-х гг., когда в стране появились первые гранты на проведение научных исследований, учрежденные зарубежными фондами и благотворительными организациями, в отечественном законодательстве отсутствовали правовые механизмы обеспечения данной формы финансирования науки [Мельник, 2004]:

положение организаций, выдающих гранты, («грантодатели») и организаций и частных лиц, их получающих («грантополучатели», «грантодержатели»), не было определено. В 1993 г. в России появилось первое нормативно-правовое определение гранта как суммы целевых средств, предоставляемых «безвозмездно иностранными благотворительными организациями предприятиям, организациям и физическим лицам в денежной или натуральной форме на проведение научных или других исследований, опытно-конструкторских работ, обучение, лечение и другие цели с последующим отчетом об их использовании» [Там же]. Важно заметить, что в данной трактовке гранты связаны исключительно с иностранными организациями, хотя к тому моменту в России уже функционировал первый отечественный научный фонд – РФФИ, который был учрежден в 1992 г. Позже, уже в 1996 г., появилось определение гранта, которое используется в юридической практике и сегодня: «гранты – денежные или иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданам или юридическим лицам, в том числе иностранными гражданами и юридическими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории Российской Федерации в установленном Правительством Российской Федерации порядке, на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателем»².

Правовое определение, основанное на понимании гранта как одного из механизмов финансирования научных исследований и разработок, является сегодня доминирующим. Этот механизм финансирования обладает комплексом характеристик, которые отличают его от базового финансирования:

² Ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

1. Безвозмездность и безвозвратность: отсутствие обязательства возвращать полученные средства (кроме случаев нарушения правил предоставления отчетности).

2. Целевой характер (предназначен для конкретных целей и требует предоставления финальной отчетности об использовании гранта для их достижения. Для грантов, выделяемых на проведение НИР, основным условием демонстрации целевого использования является обнародование полученных результатов, как правило, посредством публикации).

3. Адресность поддержки. Получателями исследовательских грантов являются не организации, а научные коллективы (или отдельные ученые), вне зависимости от возраста, ученого звания, научной степени или должности. Другими словами, денежные средства, распределяемые через систему грантов, предназначены для конкретных исследовательских проектов, высокое качество которых является (по крайней мере, номинально) необходимым и достаточным условием получения гранта.

4. Общественная полезность (предоставляется для социально значимых целей – культуры, здравоохранения, образования, науки и др.).

Правовое определение гранта, являясь важным – и даже необходимым – основанием для дальнейшего анализа, тем не менее недостаточно для науковедческих и социологических исследований, так как упускает ряд других важных особенностей и не позволяет отделить гранты от родственного им понятия «пожертвование». В рамках экономического и юридического определений понятия «грант» практически без внимания остается механизм его распределения, хотя И.Г. Дежина в качестве одной из черт грантового механизма распределения финансирования на науку называет конкурсность – выделение грантов строго «на конкурсной основе в результате многоэтапной, независимой экспертизы проектов» [Дежина, 2008: 125]. Действительно, необходимым этапом распределения грантов является экспертиза, в ходе которой проводится оценка поданных заявок, оформленных в соответствии с официальными требованиями. Именно наличие экспертного отбора отличает

систему грантов от пожертвований, которые, как правило, предоставляются без проведения экспертной оценки: выбор получателя пожертвования зависит от личной воли жертвователя (частного лица или организации) и часто не требует подготовки и подачи специальной конкурсной документации.

Исследовательский грант является одним из видов грантов и предоставляется на проведение научного исследования или действий, связанных с его подготовкой или презентацией полученных результатов (например, покупка необходимого оборудования, организация конференции, публикация результатов). Таким образом, принимая во внимание содержание правового определения исследовательского гранта и используя в качестве концептуальной рамки теорию социального пространства, можно сказать, что грант является одним из механизмов распределения экономического капитала в научном поле. При этом мы считаем, что в данном социальном поле грантовая система выполняет и другую задачу, которая реализуется посредством принципа конкурсности распределения исследовательских грантов.

Предоставлению гранта предшествует подача заявки на участие в конкурсе; все полученные заявки проходят рецензирование (*peer review*), по результатам которого и отбираются грантополучатели. Рецензирование – это процесс оценивания предложений (заявок) и результатов научных исследований на уровень квалификации, актуальность (значимость) и оригинальность экспертами, в той же сфере, к которой принадлежит и подаваемая заявка или статья к публикации. Начало использования рецензирования в науке относится к 17 веку, когда появившиеся академии наук и научные общества (в первую очередь Лондонское королевское общество) стали применять эту процедуру для оценки качества манускриптов, предназначенных для печати в их журналах. Причиной обращения к этой процедуре стала необходимость оценки манускриптов, присланных учеными, которые не являлись членами Общества. Часто такие работы содержали описание экспериментальных исследований, и установить их качество было довольно сложно. В подобных ситуациях качество исследования могло быть

подтверждено одним из членов Общества, который «гарантировал» надежность полученных результатов, или группой ученых, которые проводили критическую оценку эксперимента. Изначально для того чтобы получить одобрение такой группы, требовалось повторить эксперимент в ее присутствии. В дальнейшем эта процедура была заменена на изучение описания методологии исследования и его результатов, представленных на бумаге. В настоящее время процедура рецензирования широко применяется и за пределами этой, традиционной для нее области: рецензирование могут проходить тезисы конференций, в том случае если организаторы научного мероприятия стремятся отобрать наиболее интересные и актуальные доклады, грантовые заявки.

В качестве рецензентов выступают ученые, которые являются признанными экспертами в определенной области науки, то есть социальные агенты, занимающие высокие, доминирующие позиции в структуре поля, а значит, обладающие легитимным правом выступать от лица научного сообщества. В ходе рецензирования оцениваются актуальность и новизна представленных исследовательских проектов, научных идей, их соответствие критериям научности. Сама система может быть изображена в виде воронки, на входе которой скапливается огромное число идей, теорий, научных работ и ученых. Лишь часть из них впоследствии проходит оценку и получает статус научности, оригинальности, новизны и т.д. В результате одобрение экспертов воспринимается научным сообществом как подтверждение соответствия проектов и их руководителей указанным критериям, как необходимая основа признания. Таким образом, гранты следует рассматривать как механизм не только финансирования научных исследований, функционирующий согласно указанным выше критериям, но и *трансляции научного капитала в поле науки*.

2.2 Эволюция системы исследовательских грантов

История формирования системы исследовательских грантов во многом остается неизвестной: вопросы о том, где, когда и почему появились первые гранты в современном их понимании, не имеют однозначных ответов. Это

связано, в первую очередь, с размытостью самого понятия и неразрывной связью грантовой системы с меценатством на первых этапах ее формирования, вследствие чего является невозможным обоснованное отнесение ряда работ к исследованиям по истории грантов или к работам о трансформации государственной и общественной поддержки науки. При этом мы считаем крайне важным изучение зарождения грантовой системы и ее последующей динамики: оно дает представление о том, как происходило формирование нового механизма распределения капитала в научном поле, под воздействием каких факторов и какие цели преследовало, как они трансформировались в дальнейшем. Кроме того, историко-социологический анализ в данном случае преследует цель эмпирической проверки гипотезы Бурдьё о способности научного поля к рефракции, о его высокой степени автономии.

Эволюция исследовательских грантов началась в середине 19 века вследствие институциональных трансформаций, происходивших в то время в западной науке. По мнению ряда исследователей [Crosland, 1979; Weaver, Beadl, Wells, 1967; и др.], страной, в которой появились первые гранты в том понимании, которое мы вкладываем в это понятие сегодня, является Франция.

Зарождение исследовательских грантов: Франция

К началу 19 века в академиях наук, появившихся к тому времени в большинстве западных стран, сложилась традиция награждения ученых, которые достигли выдающихся результатов в той или иной области науки, специальными наградами, медалями, призами и другими символами почета [McClellan, 1985]. Наибольшее число подобных наград вручалось Французской академией наук, в стенах которой несколько позже и произошел переход от *поощрения ученых за проведенные исследования* (в форме научных призов) к *стимулированию будущих исследований* (в форме грантов). Призы (*prix*) присуждались уже известным ученым (как правило, преклонного возраста), для которых они являлись символами признания не просто результатов отдельного исследования, но работы, выполняемой в течение всей жизни [Crosland, 1979].

Таким образом, данная система поощрения являлась «апостериорной», так как объектом оценивания в ней были завершённые исследования и уже полученные результаты. Стоит отметить, что научные призы и награды обладали исключительно символической ценностью, имея при этом крайне незначительный материальный эквивалент. Самая престижная медаль за научные достижения – гран-при – стоила не более 3000 франков (такой суммы было бы недостаточно даже для покупки вечернего наряда) [Crawford, 1980].

В середине 19 века начинается постепенный переход от традиционной («наградной») системы поощрения к монетарной – призам, которые имели не столько символическую, сколько материальную ценность. Денежные призы часто вручались в качестве дополнения к традиционным медалям и другим наградам. Переход к денежным поощрениям – по своим принципам лишь незначительно отличавшимся от традиционных наград, но послуживших необходимым условием становления грантовой системы – был обусловлен целым комплексом как экзогенных, внутринаучных, так и эндогенных, внешних факторов.

Благодаря принципам Просвещения и последствиям Великой французской революции, в первой половине 19 века доступ к образованию получили представители широких слоев населения, многие из которых впоследствии предпочли научную деятельность другим профессиям. Популяризация образования привела к тому, что в научное сообщество вошли люди, не имеющие средств для проведения серьезных научных исследований, стоимость которых в этот период значительно возросла.

Данный период – также время профессионализации науки, когда научная деятельность превращается в работу, способную приносить доход (и не только в стенах Академии или университетов). В более ранние периоды научными изысканиями занимались в свободное время: наука, в строгом смысле, являлась своеобразным хобби. Большинство членов европейских академий наук не получали жалования за свою работу, а средства, выделяемые государством, покрывали расходы только на содержание зданий и библиотек, присуждение

наград и призов, иногда публикацию академических журналов [Копелевич, 1974]. В большинстве случаев членами Французской академии являлись выходцы из вполне обеспеченных семей, что позволяло им проводить научные исследования на собственные средства. Наука для них представляла собой форму получения общественного признания, а не способ зарабатывания денег.

Совершенно иной характер имела наука второй половины 19 века. Из-за углубления специализации и постановки более сложных исследовательских вопросов занятие научной деятельностью теперь требовало значительных затрат не только на покупку установок для естественнонаучных исследований, но и оплаты переезда, проживания на новом месте, покупки литературы – для гуманитарных изысканий. В совокупности с расширением доступа населения к научному образованию это привело к ситуации, когда ученые все больше нуждались в финансовой поддержке для проведения научных исследований.

Описанные трансформационные процессы во Франции развивались одновременно с ростом общественной поддержки ученых, что выразилось, в том числе, в распространении меценатства – жертвовании денежных средств на социально значимые цели. В 1820 году барон де Монтийон оставил Французской академии наук часть своего состояния для присуждения наград в области медицины [Crosland, 1979]. Пожертвование де Монтийона запустило процесс перехода от ставших к тому времени традиционных наград и призов к монетизации признания. Такая система поощрения все еще носила «апостериорный» характер, но ее значимость состояла в смещении акцента в награждении от символического признания к материальному возмещению убытков, которые ученый понес в ходе проведения исследования. Теперь ученый, сумевший достичь определенных результатов в своей области, мог рассчитывать на получение некоторой суммы, которая могла быть истрачена на его усмотрение [Weaver, et al., 1967].

Стоит отметить, что переход от вручения научных наград и медалей к денежным призам оказался комплексным процессом. Сама концепция такого поощрения – материальной помощи тому, кто нуждается в средствах, –

изначально была чужда членам научного сообщества. Когда в 1869 г. Гегнер предоставил Академии средства для присуждения ежегодного гранта в размере 4000 франков «бедным ученым», члены Французской академии наук незамедлительно потребовали исключить из декларации об учреждении гранта данную формулировку [Crosland, 1979]. Протест против монетизации наград выразили представители различных дисциплин, в первую очередь математики (их исследования не требовали значительных материальных ресурсов, поэтому предоставление им грантов было лишено целесообразности). Лишь к 1870 г. традиция присуждения денежных призов была полностью принята всей Академией [Там же].

На заседании Французской академии наук в 1874 г. президент Херве Файе заявил, что отныне Академии следовало считаться с изменившимися потребностями науки. Стоимость исследовательского аппарата значительно возросла, увеличилась и численность научного сообщества. По словам Файе, Академия теперь «должна была заранее помогать всем тем (ученым), которые имели талант, нежели безразлично ждать, пока они преуспеют исключительно посредством собственных ресурсов, и награждать их после этого» [Crawford, 1980 – перевод автора].

Стремление способствовать развитию таланта молодых ученых получило и необходимую экономическую основу. Вслед за де Монтийоном появились и другие меценаты, желавшие пожертвовать средства на развитие науки и таким образом прославить свои имена. Рост денежных фондов, находившихся в распоряжении Французской академии наук, позволил начать присуждение небольших денежных призов молодым перспективным ученым для проведения исследований. Такие призы назывались «поощрениями» (*encouragement*).

Эти призы, хотя уже и «априорные» (то есть присуждавшиеся до начала проведения исследования), нельзя в полной мере назвать грантами: они вручались не систематически, а время от времени – в зависимости от наличия исследователей, которые нуждались в материальной помощи. Кроме того, отсутствовало официальное описание процедуры подачи заявки на получение

подобного поощрения, а присуждение премии часто являлось следствием покровительства одного из членов Академии, который мог поручиться за перспективность и талант молодого ученого. Таким образом, денежные поощрения, уже значительно отличавшиеся от призов и наград, присуждаемых ученым ранее, являлись скорее «протогрантами».

Переход от «призовой» системы к денежным «поощрениям» требовал решения нескольких вопросов. Прежде всего, существующая на тот момент система оценивания исследований и их результатов не могла быть использована и для принятия решения о предоставлении «поощрения»: в отличие от традиционной, новая «протогрантовая» система подразумевала оценку того, чего нет, – исследования, которое еще не закончено (а во многих случаях и не начато). Это привело к смещению объекта оценивания от документа, содержащего описание исследования (публикации, «мемуаров»), к личности самого ученого: вплоть до начала 20 века одним из требований к кандидатам на получение поощрения являлось личное знакомство, по крайней мере, с несколькими членами Академии.

Необходимость постоянно поддерживать контакты с Академией и сообщать обо всех этапах исследования, для которого было получено «поощрение», впоследствии привело к образованию новой группы ученых – своего рода «инсайдеров». Сумев однажды получить «поощрение», они, в соответствии с официальными требованиями, постоянно находились в поле зрения Академии, заводили новые знакомства среди ее членов. Позже эти знакомства обеспечивали им преимущество при распределении следующих «поощрений» и так далее. Благодаря появлению «поощрений» стало возможным получение премий несколько раз, что в рамках наградной системы было практически невозможно.

К началу 20 века, вследствие институциональных изменений в науке предшествующего периода, были достигнуты все необходимые предпосылки для появления исследовательских грантов. Тем не менее теперь основным барьером для дальнейшего развития процесса являлись меценаты. К этому

моменту большинство членов научного сообщества признали необходимость предоставления денежных средств перспективным ученым для проведения актуальных исследований, но меценаты выступали против дробления их средств на небольшие денежные поощрения, опасаясь, что не сумеют прославить свое имя посредством награждения сравнительно небольшой денежной суммой ученых, еще неизвестных даже научному сообществу.

Первым человеком, согласившимся присуждать не общие призы, а небольшие денежные гранты, стал потомок Наполеона – Роланд Бонапарт. Будучи членом одной из самых известных во Франции семей, он не нуждался в прославлении своего имени. В 1907 г. Бонапарт предоставил Академии 100 тыс. франков. Основным его требованием было разделение этой денежной суммы с целью дальнейшего распределения между талантливыми исследователями из разных сфер науки [Crosland, 1979]. Учрежденные гранты могли быть присуждены любому ученому, подавшему заявку на участие в конкурсе, вне зависимости от его известности и достигнутых ранее результатов.

Гранты Бонапарта являются финальной точкой процесса становления грантовой системы: они воплотили в себе все те характеристики грантов, которые присущи им и сегодня. Эти гранты – первые в истории, для получения которых кандидаты должны были в строго оговоренные сроки подать заявки, оформленные согласно официальным требованиям и поясняющие цели исследования и те статьи расходов, которые будут обеспечены из выделенных средств. Именно в этот период окончательно утвердились и правила рецензирования поданных заявок. Кроме того, после завершения исследования получатели грантов должны были предоставить научный отчет и всю финансовую документацию.

Уже в первый год после появления грантов Бонапарта в Академию было подано 107 заявок, но лишь 10 исследователей сумели их получить.

Усиление роли исследовательских грантов: США

Как отмечалось выше, истоки и начальные этапы эволюции системы исследовательских грантов в научной литературе обсуждаются крайне редко. В результате ее появление и развитие в европейских странах исследователями, как правило, игнорируется, а само понятие «грант» тесно ассоциируется с деятельностью частных научных фондов в США в первой половине 20 века. Действительно, активизация использования практики грантового финансирования произошла именно в США, но и здесь эволюция этой системы носила нелинейный характер.

В первой трети 20 века в США появился ряд частных фондов, среди наиболее известных – Институт науки Карнеги (*Carnegie Institution for Science*, 1902 г.), Фонд Рассела Сейджа (*the Russel Sage Foundation*, 1907 г.), Фонд Рокфеллера (*Rockefeller Foundation*, 1913 г.), Фонд Форда (*Ford Foundation*, 1936 г.). Все эти организации были учреждены и работали на деньги частных лиц. Их цели и задачи, помимо прочего, включали поддержку научных исследований – как в целом, так и в отдельных отраслях науки (например, Фонд Рассела Сейджа был создан для поддержки социальных наук и исследований занятости населения, проблем иммиграции, социального неравенства, поведенческой экономики и др.).

Сегодня эти фонды известны исследователям всего мира как организации, которые являются крупными грантодателями как на национальном, так и на общемировом уровне. Тем не менее на первых этапах деятельности фондов грантовый механизм распределения финансирования практически не применялся. В данном случае показательна история Рокфеллеровского фонда, изучение которой позволяет проследить траекторию формирования и кристаллизации исследовательских грантов в США в современном их понимании.

Созданный в 1913 г., вплоть до 1950-х гг. Фонд Рокфеллера следовал различным стратегиям реализации своей миссии: в 1913-1921 гг. ключевым направлением деятельности Фонда была поддержка общего образования и

практических применений научного знания (например, в программах здравоохранения); в 1922-1929 гг. основной установкой являлось финансирование научного и профессионального образования; политика 1930-1940 гг. была ориентирована на финансирование индивидуальных научных исследований. Именно последний из упомянутых этапов связан с появлением и активизацией применения исследовательских грантов, что было обусловлено, так же как и во Франции, изменившимися социальными, экономическими и политическими условиями.

На протяжении почти двух десятилетий после создания Фонда Рокфеллера его руководители выступали против предоставления грантов на индивидуальные исследовательские проекты, расценивая их как академическую благотворительность. Отказ от предоставления грантов был связан, с одной стороны, с особыми представлениями руководителей Фонда о социальной роли и содержании науки, и с другой - с их идеями о собственной миссии. Наука в Фонде понималась широко: «исследование означало стремление к знаниям *по социально важным темам*, в отличие от высокоспециализированных исследований академических ученых, скорее руководствующихся чисто внутренними критериями значимости исследований и академическими представлениями о престижности, нежели идеями улучшения общества» [Наука по-американски, 2014: 99]. Кроме того, представления о собственной легитимности и боязнь общественной критики в отношении того, что Фонд оказывает внешнее давление на развитие науки и указывает направления научного поиска, определили выступление руководителей Фонда «против планирования, поддержки отдельных ученых и любых действий, которые могли быть истолкованы как предписание направлений будущих научных исследований» [Там же: 99]. В результате в 1920 г. было принято решение предоставлять финансовую поддержку только в форме «институциональных

грантов»³, т.е. научным учреждениям, а не отдельным ученым. Деньги, полученные от Фонда, могли быть истрачены на строительство или содержание учреждения, но не на финансирование научных исследований. Отбор научных организаций-грантополучателей также осуществлялся без использования теперь уже традиционных инструментов. Основной доминантой отбора являлось стремление «сделать вершины выше» – предоставить возможность дальнейшего развития тем агентам, которые уже достигли успеха и считались национальными лидерами в научном поле США. Таким образом, форма поддержки науки, используемая Рокфеллеровским фондом, хотя и носила название «грантовой», не соответствовала критериям адресности и конкурсности, а значит, в рамках данной работы может и должна быть оценена исключительно как подготовительный этап формирования грантовой системы в этой стране.

Установившаяся система считалась весьма успешной, но кризис 1933-1934 гг., сопровождавшийся резким повышением недоверия к науке и ростом скептицизма относительно социальных последствий научно-технического прогресса, внесли в нее свои коррективы. Крупные «гранты» учреждениям были отменены, и единственной возможной опцией оставалось субсидирование среднего уровня – гранты на исследовательские проекты. Таким образом, давление внешней среды и в первую очередь экономические реалии времени снова привели к трансформации системы финансирования научных исследований. Новые гранты предоставлялись отдельным ученым или научным коллективам, часто состоявшим из представителей различных дисциплин, как правило, на три года с ежегодным объемом финансирования примерно 6.7 тыс. долл. [Там же: 137]. Распределение грантов происходило между поданными заявками, но система их оценки не была окончательно оформлена, конвенциональна. Уже в первые годы реализации такого подхода отмечалась

³ Здесь и далее понятие «грант», приводимое в кавычках, используется для подчеркивания несоответствия формы финансирования научных исследований признакам гранта, перечисленным в первом параграфе данной главы.

высокая динамика новой системы: в 1933 г. двумя отделами Фонда было профинансировано в общей сложности восемь исследовательских проектов, к концу 1934 г. – в рамках только одного из них было отобрано для финансирования 39 заявок.

К рассмотренному периоду в истории науки США можно отнести начало формирования и использования государственной грантовой системы для поддержки науки. Правила и инструменты отбора исследований при распределении средств частных фондов, процедуры и критерии оценки заявок были еще не до конца сформированы и апробированы. Тем не менее вклад частных фондов, осуществлявших поддержку науки, был значителен: их опыт в финансировании исследований в форме грантов был использован в качестве модели при создании в 1951 г. Национального научного фонда (National Science Foundation, NSF), в рамках деятельности которого грантовая система получила дальнейшее развитие.

На начальном этапе функционирования NSF ключевым предметом обсуждений для ученых-администраторов, стоявших в его главе, стал выбор механизма распределения финансирования. Доминирующей формой распределения бюджетных средств на науку в тот момент в стране была система государственных контрактов. Ее ключевые характеристики – наличие технического задания, определяемого заказчиком НИР и содержащего точное описание целей и задач, ожидаемых результатов работы и методов их достижения; исполнителя, который выполняет исследования согласно предоставленному заданию; а также совокупность мер по контролю за выполнением работ. При этом к моменту появления NSF в США применялась и практика присуждения грантов, базирующихся на противоположной логике, – тема, содержание и методология исследования определялись не заказчиками, а самими учеными.

При выборе схемы финансирования исследовательских проектов руководство NSF стремилось избежать сложных бюрократических процедур, обеспечить максимально простое администрирование Фонда, при этом

соблюдая общественные интересы. В качестве наиболее значимых преимуществ грантов в сопоставлении с контрактами руководство NSF указывало следующее:

1. В рамках системы государственных контрактов любая исследовательская работа выполняется, прежде всего, в интересах заказчика и требует получения конкретного (точно описанного и созданного в соответствии с этим описанием) результата. При этом NSF стремился поддерживать научные исследования не в интересах самого Фонда или любого другого государственного или негосударственного агентства, но в интересах всей страны и всего общества. В данном случае именно грантовая система распределения средств отвечала поставленным целям более всего: основным требованием при выполнении гранта является не предоставление информации Фонду, но публикация полученных результатов в открытых источниках, что имеет общенаучную (а также общесоциальную) ценность.

2. NSF должен был осуществлять поддержку фундаментальных исследований, многие из которых зачастую не могут быть описаны детально на ранних стадиях их реализации, поэтому грантовая система, не предполагающая точного описания ожидаемых результатов и методов их получения, более предпочтительна, чем контрактная.

3. Грантовая система требует от исследователя меньших временных затрат, чем контрактная, которая учреждает контроль на всех этапах реализации проекта. Выполнение исследования по гранту предоставляет ученому возможность самостоятельно определять последовательность этапов исследования, продолжительность и содержание каждого из них, координировать свою нагрузку и рабочий график.

4. Кроме того, грант – с точки зрения управления и контроля более простой инструмент, чем контракт, он не сопряжен с ведением значительного объема документации, осуществления регулярного аудита. Этот аргумент также обладал значительным весом на ранних стадиях работы Фонда.

После утверждения системы грантов как основного механизма распределения финансирования была определена форма подачи и оценки грантовых заявок, для которой использовалась процедура многоступенчатой научной экспертизы. В большинстве случаев она представляла собой конфигурацию нескольких методов и этапов [Mazuzan, 1994]:

- Оценивание заявки директорами программ Фонда. По правилам NSF, занимать эти должности могли только представители науки, обладающие высокой научной квалификацией. Широко распространена была практика привлечения к этой работе исследователей, приглашенных из американских университетов на один или два года, – «ротаторов» (от англ. *rotator* – лицо, работающее вахтовым методом).
- Письменные отзывы внешних экспертов, работающих в той области науки, к которой относились грантовые заявки. NSF активно привлекал к этой работе исследователей со всей страны и иногда из-за рубежа. В качестве заключения такие эксперты, как правило, присылали письменные неформализованные комментарии о содержании и ценности проекта (их отзывы вскоре получили название *ad hoc mail reviews*).
- Результаты панельных дискуссий, в ходе которых группа экспертов Фонда разрабатывала рекомендации для директоров программ относительно поддержки или, наоборот, отклонения грантовых заявок. Значительное отличие данного метода от рецензирования внешними экспертами заключалось в том, что в этом случае эксперты получали доступ одновременно ко всем заявкам, поданным по определенной программе, что позволяло оценивать содержание каждой из них не изолированно, а в сопоставлении с другими проектами.
- Посещение организаций, в которых работали исследователи, подавшие заявку. Этот метод применялся и для первичной экспертизы, и при принятии решения о продлении гранта, для оценки достигнутых промежуточных результатов.

Несмотря на наличие широкого спектра доступных процедур оценки грантовых заявок, ключевым в принятии решения о присуждении гранта или

отказе в нем являлось личное мнение директоров программ Фонда, основанное на заключениях экспертов.

Основополагающей чертой рецензирования грантовых заявок на начальном этапе существования NSF была конфиденциальность: номинально любой заявитель мог потребовать объяснения причин отказа в получении гранта, т.е. доступа к рецензии, содержанию экспертного заключения. В реальности, для сохранения в секрете имен экспертов, заявителям озвучивались результаты оценки лишь в общих чертах. Считалось, что, только сохраняя содержание отзывов в тайне, можно обеспечить их наибольшую надежность и объективность: приглашенные эксперты зачастую были лично знакомы с заявителями, чьи грантовые заявки им приходилось оценивать. Единственной гарантией того, что ученый, подающий грантовую заявку в NSF, не догадается, кто ее оценивал, являлось не только нераскрытие имени эксперта, но и содержания его отзыва.

Этот режим хранения информации был пересмотрен в 1975 г., когда NSF был подвергнут резкой критике за неэффективность расходования государственных средств. В этом году была создана рабочая группа, основной задачей которой являлась разработка рекомендаций по реформированию Фонда для соответствия изменившимся социальным реалиям. Вопрос о конфиденциальности результатов экспертной оценки был одним из основополагающих. Члены рабочей группы предложили NSF перейти к полностью открытой системе оценки грантовых заявок, при которой доступной становились и содержание рецензий, и имена рецензентов. Это позволило бы, как предполагалось, получать от экспертов более обоснованные и объективные отзывы: ввиду потенциальной необходимости защищать свою позицию перед авторами грантовых заявок и перед научным сообществом ученые станут более ответственно относиться к оценке научной значимости, новизны и качества предлагаемых исследовательских проектов. Безусловно, руководители NSF и отдельных его программ выступили против таких радикальных мер. В результате в 1975 г. в рамках общей реформы NSF была пересмотрена и

система рецензирования, хотя ее коснулись менее революционные изменения, чем предлагалось рабочей группой. В основном была разработана конвенциональная схема оценки грантовых заявок, которой должны были следовать все эксперты. Теперь рецензия должна была содержать следующие обязательные пункты:

- вклад предложенного исследовательского проекта в развитие науки в целом;
- актуальность исследования;
- значимость для области науки, к которой оно относится, или проблемы, на решение которой направлено;
- научная компетентность и опыт исследователей, подающих заявку на получение гранта;
- наличие необходимой материально-технической базы.

Эти критерии оценки грантовых заявок, разработанные в 1970-х гг., используются и сегодня большинством научных фондов мира. В отличие от Европы (и, в частности, Франции) гранты в США имели более конвенциональные, упорядоченные механизмы присуждения. В США была институционализирована процедура оценки грантовых заявок. Кроме того, следует особенно подчеркнуть, что появление и дальнейшие трансформации грантов в США были вызваны внешними условиями: социальным запросом со стороны общества, сокращением финансирования со стороны государства и возрастающим недоверием к автономной деятельности NSF со стороны американского правительства. Это показывает определенную зависимость научного поля от внешних условий, других социальных полей и, соответственно, ставит вопрос об обоснованности гипотезы Бурдые о высокой автономии научного поля. Кроме того, проведенный анализ демонстрирует, что на начальных этапах эволюции системы исследовательских грантов ее основной функцией являлось распределение в науке экономического капитала: присуждение гранта было обусловлено лишь признанием потребности

исследователя в материальных ресурсах, но не признанием достигнутых им результатов.

2.3 Современные практики использования исследовательских грантов за рубежом

Сегодня в мире действует несколько тысяч программ исследовательских грантов, инициированных и поддерживаемых около 2.5 тыс. грантодателями, включая национальные государственные и негосударственные научные фонды, корпорации и другие организации⁴. Это в очередной раз демонстрирует глобальный характер исследовательских грантов, практика использования которых для распределения финансирования научных изысканий не ограничена ни национальными границами, ни дисциплинарными рамками. Все доступные грантовые конкурсы и программы имеют общие черты, которые обсуждались в первом параграфе данной главы. Тем не менее такое многообразие не может не привести к высокой диверсифицированности типов исследовательских грантов. Наиболее четко она проявляется при межстрановом сопоставлении особенностей грантовых систем. В данном параграфе мы представляем обзор систем исследовательских грантов в нескольких странах. В качестве объектов анализа в данном случае выступают признанные мировые научные лидеры – США, Европейский Союз и – отдельно – Германия, Япония. В Китае, наука которого находится в состоянии бума уже несколько лет (доказательством этому могут служить сведения о публикационной и изобретательской активности), также существует ряд грантовых конкурсов. К сожалению, изучение их особенностей не представляется возможным ввиду отсутствия работ по этой теме, опубликованных на европейских языках. Анализ зарубежного опыта вкупе с изучением деятельности ключевых агентов в этой

⁴ В 36-м издании ежегодного справочного издания *Directory of Research Grants*, например, указано 5.4 тыс. конкурсов исследовательских грантов и более 2.5 тыс. организаций-грантодателей [Schafer, 2013].

области позволит определить наиболее эффективные решения в организации системы исследовательских грантов, которые в дальнейшем могут быть использованы в России. Гранты – динамичная система, которая эволюционировала и продолжает трансформироваться вслед за изменением науки и внешней среды.

США

Система исследовательских грантов США является наиболее масштабной, разветвленной и известной. Многие ученые не только в стране, но и за ее пределами знакомы по крайней мере с некоторыми американскими грантодателями (например, NSF, NIH и др.). Система насчитывает несколько сотен организаций-грантодателей, которые могут быть разделены по источнику их финансирования на государственные и негосударственные. На Рисунке 2.1 изображена общая схема грантовой системы США. В числе государственных организаций-грантодателей перечислены наиболее крупные по объему финансирования – Департамент обороны США, Департамент энергетики, Национальное аэрокосмическое агентство и др. Определенная доля бюджета указанных (впрочем, как и других, не упомянутых здесь) департаментов и государственных агентств распределяется в виде исследовательских грантов, которые предоставляются на проведение научных исследований в областях науки в соответствии со спецификой этих организаций. Каждая из них реализует ряд грантовых программ по определенным (установленным самой организацией) темам, а также принимает заявки на грантовую поддержку инициативных исследовательских проектов (общий конкурс).

Наиболее известным агентством, предоставляющим гранты, является NSF, история создания которого была рассмотрена выше в данной главе. NSF – это единственное федеральное агентство, которое финансирует исследования во всех областях фундаментальной науки, кроме медицины (медицинские исследования и разработки спонсируют NIH). Фонд поддерживает как традиционные научные области, так и экспериментальные, связанные с

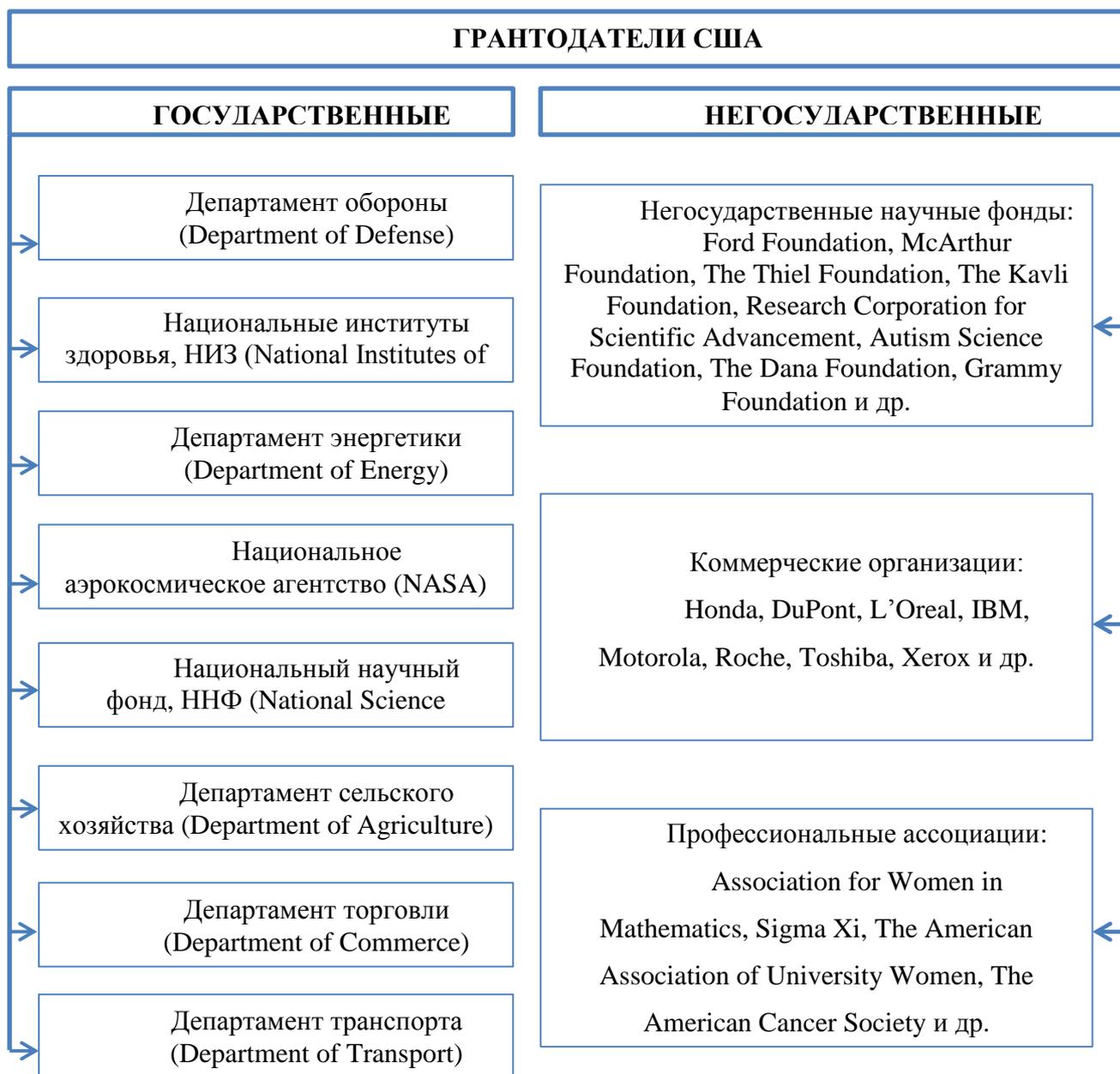

Рисунок 2.1 – Грантодатели в США

Источник: Battele (2011) 2012 R&D Global Forecast; результаты поиска по ключевым словам в поисковой системе Google.

высоким риском и неопределенными результатами.

В настоящее время в NSF работают более 2 тыс. человек, включая 200 ученых, приглашенных в Фонд на временной основе. Руководство NSF осуществляют директор, чья функция – контроль работы сотрудников на всех уровнях, создание и управление программами, планирование стратегического развития Фонда, бюджетирование; и Национальный научный совет (*National Science Board*), состоящий из 24 выдающихся ученых, представляющих

различные области науки и встречающихся шесть раз в год для обсуждения общей политики и развития NSF⁵. Директор Фонда и все члены Совета назначаются сроком на шесть лет президентом США и проходят утверждение в Сенате.

NSF разделен на семь управлений в соответствии с областями науки, которые они поддерживают: биологические; компьютерные и информационные; технические науки; науки о Земле; математические и физические; социальные, поведенческие и экономические науки; образование и человеческие ресурсы. Каждое управление состоит из отделов, таких как отдел исследований материалов, океанологии, поведенческих и когнитивных наук и др. Всего в составе Фонда насчитывается около 35 отделов, каждый из которых выполняет управление и контроль грантовых программ (как правило, 8-10-ти). Непосредственное руководство грантовыми программами осуществляет инспектор программы (*program officer*).

Ученые могут подавать грантовые заявки в рамках программ, инициированных Фондом (как правило, их названия, содержание и цели формулируются довольно широко), программных спецификаций (более узкие, направленные на достижение конкретных целей программы), а также – вне дисциплинарных или временных ограничений – для проведения инициативных научных исследований в любой сложившейся или формирующейся области научного знания. Все поступившие грантовые заявки проходят многоступенчатую процедуру оценки.

На первом этапе происходит отбор рецензентов из почти 50 тыс. ученых, сотрудничающих с NSF, в соответствии с их знаниями, квалификацией и опытом в той области науки, к которой относится грантовая заявка. Значительное внимание при их отборе (как правило, каждая заявка оценивается

⁵ Директор NSF также должен быть представителем научного сообщества. Нынешний Директор NSF Ф. Кордова - профессор физики и астрономии, долгое время возглавлявшая отделение астрономии и астрофизики университета Пенсильвании, а затем руководившая университетом Калифорнии (Риверсайд).

минимум тремя внешними экспертами) уделяется обеспечению максимально возможной репрезентативности их мнений, что требует привлечения к данной работе ученых, которые относятся к разным (по возможности конфликтующим) научным школам, работающих в разных организациях или секторах науки. Отбор и приглашение экспертов для оценки каждой конкретной грантовой заявки осуществляет инспектор программы, который может в данном вопросе полагаться на собственное знание научного поля; обращаться к ученым, упомянутым самим заявителем в анализе состояния представляемого направления исследований; использовать поиск наиболее значимых исследователей в базах данных научного цитирования. Важно отметить, что при подготовке грантовой заявки кандидатам рекомендуется включить в нее список ученых, которые, как они считают, обладают высокой квалификацией в исследуемой области и обоснованно могут быть приглашены в качестве рецензентов; а также перечень ученых, которых они предпочли бы исключить из числа возможных рецензентов. Рецензирование грантовых заявок – полностью конфиденциальная и анонимная процедура: рецензент не получает информации о том, чью заявку он оценивает, грантозаявитель – о том, кто проводил ее экспертизу.

На следующем этапе грантовые заявки отправляются на рецензирование экспертам, которые оценивают их только по двум критериям – научная ценность и потенциальное влияние. Для некоторых программ (и в особенности более конкретных программных спецификаций) могут быть установлены дополнительные критерии оценки. Далее, на основании полученных рекомендаций и собственного квалифицированного мнения инспектор программы принимает решение о поддержке исследовательского проекта или отказе в получении гранта и сообщает его руководителю отдела – окончательное одобрение на предоставление гранта происходит именно на этом

уровне⁶. В случае негативного решения руководителю представленного проекта направляется уведомление с подробным описанием причин отказа, а также копии всех полученных и учитываемых рецензий. Если этой информации недостаточно, руководитель вправе отправить запрос на получение дополнительных пояснений от директора отдела или инспектора программы.

В среднем процесс оценки грантовых заявок и принятия решения о поддержке исследовательского проекта занимает около шести месяцев, еще три отводится NSF на урегулирование всех необходимых формальностей, оформление финансовых документов.

На долю NSF приходится около 24% ассигнований США на гражданскую науку (без учета космических программ). В 2013 г. общий бюджет Фонда составил 6.9 млрд долл. (246.7 млрд руб.) – в два раза больше, чем в 1999 г. Более 89% этой суммы было распределено в форме грантов по результатам экспертизы поданных в NSF грантовых заявок. В процессе рецензирования приняли участие более 37 тыс. ученых, которые были привлечены в качестве внешних рецензентов и участников панельных обсуждений.

В прошлом году в Фонд поступило более 49 тыс. грантовых заявок (по всем грантовым программам), из которых 10.8 тыс. были поддержаны (Рисунок 2.2).

«Коэффициент прохождения» (соотношение поданных и поддержанных заявок) постепенно снижался на протяжении последних лет вслед за сокращением объема федеральных отчислений и достиг в 2013 г. 22% – минимальной отметки за период 2006-2013 гг. В исследовательских проектах, на проведение которых были выделены гранты NSF, участвуют почти 299 тыс. ученых из почти 2 тыс. колледжей, университетов и других научных организаций страны. Средний размер исследовательского гранта составил в

⁶ Такая модель оценки грантовых заявок считается представителями NSF «золотым стандартом». Она оставалась практически неизменной на протяжении всей истории Фонда, хотя многократно подвергалась критике со стороны научного сообщества. Для более подробной информации см.: [McCullough, 1994].

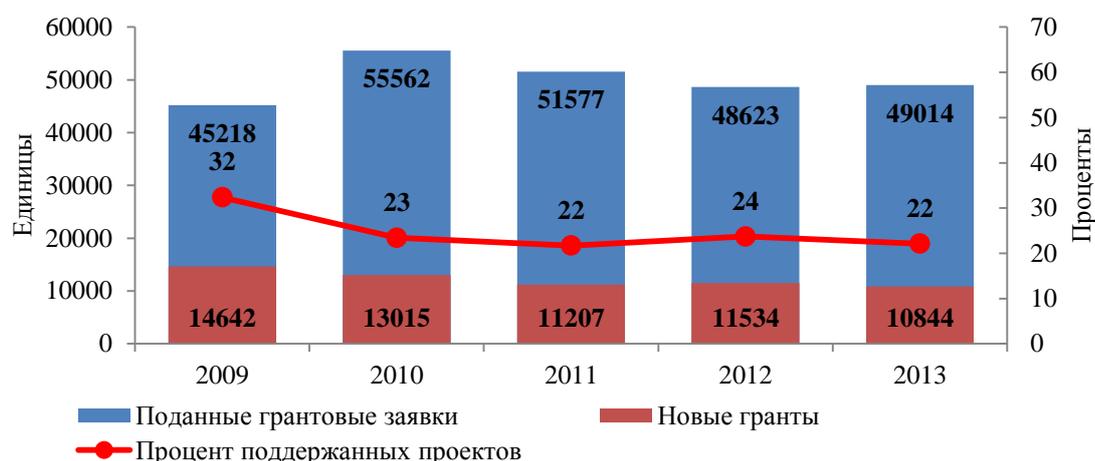

Рисунок 2.2 – Основные показатели деятельности Национального научного фонда США

Источник: [National Science Foundation, 2014].

2013 г. 161.2 тыс. долл. (5.7 млн руб.). Несмотря на сокращение бюджета, этот показатель снизился незначительно, лишь на 2% по сравнению с 2012 г. Средняя продолжительность исследовательских проектов по грантам NSF – около 3 лет.

NSF является далеко не единственной организацией, предоставляющей гранты на проведение научных исследований в США. Среди прочих подобных организаций и агентств он не самый крупный по объему финансирования науки (НИН получает около 60% федеральных ассигнований на гражданскую науку) и не самый старый (НИН – 1930 г.). Тем не менее NSF уникален не только на национальной, но и на глобальной арене. Прежде всего, это касается спектра областей наук и направлений исследований, которые он поддерживает. На долю NSF приходится 40% расходов США на технические науки, 44% – на исследования в области физики, более половины затрат на социальные науки и почти 90% – на компьютерные [National Science Foundation, 2014]. На наш взгляд, вклад Фонда в развитие науки заключается не только в объеме оказываемой исследователям материальной поддержки, но и в демонстрации модели организации-грантодателя, которая доказывает эффективность своей деятельности на протяжении уже полувека, а также в демонстрации «институциональных образцов».

Европейский Союз

В состав Евросоюза входит сегодня 28 государств, каждое из которых имеет не только особую экономическую и политическую систему, но и специфичную модель организации науки и поддержки научных исследований. Это, безусловно, ведет к высокой гетерогенности и грантового ландшафта в Европе: в число организаций-грантодателей входят и наднациональные, общеевропейские институции (например, Европейская комиссия), и государственные и негосударственные научные фонды и агентства отдельных стран. Это вносит некоторую неопределенность в процесс поиска учеными возможных источников финансирования и подготовки грантовых заявок для участия в конкурсах: требования многочисленных функционирующих в Европе научных фондов и других организаций порой существенно отличаются [European Foundation Center, 2014].

Первая попытка систематизировать сведения о европейских организациях, поддерживающих науку в форме исследовательских грантов, была предпринята Еврокомиссией в 2004 г. в рамках масштабной «инвентаризации» негосударственных фондов (вне зависимости от того, к какой сфере относится их основная деятельность – поддержке образования, науки, здравоохранения) [OECD, 2005]. В ходе проведения анализа было установлено, в том числе, что в Европе, в отличие от США, вклад негосударственных фондов и организаций в финансирование научных исследований менее значителен – здесь в большей степени наблюдается влияние государства.

На общеевропейском уровне важная роль в поддержке научных исследований принадлежит Еврокомиссии и Европейскому научному совету (*European Science Council*), учрежденному ею. Европейский научный совет, созданный в 2007 г., поддерживает исследования по всем областям науки в рамках четырех грантовых программ⁷:

⁷ Официальный веб-сайт Европейского научного совета: <http://erc.europa.eu/>.

1. Стартовые гранты для молодых исследователей. Данная программа направлена на поддержку ученых на ранних этапах их академической карьеры (2-7 лет после получения степени PhD) и формирование новых поколений европейских исследователей. Следует подчеркнуть, что требования к участникам программы стартовых грантов расширены: они должны не только иметь необходимые credenциалы (диплом, степень PhD), но и предоставить в Научный совет по крайней мере одну работу, подготовленную без участия научного руководителя и опубликованную в ведущем научном издании. Кроме того, исследователь, претендующий на получение такого гранта, должен иметь несколько публикаций в рецензируемых журналах, выступать в качестве приглашенного докладчика на значимых международных конференциях. Полученные патенты, награды и призы также рассматриваются как подтверждение соответствия кандидата требованиям конкурса. Таким образом, несмотря на наименование этой грантовой программы, она предназначена для молодых ученых, уже добившихся существенных результатов в научном поле. В ходе оценки грантовой заявки учитывается не только ее содержание и качество, но и компетенции, опыт и достижения ее автора. В 2013 г. в рамках программы стартовых грантов в Научный совет поступило 3329 заявок, из которых было поддержано лишь 300. Коэффициент прохождения составил, таким образом, 9.2%. При этом средний размер гранта – 1.5 млн евро (примерно 73 млн руб.), а средняя продолжительность проектов по гранту – 5 лет.

2. «Консолидирующие» гранты, предназначенные для укрепления научных коллективов или поддержки индивидуальной академической карьеры ученых, получивших степень PhD (или эквивалентную ей) 7-12 лет назад. В рамках данной программы гранты предоставляются на проведение научных исследований, которые усилят позиции ученого или группы ученых в научном поле. При оценке грантовых заявок особое внимание, так же как и в программе стартовых грантов, уделяется достигнутым результатам кандидатов. В прошлом году на конкурс было подано 3673 грантовых заявок, предоставлено грантов –

311 (8.6%). Средний размер гранта – 2 млн евро (почти 100 млн руб.) на реализацию исследовательских проектов сроком до 5 лет.

3. Гранты для научных лидеров (*Advanced grants*), предназначенные для поддержки выдающихся ученых, признанных лидеров в любой области науки, выполняющих революционные, прорывные исследования, в том числе связанные с высоким уровнем риска и неопределенностью результатов. В рамках конкурса более высокие требования предъявляются к содержанию заявок, описанию исследовательских проектов – формальные требования к демонстрации достижений и компетенций самих кандидатов отсутствуют, хотя признается, что они должны иметь серьезные научные результаты. Исследования, на которые запрашивается грант, должны иметь амбициозные, нетривиальные цели, использовать оригинальные подходы к изучению исследовательской проблемы, находиться в авангарде развития науки. Предпочтение отдается проектам, базирующимся на новаторской, инновационной методологии, рискованность использования которой окупается ее потенциальным вкладом в развитие науки и всего общества. Из описания требований к грантовым заявкам очевидно, что конкуренция в данной программе меньше, чем в двух предыдущих (несмотря на ее открытость для ученых не только ЕС, но и всего мира). Действительно, в 2013 г. на конкурс было подано 2408 заявок, из которых почти 13% поддержаны. Продолжительность каждого поддержанного проекта – до 5 лет, объем финансирования от 2.5 до 3.5 млн евро (123-173 млн руб.).

4. Совместные гранты, предоставляемые нескольким научным коллективам (от 2 до 4) для проведения совместных исследований в любой научной области. В основном (хотя и не обязательно) такие гранты предназначены для проведения перспективных междисциплинарных исследований. В 2013 г. на конкурс поступило 449 заявок, из которых 13 (3%) профинансированы грантами в объеме 1.5 млн евро (почти 74 млн руб.) на каждый проект продолжительностью 5-6 лет.

Основные формы финансирования научных исследований Европейским научным советом значительно отличаются от базовых принципов грантовых конкурсов NSF. Во-первых, при оценивании поданных грантовых заявок здесь принимается во внимание позиция ученого в структуре научного поля, даже в рамках программ для молодых исследователей. В NSF никаких специфических критериев оценки этого аспекта не предусмотрено. Во-вторых, различные грантовые программы Научного совета предназначены для четко демаркированных групп ученых, скорее всего, для нивелирования прямой конкуренции между исследователями, которые *a priori* имеют разный уровень квалификации и показатели достигнутых результатов. И наконец, средняя продолжительность поддерживаемых Научным советом проектов почти вдвое выше, чем в NSF.

Оценка грантовых заявок в Европейском научном фонде базируется в целом на тех же принципах, что и в NSF, хотя и имеет ряд специфичных характеристик. Ее основой тоже является рецензирование, которое включает здесь два последовательных этапа (для некоторых конкурсов – только первый): оценка заявки экспертным советом и индивидуальное (удаленное) рецензирование⁸. В составе организации - 25 экспертных советов, в каждый из которых входит от 10 до 16 членов и один руководитель. Имена руководителей советов публикуются в открытом доступе вместе с объявлениями грантовых конкурсов, список членов также оглашается, но только после окончания конкурса. При подаче заявки исследователь должен указать, в каком экспертном совете (или в нескольких – в случае междисциплинарных проектов) она должна быть рассмотрена. Кроме того, он также вправе указать до трех ученых, против участия которых в рецензировании выступает: если они входят в состав экспертного совета, то обсуждение данной заявки будет проходить без них. В ходе заседаний советов заявки оцениваются по двум критериям: научная

⁸ В программе совместных грантов предусмотрена также иная форма оценки – личное интервью членов экспертного совета с руководителем исследовательского проекта.

ценность исследования и квалификация заявителя. По результатам заседаний формируется рейтинг заявок: получившие наивысшие баллы переходят на следующую стадию оценки и направляются внешним экспертам, заявки с наименьшими баллами выбывают из конкурса.

После завершения внешнего рецензирования все заявки снова ранжируются – финансирование получают проекты, оказавшиеся по результатам комплексной оценки сверху упорядоченного списка. Всем исследователям, принимавшим участие в конкурсе, направляются письменные уведомления с окончательным решением о предоставлении гранта, основными положениями заседания экспертного совета и рецензиями. Если ученый не согласен с положениями этих документов, он вправе обжаловать решение Научного совета в течение 30 дней.

Анализ деятельности Европейского научного совета демонстрирует еще одну модель организации грантовых программ и конкурсов, оценки заявок. Она предполагает бóльшую степень открытости на всех этапах конкурса и, напротив, меньшую степень анонимности и секретности. Важно, что, несмотря на все различия с NSF, ученый здесь так же играет активную роль: он не только инициирует исследование в соответствии со своими научными интересами и амбициями, но и имеет возможность оказывать влияние на процесс оценки грантовой заявки.

Германия

Отдельно рассмотрим систему исследовательских грантов в одном из государств-членов Европейского Союза – Германии. В настоящее время здесь насчитывается значительное число научных фондов – государственных и частных – и организаций, которые предоставляют гранты ученым и научным коллективам. Эта форма поддержки науки имеет в Германии давнюю историю, хотя на протяжении длительного периода – вследствие войн, нацистской диктатуры, раздела страны, а затем ее объединения и связанных с этим экономических сложностей – финансирование науки из негосударственных

источников было ограничено. По данным Ассоциации немецких фондов (*Bundesverband Deutscher Stiftungen*), в 2013 г. в стране насчитывалось свыше 1800 фондов, финансирующих научные исследования⁹. Среди негосударственных наиболее известны *Gerda Henkel Stiftung*, *Schering-Stiftung*, *Stifterverband für die Deutsche Wissenschaft*, *Fritz Thyssen Stiftung* и *VolkswagenStiftung*. Из числа агентов, представляющих в этом поле государство, безусловным лидером по объему финансирования и числу выделяемых грантов является Немецкое научно-исследовательское общество (*Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG*), созданное в 1951 г.¹⁰ Ключевая миссия DFG – финансирование исследований, проводимых учеными-сотрудниками университетов и научных организаций по всем областям науки, а также поддержка молодых ученых, стимулирование междисциплинарных связей, в том числе между естественными и гуманитарными науками и содействие научной кооперации.

Анализ основных руководящих органов DFG указывает на заметную роль в его управлении научного сообщества страны. Главным органом управления DFG является Генеральная ассамблея, в состав которой входят представители (делегаты) почти ста университетов, научных организаций, подразделений Академии естественных и гуманитарных наук. Генеральная ассамблея отвечает за стратегическое планирование и развитие DFG, контроль его деятельности, осуществляет выборы Президента DFG, членов Исполнительного комитета и Сената. Все решения относительно финансовой деятельности DFG, учреждения новых грантовых программ, модификации уже существующих, а также присуждения индивидуальных исследовательских грантов входят в сферу ответственности Совместного комитета. В его составе все члены Сената (39 представителей научного сообщества), 16 делегатов от федерального

⁹ URL: http://www.stiftungen.org/fileadmin/bvds/de/Presse/Grafiken__Zahlen__Daten/2013/Stiftungszwecke_2013.pdf

¹⁰ Общество было создано на базе *Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*, учрежденного еще в начале 20 века.

правительства, столько же – от федеральных земель. Все решения принимаются большинством голосов, поэтому представители научного сообщества имеют приоритет в процессе принятия решения и могут одобрить его или воспользоваться правом вето. На наш взгляд, это сбалансированная система, обеспечивающая автономность принятия решений о развитии науки в стране при сохраняющейся у государства возможности осуществлять постоянный контроль над эффективностью расходования денежных средств в DFG.

В настоящее время DFG поддерживает науку в рамках почти 30 действующих программ. Все они могут быть разделены на несколько категорий: 1) индивидуальные и групповые исследовательские гранты (финансирование исследований на разных этапах академической карьеры ученого); 2) «инфраструктурные гранты» (поддержка библиотек, обеспечение университетов и научных организаций ИКТ); 3) специальные программы для международной кооперации; 4) «координируемые программы» (финансирование научных подразделений, совместных научных центров); 5) «*Excellence Initiative*» (поддержка центров превосходства); 6) научные призы (единственная категория программ, направленная не на стимулирование будущего научного развития, а на поощрение ученых за уже достигнутые результаты).

Таким образом, DFG – это, безусловно, мультифункциональное агентство, осуществляющее финансовую поддержку различных аспектов научной деятельности. Несмотря на многообразие реализуемых программ, основной на протяжении всей истории существования DFG остается поддержка индивидуальных и коллективных инициативных исследовательских проектов. Из общего бюджета (2.5 млрд евро (126.5 млрд руб.) в 2012 г.) более трети распределяется через грантовые программы, которые относятся к данной категории. Заявку на получение гранта DFG вправе подать любой исследователь, вне зависимости от его квалификации, области науки, места проживания и работы. В конкурсах исследовательских грантов отсутствуют дедлайны: так же как и в NSF, заявки принимаются и рассматриваются

круглогодично. Время их рассмотрения и оценки колеблется в пределах от 6 до 7 месяцев.

Система оценки грантовых заявок и определения грантополучателей в целом стандартна. После контроля на соответствие всем формальным критериям заявка направляется 2-3 независимым экспертам, при этом руководитель грантовой программы уделяет особое внимание нивелированию всех потенциальных конфликтов интересов. Ежегодно в качестве внешних экспертов привлекается более 10 тыс. ученых из Германии и зарубежных стран. Около половины экспертов работают в немецких университетах, примерно 11% – в других научных организациях Германии, около трети – ученые из других стран, включая США, Великобританию, Швейцарию, Австрию, Японию, Австралию, Нидерланды, Россию [DFG, 2013]. В экспертные советы ученые избираются сроком на 4 года.

В ходе рецензирования используется пять блоков показателей, каждый из которых охватывает комплекс различных тематически объединенных индикаторов [DFG, 2014]:

1. Качество проекта и квалификация заявителя:

- оригинальность;
- потенциальное влияние на развитие научного знания (в т.ч. его соответствие объему необходимых затрат);
- научная значимость (внутри отдельной области и в других отраслях науки);
- уровень и качество предварительной работы, качество публикаций;
- расширенные потенциальные эффекты работы (влияние на научную и социальную политику, технологическое развитие страны и др.).

2. Условия работы / условия научной деятельности:

- кадровый состав, институциональные, инфраструктурные, ресурсные условия выполнения работы.

3. Цели и программа исследования:

- ясность выдвинутых рабочих гипотез;
- обоснованность границ предмета исследования и выбранных тем;
- выполнимость исследования, особенно в пределах указанных временных рамок.

4. Рекомендации относительно объема финансирования:

- персонал (обоснованность привлечения заявленного числа исполнителей проекта);
- научное оборудование (необходимость и полезность запрашиваемого оборудования, его соответствие современным стандартам и требованиям);
- запрашиваемый бюджет на оплату командировок, их обоснованность;
- расходы на публикацию научных работ.

5. Поддержка групп исследователей, которые по некоторым причинам могут находиться в дискриминируемой позиции. В случае если ввиду неизбежных обстоятельств (например, декретного отпуска) исследователь имеет меньшее число публикаций, чем требуется обычно, это отдельно должно быть указано в рецензии.

После завершения рецензирования исследователи, заявки которых не были поддержаны, получают копии рецензий внешних экспертов (анонимные), что позволяет им учесть все замечания и правильно расставить приоритеты при подаче заявок в дальнейшем. Грантополучатели также могут запросить копию рецензий.

DFG регулярно проводит оценочные исследования по различным аспектам своей деятельности: осуществляет контроль качества поддержанных проектов в рамках грантовых программ, оценивает влияние различных факторов (например, гендера, возрастных характеристик) на процесс распределения грантов и наличие дискриминируемых групп в структуре немецкой науки. Результаты таких регулярных исследований, которые всегда

проводятся не собственными силами организации, но сторонними агентами, публикуются в открытом доступе. На официальном сайте DFG также доступна база данных, содержащая сведения обо всех исследовательских проектах, ученых и научных коллективах, организациях, которые когда-либо получали гранты (сведения представлены с 1990 г.). В целом деятельность DFG можно с полной обоснованностью назвать прозрачной. Открытость его деятельности достигается активным участием широкого академического сообщества в его управлении, существующими полномочиями заявителей, кодифицированности всех основных процедур.

В 2012 г. бюджет DFG составил 2.5 млрд евро (около 123 млрд руб.). Процент поддержанных заявок в рамках программы индивидуальных исследовательских грантов колебался в пределах от 28.9% (гуманитарные и социальные науки) до 34.7% (естественные науки). В Германии участие в грантовых конкурсах является распространенной, практически глобальной по охвату практикой. Результаты опроса профессоров высших учебных заведений показывают, что около 90% научных работников этой группы подавали грантовые заявки за последние пять лет. Максимальную активность в этом отношении (99%) демонстрируют биологи, минимальную (78.9%) – представители социальных и гуманитарных наук [Reinhardt, 2011].

Япония

Ключевым элементом системы исследовательских грантов в Японии является Японское общество развития науки (*Japan Society for the Promotion of Science, JSPS*), созданное в 1932 г. Общество поддерживает научные исследования по всему спектру наук в рамках различных программ. Перечень грантовых программ и конкурсов Общества весьма обширен, но, в отличие от других рассмотренных выше научных фондов, оно отчетливо специализируется на поддержке научных исследований – конкурсы на получение финансирования публикаций научной и учебной литературы, международной мобильности, приобретения доступа к базам данных интегрированы в структуру деятельности

Общества, но занимают в ней крайне скромную позицию: на все эти конкурсы в 2013 г. было подано суммарно 1065 заявок, на конкурсы исследовательских грантов – более 70 тыс. (Рисунок 2.3).

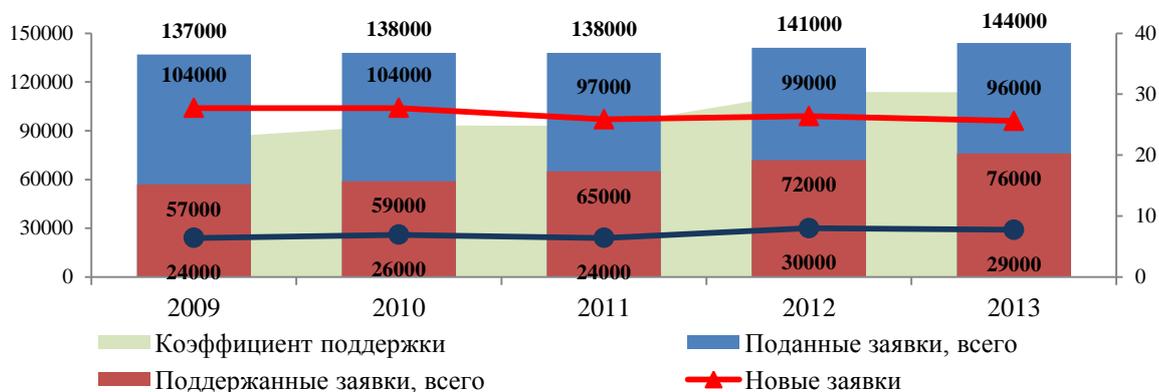

Рисунок 2.3 – Динамика основных показателей деятельности JSPS

Источник: официальный веб-сайт Японского общества развития науки.

Оригинален подход Общества к разделению грантовых программ на категории. Как правило, научные фонды предпочитают учреждать конкурсы для различных возрастных групп ученых (например, конкурсы для молодых ученых) и конкурсы, предназначенные для различных целей. Конкурсы JSPS ориентированы на различные типы исследований – в приоритетных, инновационных областях науки, перспективные разведывательные исследования и др. Кроме того, в отдельные категории вынесены грантовая программа для поддержки исследований молодых ученых, «исследовательские стартапы» (данная программа предназначена для финансирования проектов, инициированных учеными, недавно получившими бессрочный контракт или вернувшимися к научной деятельности после продолжительного перерыва (например, после декретного отпуска)), гранты для поощрения ученых (предоставляются исследователям, работающим в образовательных учреждениях, корпорациях). Отличительной чертой грантовых программ JSPS является также сегрегация программ по объему запрашиваемого финансирования, т.е. крупные проекты с финансированием от 50 до 200 млн йен (17-70 млн руб.) не конкурируют с менее затратными исследованиями (до 5 млн йен (2 млн руб.)). Такой подход применяется в рамках большинства

реализуемых программ исследовательских грантов. На наш взгляд, это обоснованная мера: проекты с большим объемом финансирования, безусловно, ставят более амбициозные цели и используют более инновационные методы и инструменты исследования, что может привести к их большему одобрению со стороны экспертов. И наоборот, соединение проектов с различным объемом финансирования в рамках одного конкурса может стимулировать поддержку большего числа менее затратных проектов.

Грантовые заявки в рамках почти всех программ принимаются с начала года и до середины сентября. Процесс их оценки в целом стандартен: на первом этапе заявка проходит рецензирование 4-6 независимыми внешними экспертами, на втором – обсуждается узкоспециализированным комитетом, состоящим из 20 членов – представителей научного сообщества. На этапе рецензирования к оценке заявок привлекается ежегодно около 5 тыс. экспертов, в заседаниях комитетов принимают участие в среднем около 1 тыс. ученых. Учитывая число поданных заявок, нагрузка каждого эксперта весьма внушительна. По результатам обсуждения в комитетах принимается решение о количестве поддерживаемых проектов и объеме их финансирования. Заявителям, получившим отказ в выдаче грантов, направляется официальное уведомление с копиями (анонимных) рецензий и основными положениями и заключениями комитетов. Кроме того, результаты конкурсов с перечнем всех поддержанных исследований публикуются онлайн.

Важным отличием грантовых конкурсов JSPS является администрирование грантов: финансирование, рассчитанное на несколько лет, может распределяться между годами и этапами проекта самостоятельно грантополучателем в соответствии с прогрессом его реализации и текущими потребностями. Так, часть финансирования, предназначенного на второй год, может быть перераспределена и использована в первый год выполнения работ по гранту или, наоборот, сохранена для затрат третьего года. В конце каждого года проекта руководитель гранта должен отчитаться о достигнутых результатах, предоставив их краткий перечень. За год до окончания

финансирования также проводится аудит: посредством изучения предоставленных отчетов, личных встреч и собеседования, посещения экспертами научной организации, выполняющей исследование. Для многих проектов также проводится анализ результатов через пять лет после завершения, что позволяет проследить достигнутый долгосрочный эффект от их выполнения.

В 2013 г. бюджет JSPS составил 238.1 млрд йен (почти 83 млрд руб.). Средний размер гранта (с учетом всех, в том числе инфраструктурных) грантов превысил 3 млн йен (около 1 млн руб.). Из числа изученных нами научных фондов JSPS – единственный, коэффициент прохождения в котором стабильно возрастает на протяжении последних лет, в 2013 г. он достиг 30.3%.

2.4 Ситуация в России

В нашей стране гранты – явление довольно новое, насчитывающее немногим более двадцати лет. На протяжении всего периода существования СССР традиционным механизмом финансирования науки в стране оставалось распределение бюджетных средств, выделяемых на научные исследования, между крупными научными организациями, руководство которых затем производило раздел и перераспределение полученных средств между различными подразделениями [Graham, 1993]. Гранты как форма финансовой поддержки исследований ассоциировались с благотворительностью, которая в целом не одобрялась в обществе равных.

Первые гранты в нашей стране появились только после распада СССР и первоначально были связаны с деятельностью исключительно зарубежных научных фондов, которые пришли в Россию в начале 1990-х. Это время в истории российской науки – период глубокого кризиса, вызванного комплексом как внутренних, так и внешних причин и приведшего в дальнейшем к появлению новых явлений и процессов в науке, многие из которых с полной обоснованностью можно отнести к социальным проблемам (например, «утечка умов», нарушение социально значимых функций науки,

деградация научных институтов, снижение уровня социального одобрения науки и общественной оценки профессии ученого и др.). Это позволяет многим исследователям утверждать, что появление в стране первых грантов было экономически детерминировано, стало следствием тотального недофинансирования науки, стремления зарубежных стран обезопасить себя от притока бывших советских ученых, ограничить их эмиграцию в страны третьего мира, а также желания государства сохранить лучшие научные школы страны и научные кадры. На наш взгляд, несмотря на безусловную значимость экономических и политических факторов, изменения, которые произошли с российской наукой в 1990-х годах, в том числе появление и возрастание значимости исследовательских грантов, обусловлены и эндогенными, внутринаучными факторами. Распределение средств на научные исследования посредством прямого финансирования хотя и имело ряд достоинств (в первую очередь, объем, по которому оно было сопоставимо с показателями ведущих научных держав мира), не соответствовало реалиям и необходимым потребностям науки. Выделение средств организациям (а не ученым или научным коллективам) вне зависимости от их результативности и качества проводимых исследований не стимулировало личной заинтересованности научных сотрудников, их инициативности.

В условиях разразившегося в стране структурного кризиса, глубоко затронувшего науку и научное сообщество, зарубежные фонды приняли на себя функцию финансовой поддержки российских ученых: доля зарубежного финансирования научных исследований и разработок в стране возросла с нуля в 1992 г. до 17% в 1999 г., наиболее успешные и эффективные научные институты более чем на четверть зависели от иностранных источников, а некоторые представители РАН заявляли в 1995 г., что финансирование российской фундаментальной науки почти на 50% поступало от зарубежных научных фондов [Dezhina, Graham, 2005]. Наиболее активную роль в складывающемся грантовом ландшафте страны играли американские научные фонды. Только Международный научный фонд Дж. Сороса (сейчас – Институт

«Открытое общество») предоставил российскими ученым около 130 млн долл. для поддержки фундаментальных естественнонаучных исследований в 1993-1996 гг. [Там же]. При этом зарубежные научные фонды не только стремились оказать экстренную помощь российским ученым, но имели и долгосрочные цели, среди которых основополагающей являлось влияние на процесс реформирования российской науки и ее переход к рыночной модели.

В целом ключевыми результатами деятельности зарубежных научных фондов в России стали: улучшение процесса управления исследовательскими проектами и представление новых механизмов финансирования и управления наукой, в частности грантовых конкурсов с открытой конкуренцией и процедуры рецензирования грантовых заявок. Кроме того, в стране появился новый механизм распределения финансирования – не между научными организациями, а между учеными и научными коллективами. Безусловно, это было новой логикой размещения ресурсов в науке, потребовало от ученых большей ответственности, инициативности и новых навыков (управление научным коллективом, подготовка грантовых заявок, ведение отчетности по грантам и др.).

Первый отечественный научный фонд – РФФИ – появился в России в 1992 г. Его учреждение было инициировано научным сообществом и поддержано государством, которое стремилось таким образом «смягчить обострившееся противоречие между традиционными организационными формами науки, структурой и объемом исследовательских работ, с одной стороны, и резко сократившимися возможностями их ресурсного обеспечения, с другой» [Дежина, 2008: 122]. При разработке модели нового фонда использовался, в том числе, зарубежный опыт и, в частности, анализ деятельности NSF, NIH, DFG. Наиболее значимая черта, позаимствованная у зарубежных прототипов РФФИ, – система рецензирования как основы оценки грантовых заявок. Зарубежные научные фонды послужили примерами, которые в дальнейшем были модифицированы в соответствии с социальными реалиями страны [Dezhina, Graham, 2005].

РФФИ имел свою специфику по сравнению со многими зарубежными фондами: во-первых, объемы его финансирования были гораздо скромнее, и, во-вторых, он был в высшей степени многофункционален, финансируя не только инициативные научные проекты, но и публикацию работ, переоснащение рабочих научных помещений, посещение академических мероприятий и их организацию, приобретение научной литературы и др. В целом основным предназначением РФФИ на этом этапе стало не обеспечение дополнительного стимулирования научной деятельности в стране, а «латание дыр», которые оставались после распределения базового финансирования. В результате бюджет Фонда был разделен между многочисленными функциями и формами поддержки науки. Сегодня такое дробление бюджета и чрезмерная многофункциональность любого научного фонда оценивается в основном негативно: необходимость финансировать множество программ и проектов ведет к сокращению объема денежных средств, выделяемых на каждую из них. Тем не менее на наш взгляд, на протяжении 1990-х годов (а возможно, и далее) такая особенность деятельности РФФИ была необходимостью: слишком много проблем не могли быть решены за счет базового финансирования из государственного бюджета.

В 1994 г. в России появился еще один государственный научный фонд – РГНФ, создание которого стало результатом самоорганизации российского гуманитарного сообщества [Семенов, 2007]. На наш взгляд, учреждение специализированного фонда для представителей гуманитарных и общественных наук имело огромное значение для поддержки и развития науки в России. Именно на гуманитарные и общественные науки кризис 1990-х годов оказал наибольшее влияние: при радикальном сокращении базового финансирования научных исследований и зарплат ученых (уровень которых в большинстве случаев упал более чем в 10 раз) их грантовая поддержка также была весьма ограничена вследствие слабой представленности в РФФИ [Там же].

Направления дальнейшего развития Фондов определялись, в том числе, наиболее острыми проблемами и потребностями научного сообщества. Так, уже в начале их деятельности перед Фондами стояла задача поддержки региональной науки, на которую кризис оказал еще более глубокое влияние, чем на науку в столичном и других центральных регионах. Кроме того, на начальных этапах функционирования возникло асимметричное территориальное распределение грантов: в середине 1990-х гг. на Москву приходилось 83% всех поданных в РГНФ грантовых заявок по экономике, 90% - по философии, 95% - по психологии, 97% - по политологии [Евсеев, 2007]. В результате во второй половине 1990-х гг. были проведены первые региональные конкурсы исследовательских грантов, реализуемые при совместной поддержке и финансировании Фондов и администраций регионов страны. В начале 2000-х стали появляться специализированные конкурсы для поддержки научной деятельности и мобильности молодых ученых.

Несмотря на то что система исследовательских грантов функционирует в России лишь около двух десятилетий, в стране уже сформировалась довольно обширная сеть научных фондов различных типов и других организаций-грантодателей, а участие в грантовых конкурсах стало распространенной и привычной практикой для значительного числа социальных агентов, включенных в поле российской науки. С учреждением в конце прошлого года нового государственного научного фонда – РНФ, обладающего высокой степенью автономии, расширенными полномочиями и объемом финансирования, превосходящим бюджеты РФФИ и РГНФ, эволюция грантовой системы в России вышла на новый виток.

Общая схема грантовой системы в России

В 2010 г. в России действовало около 150 организаций, предоставляющих – на регулярной основе или однократно – гранты на проведение научных исследований. Такое число грантодателей в стране, в которой само понятие «грант» появилось лишь 20 лет назад, можно считать показателем высокой

динамики системы. Данные организации подразделяются на две большие группы – российские и зарубежные (Рисунок 2.4). В группе последних наиболее активную роль играют негосударственные научные фонды и ассоциации, хотя значителен вклад и организаций, представляющих различные государства, международные институты и сообщества. В целом можно отметить высокую степень интеграции зарубежных фондов в поле российской науки. Среди российских грантодателей ключевыми элементами грантовой системы, безусловно, считаются государственные научные фонды, превосходящие другие организации и учреждения и по объему финансирования, и по числу подаваемых грантовых заявок, и по продолжительности своей деятельности. Кроме того, привычными уже стали и гранты Министерства образования и науки РФ, Президента РФ, распространение получает и грантовая деятельность высших учебных заведений, предоставляющих своим сотрудникам дополнительное финансирование научных исследований на конкурсной основе.

Сравнительный анализ представленной на Рисунке 2.4 схемы с ситуацией в рассмотренных выше зарубежных странах показывает, что, несмотря на совпадение внешней формы моделей сложившихся в них грантовых систем, их содержание имеет некоторые различия. Наиболее существенным из них, на наш взгляд, является участие компаний в грантовом финансировании научных исследований. В предыдущем параграфе мы уже отмечали высокое число коммерческих организаций, имеющих регулярные грантовые программы, в США, причем многие из них финансируют фундаментальные исследования, не имеющие для них прямого экономического эффекта. В России, напротив, реализация исследовательских грантов пока не стала сколь-либо распространенной практикой для бизнеса. Чтобы проверить данную гипотезу, мы провели мониторинг социальных программ ста крупнейших российских компаний¹¹. В ходе этой работы не было выявлено ни одной программы

¹¹ Топ ста крупнейших по капитализации компаний России – 2013. URL: <http://riarating.ru/infografika/20130201/610536030.html> (дата обращения: 10.04.2014).

Рисунок 2.4 – Организационная схема грантовой системы в России

исследовательских грантов, соответствующей принципам грантового финансирования и реализуемой на постоянной основе. Отдельные компании (например, ОАО «Газпром») проводят конкурсы научных исследований, но модель их организации и цели требуют отнесения их к системе апостериорных наград: победителями в этих конкурсах являются авторы проведенных исследований, признанных лучшими. Ряд компаний (ОАО «Вымпелком», ОАО «Лукойл», ОАО «Мегафон» и др.) финансируют программы поддержки проектов в области образования, гражданских инициатив, развития культуры, но вовлеченность российского бизнеса в различные формы поддержки науки пока крайне ограничена.

В целом ведущая позиция государства в сложившейся в России системе грантов ожидаема и объяснима: во-первых, в начальный период ее формирования отечественный коммерческий сектор в силу экономических факторов и зависимости от предшествующего развития (*path-dependency*) не мог встроиться в эту новую структуру, и, во-вторых, в России основным источником финансирования науки традиционно является государственный бюджет. В результате «ядро» российской грантовой системы образуют в первую очередь три государственных научных фонда – РФФИ, РГНФ и недавно созданный РНФ.

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ)

РФФИ финансирует на конкурсной основе фундаментальные исследования по основным областям науки (математике, механике и информатике; физике и астрономии; химии и наукам о материалах; биологии и медицинской науке; науке о Земле и др.). Основопологающей задачей деятельности РФФИ является поддержка (финансовая и организационная) фундаментальных научных исследований, «способствующая реализации государственной научно-технической политики и основанная на принципах

предоставления ученым свободы творчества, выбора направлений и методов проведения исследований»¹².

Изучение структуры органов управления РФФИ, установленных между ними связей (Рисунок 2.5), особенно в сопоставлении с зарубежными практиками, указывает на некоторые ее особенности, которые могут иметь негативное влияние на эффективность выполнения Фондом своих функций и на степень доверия к нему со стороны российского научного сообщества¹³. Во-первых, очевидно, что агенты, занимающие в этой структуре подчиненное положение, обязаны им вышестоящим агентам и, таким образом, от них зависимы. Во-вторых, система управления является закрытой: после утверждения Правительством РФ кандидатур председателя и членов Совета РФФИ внешние по отношению к Фонду агенты не имеют возможности участвовать в процессе дальнейшего распределения позиций и должностей. Также можно отметить достаточно ограниченную репрезентативность различных групп ученых в составе главных органов управления РФФИ вследствие их малой численности. Более широкое научное сообщество не может оказывать влияние на стратегическое развитие главного научного фонда в стране: анализ материалов (нормативных, информационных и аналитических), представленных на официальном веб-сайте РФФИ, не выявил существующих механизмов включения представителей различных групп ученых в процесс определения стратегических целей и ориентиров долгосрочного развития Фонда, управление которого носит, в сущности, элитистский характер.

¹² Постановление Правительства Российской Федерации № 133 от 15 февраля 2012 г. «Об уставе федерального государственного бюджетного учреждения “Российский фонд фундаментальных исследований”».

¹³ Анализ структуры управления, системы принятия решений, а также основных показателей деятельности РФФИ проведен на основе материалов, представленных на официальном сайте Фонда (www.rfbr.ru), в том числе нормативных документов и годовых отчетов РФФИ.

Рисунок 2.5 – Схема принятия решений и назначения на должности в РФФИ

Источник: на основании документов РФФИ (<http://www.rfbr.ru/rffi/ru/>).

В настоящий момент финансирование РФФИ научных исследований осуществляется в рамках 14 регулярных конкурсов РФФИ. Все реализуемые Фондом программы могут быть распределены по нескольким категориям: общие конкурсы исследовательских проектов (инициативных и – отдельно – ориентированных, тематическую специализацию которых устанавливает РФФИ); конкурсы для молодых исследователей (программа «Мой первый

грант», а также конкурсы, направленные на поддержку исследовательских проектов ведущих коллективов молодых ученых; исследований, реализуемых коллективами молодых ученых под руководством кандидатов или докторов наук и др.); региональные и международные конкурсы; «инфраструктурные» конкурсы, к которым мы относим все программы, предназначенные для обеспечения исследователей необходимыми ресурсными условиями (финансирование экспедиций и публикации научных работ, организация конференций на территории России, участие отечественных исследователей в академических мероприятиях за рубежом и др.).

Заявки на получение грантов для проведения научных исследований проходят многоступенчатую систему оценки. После первичного контроля их соответствия формальным требованиям они направляются для рецензирования 2-3 независимым экспертам. В 2013 г. к участию в оценке грантовых заявок были привлечены около 3 тыс. ученых из различных научных организаций. Более половины отечественных экспертов представляют Центральный федеральный округ (63.7%), среди других активных в этом отношении федеральных округов – Сибирский (10.9%), Северо-Западный (10.7%) и Приволжский (7.2%). В целом структура экспертного пула РФФИ соответствует территориальной структуре российской науки. К оценке проектов также активно привлекаются эксперты из-за рубежа: Белоруссии (350 чел.), Китая (340 чел.), Украины (200 чел.), Франции (150 чел.) и других стран. На последующих этапах оценки заявок – в ходе обсуждения экспертных советов – в 2013 г. было привлечено более 700 внешних экспертов. Важно отметить, что в настоящий момент РФФИ обеспечивает доступ ученых, чьи заявки не были поддержаны, к рецензиям экспертов. Несмотря на то что многие участники грантовых конкурсов говорят о низкой информативности отзывов и остро критикуют их объективность, эта мера, несомненно, является важным шагом Фонда к повышению прозрачности своей деятельности и доверия к ней ученых.

Объем финансирования РФФИ в 2013 г. составил 8 млрд руб. (Рисунок 2.6). По данному показателю Фонд в десятки раз уступает всем рассмотренным выше научным фондам зарубежных стран. Динамика бюджета Фонда демонстрирует стабильную (кроме кризисных 2010-2011 гг.) тенденцию к постепенному росту объема его финансирования. Согласно Программе деятельности РФФИ на 2014-2020 г., в дальнейшем эта тенденция также должна сохраниться, а темпы прироста бюджета – возрасти. Так, в соответствии с плановыми показателями, объем финансирования РФФИ уже в следующем году должен достичь 10.9 млрд руб., а к 2020 г. – увеличиться вдвое (22.9 млрд руб.).

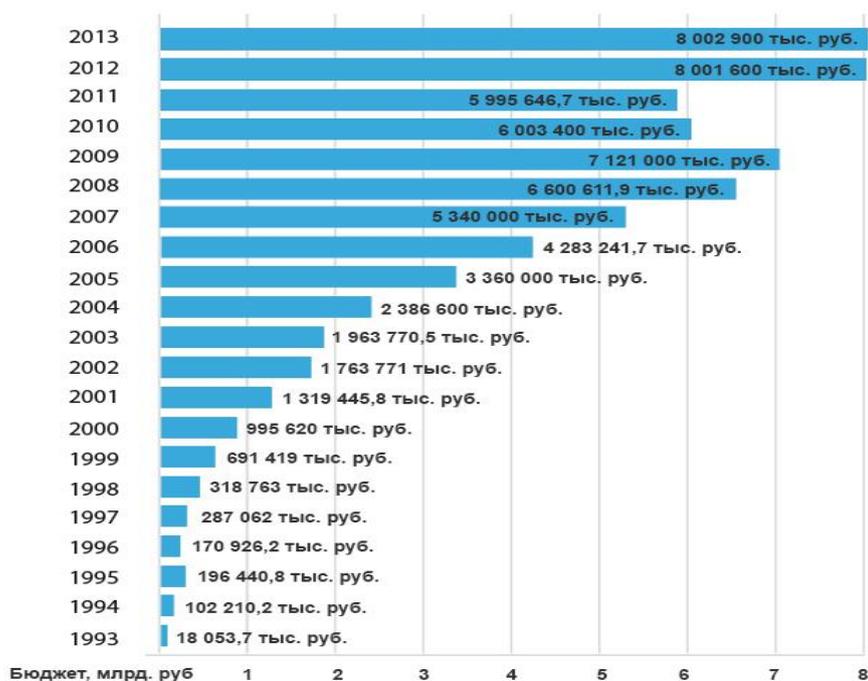

Рисунок 2.6 – Динамика финансирования РФФИ

Источник: официальный сайт РФФИ.

В 2013 г. почти половина бюджета была направлена на так называемый конкурс «а» - поддержку фундаментальных научных исследований, выполняемых небольшой группой ученых (до 10 чел.) или индивидуально. Удельный вес финансирования ориентированных исследований составил 30%. Около 1.4 млрд руб. в 2013 г. было направлено на финансирование конкурсов для молодых ученых. На основной конкурс («а») в 2013 г. было подано более 10

тыс. заявок, из них по результатам экспертизы было поддержано 29.2%. Коэффициент прохождения снизился более чем на один процент по сравнению с предыдущим годом вследствие сохранения финансирования на уровне 2012 г. при увеличении числа поданных на конкурс заявок почти на полторы тысячи. При этом средний размер гранта на протяжении последних лет стабильно возрастает (Рисунок 2.7). На ближайшие годы запланировано увеличение этого показателя до 600 и 750 тыс. в 2015 и 2016 гг. соответственно. Плановый показатель 2020 г. – 1.5 млн руб.

*на момент публикации годового отчета о деятельности РФФИ за 2013 г.

Рисунок 2.7 – Динамика основных показателей конкурса «а» РФФИ

Источник: расчеты автора на основании данных РФФИ.

Небольшой средний объем финансирования по грантам остается сегодня серьезной проблемой для грантополучателей. Учитывая обязательство отчислять некоторую долю полученных средств в пользу организации, в которой выполняется проект, многие ученые заявляют, что оставшихся средств достаточно лишь для оплаты труда занятых сотрудников и экстренное, остро необходимое обновление оборудования. Сопоставление с показателями зарубежных научных фондов демонстрирует, что финансовая обеспеченность отечественных ученых, выполняющих исследовательские проекты по грантам, по сравнению с их зарубежными коллегами весьма ограничена.

В целом, РФФИ сегодня является наиболее востребованным источником дополнительного (грантового) финансирования в России. По всем видам конкурсов за период 1993-2012 гг. рассмотрено свыше 330 тыс. заявок, из них инициативных – около 180 тыс.; поддержано более 130 тыс. проектов, в том числе инициативных - свыше 57 тыс. Всего в заявках участвовало более 270 тыс. человек, а в выполнении проектов, поддержанных РФФИ по всем конкурсам, - свыше 100 тыс. исследователей. По результатам проведенных работ издано более 1 млн научных публикаций, в том числе свыше 440 тыс. журнальных статей.

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ)

Ключевая задача РГНФ – поддержка исследований в области гуманитарных и общественных наук, таких как история, археология, этнография; экономика; философия, социология, политология, правоведение, науковедение; филология, искусствоведение; и др. Структура его руководящих органов, порядок назначения и утверждения на руководящие должности, а также распределение полномочий между органами управления в целом аналогичны рассмотренному выше кейсу РФФИ. В связи с этим считаем, что высказанные выводы и оценки принципов организации РФФИ в полной мере относятся и к РГНФ. Тем не менее существенным отличием последнего является метод отбора экспертов: все члены экспертного пула (как участвующие во внешней экспертизе, так и члены экспертных советов) избираются по результатам открытого (для участия) конкурса. Из числа кандидатов, подавших заявки на конкурс, бюро совета РГНФ отбирает и утверждает членов экспертных советов, которые затем – также из числа участников конкурсов – формируют необходимую группу внешних экспертов¹⁴. Несмотря на ведущую роль в этом процессе руководящих органов Фонда, мы

¹⁴ Положение об экспертных советах и экспертах Российского гуманитарного научного фонда (утв. Решением бюро совета Фонда от 14 марта 2012 г.).

все же считаем такой процесс рекрутинга экспертов более открытым и инклюзивным. В настоящее время экспертами Фонда являются 1.5 тыс. российских ученых, имеющих степень доктора наук и представляющих более 50 субъектов РФ. В 2013 г. в качестве экспертов-консультантов были также привлечены около 50 ученых из зарубежных стран.

Сегодня Фонд реализует несколько типов грантовых конкурсов: основной конкурс инициативных исследовательских проектов; региональные и международные конкурсы; конкурсы поддержки молодых ученых; целевые конкурсы; конкурсы по финансированию подготовки научно-популярных изданий. Поданные на конкурсы заявки проходят процедуру оценки, в целом идентичную РФФИ: на первом этапе заявки направляются на рецензирование двум экспертам и одному члену экспертного совета по соответствующему направлению. Выбор экспертов для оценки осуществляет координатор секции экспертного совета в соответствии с кодами классификатора, указанными руководителями проектов в заявках, и содержанием проектов. Эксперты оценивают каждый представленный проект по следующим критериям¹⁵:

- соответствие тематики проекта научным направлениям, поддерживаемым РГНФ;
- научная значимость проекта (актуальность заявленной темы, степень научной новизны исследований, комплексность исследований);
- научная значимость ожидаемых результатов исследования (ожидаемые результаты, форма их представления);
- уровень управления проектом (соответствие плана работ поставленным задачам, адекватность применяемых методов исследования и научного инструментария, адекватность используемых ресурсов);
- «качество» научного коллектива (опыт руководства и участия в научных проектах, квалификация руководителя и исполнителей, наличие

¹⁵ Порядок проведения экспертизы проектов в Российском гуманитарном научном фонде (утв. Решением бюро совета РГНФ от 14 марта 2012 г.).

публикаций по тематике проекта, возрастной состав коллектива, участие аспирантов и студентов, зарубежных ученых);

- обоснованность объема финансирования для реализации проекта.

Критерии оценки проектов, в целом весьма традиционные для процедуры рецензирования, имеют здесь меньшую степень формализованности, чем, например, в РФФИ. Так, не указано, какие результаты являются более предпочтительными и должны быть выше оценены: статьи, монографии, разработка новых методик, подготовка и защита диссертаций и др. Неопределенными представляются и требования к «качеству» научного коллектива: какой проект должен получить высший балл – под руководством ученого, имеющего десять публикаций, но в российских журналах, или опубликовавшего лишь две статьи, но в ведущих международных научных изданиях. Оценка научных проектов неизбежно является процедурой субъективной: представления об актуальности, значимости, новизне исследования всегда зависят от мнений и установок оценивающих агентов. При этом простое расширение перечня субъективно-ориентированных критериев, на наш взгляд, не повышает качество рецензирования, но только снижает его.

На втором этапе экспертизы исследовательские проекты обсуждаются на заседаниях секций экспертных советов, по результатам которых составляется ранжированный список заявок: чем выше в нем позиция проекта, тем выше его шансы получить грант. Окончательное решение о финансировании проектов принимается на заседании экспертного совета по соответствующему направлению.

В РГНФ не предусмотрено уведомление участников грантовых конкурсов о результатах рецензирования их заявок в случае отказа в финансировании. Считаем, что такой подход оказывает негативное воздействие на представления ученых об объективности оценки грантовых заявок, ограничивает понимание участниками конкурсов ошибок, неточностей, недостатков, допущенных ими при составлении конкурсной документации, препятствует их корректировке и в результате не позволяет сократить время на подготовку заявок в последующих

конкурсах и не повышает уровень их успешности. При этом стоит отметить, что в последние несколько лет РГНФ значительно расширил доступ к сведениям о поданных заявках и финансируемых проектах, их авторах и содержании, хотя функционал созданной информационной системы пока ограничен (она, например, не предоставляет технической возможности для селекции и просмотра всех поддержанных РГНФ проектов отдельного ученого или коллектива, формирования перечня наиболее успешных исследователей и наиболее активных научных организаций).

В то же время РГНФ довольно широко представляет результаты анализа агрегированных данных, характеризующих основные направления и результаты деятельности Фонда, социальный портрет заявителя¹⁶. В 2013 г. в рамках всех конкурсов РГНФ было подано 6203 заявок (по результатам первичной проверки к конкурсам было допущено 5190), из них поддержано – 1605 ед. Средний коэффициент прохождения составил 31.4%. В разрезе по типам конкурсов этот показатель практически не изменяется (кроме целевого конкурса, где его величина составила лишь 2.7%), но его анализ в разрезе по научным направлениям демонстрирует значительные флуктуации (Рисунок 2.8). В области исторических, филологических наук и искусствоведения коэффициент прохождения превышает 40%, в то время как для некоторых областей составляет менее 20%. На наш взгляд, такое значимое расхождение среднего показателя требует пересмотра норм распределения финансирования между различными научными направлениями.

¹⁶ См.: Портрет грантозаявителя РГНФ (статистическая информация). URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/rezultaty/analiticheskaya-informatsiya-o-rezultatakh-konkursov/295-portret-grantozayavitelya-rgnf-statisticheskaya-informatsiya> (дата обращения: 01.03.2014); Отчет «Деятельность Российского гуманитарного научного фонда в 2013 году». URL: <http://www.rfh.ru/downloads/2014/report2013.pdf> (дата обращения: 01.03.2014).

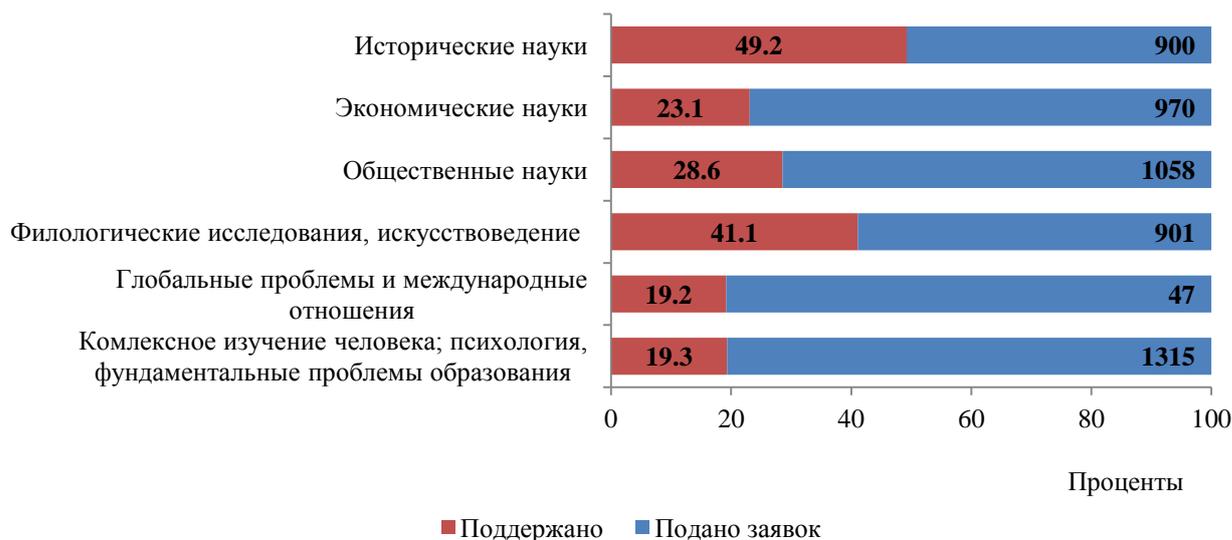

Рисунок 2.8 – Коэффициент прохождения заявок, поданных в РГНФ, по научным направлениями: 2013

Источник: официальный сайт РГНФ.

В 2013 г. почти половину грантов, выделенных РГНФ в рамках всех реализованных конкурсов, получили ученые Центрального федерального округа (48%), на втором месте находился Северо-Западный округ (15%), от которого лишь незначительно отставали Приволжский (13%) и Сибирский (12%). Любопытно, что распределение грантов по округам существенно отличается от территориальной структуры поданных на конкурсы заявок. В ней первое место все так же занимал Центральный федеральный округ, но его доля была почти на 15% меньше, чем в числе выданных грантов; Северо-Западный округ находился лишь на четвертой позиции. Такое смещение показателей вклада округов после завершения конкурсов может свидетельствовать либо о более высоком качестве исследовательских проектов и подготовленных заявок в центральных регионах России, либо о наличии серьезных системных ошибок в процедуре их оценивания.

Несомненным лидером по числу полученных грантов являются организации академий наук (52%). Ученые, занятые в секторе высшего образования, получили в 2013 г. треть грантов РГНФ. 56% участников проектов, выполняемых за счет грантов РГНФ, имеют научные степени кандидата и доктора наук. Удельный вес исследователей без степени довольно

высок, что тесно коррелирует с долей ученых-участников проектов в возрасте до 39 лет (46%). Высокие показатели в данном случае обусловлены не активизацией научной деятельности молодого поколения исследователей, но требованиями к составу участников проектов.

В 2013 г. объем бюджета РГНФ составил 1.5 млрд руб. По этому показателю Фонд оставался на уровне 2012 г., хотя по отношению к 2010-2011 г. он увеличился в полтора раза. В настоящее время ожидается и дальнейший стабильный рост финансирования Фонда, объем которого, согласно плановым показателям, к 2016 г. должен достичь 2.4 млрд руб. Вслед за ростом финансирования происходит постепенное увеличение среднего объема гранта, в 2013 г. он достиг 528 тыс. руб.

Российский научный фонд (РНФ)

РНФ был создан по инициативе Президента РФ в конце 2013 г., в связи с этим оценка результативности его деятельности в данный момент является преждевременной. Тем не менее мы считаем необходимым описать основные особенности организации деятельности Фонда и сравнить его с другими государственными научными фондами, описанными выше. Это позволит определить перспективы изменения или, напротив, сохранения сложившейся в России системы исследовательских грантов.

Основная миссия РНФ – поддержка фундаментальных и поисковых исследований, а также развитие научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. Руководящими органами РНФ являются Попечительский совет Фонда, в состав которого входят 15 членов, включая Председателя Попечительского совета, каждый из которых назначается сроком не более пяти лет президентом РФ. Принципы формирования Совета в целом соответствуют процедурным практикам РФФИ и РГНФ, но сегодня он заметно отличается от руководящих органов этих фондов участием представителей политического поля: среди его членов помощник президента РФ Фурсенко А.А., министр образования и науки РФ Ливанов Д.В.,

депутаты Государственной Думы Чепя А.В., Кононов В.М., Дегтярев М.В. и др. Ввиду решающей роли Попечительского совета в стратегическом развитии РНФ (к его обязанностям, в частности, относятся утверждение порядка и критериев конкурсного отбора программ и проектов, проведения их экспертизы; утверждение перечня и состава экспертных советов и др.¹⁷), такая широкая вовлеченность в функционирование РНФ представителей в первую очередь государства, руководящих кругов, а не науки не может не вызывать обеспокоенности, несмотря на постулируемую беспрецедентно высокую степень автономии Фонда от любого внешнего влияния.

Исполнительным органом РНФ является Правление Фонда в составе шести человек, включая руководителя – генерального президента Фонда. Его кандидатуру по представлению Попечительского совета Фонда утверждает Президент РФ на срок не более пяти лет. Составы экспертных советов – важнейших органов для функционирования любого научного фонда – и их председатели утверждаются попечительским советом Фонда по представлению правления Фонда.

В целом этот краткий обзор основных органов управления РНФ показывает, что по сравнению с принципами функционирования РФФИ и РГНФ никаких существенных изменений внесено не было. Единственным очевидным новым шагом стал подход к формированию экспертного совета Фонда, основные этапы которого охарактеризовал в своем интервью его председатель А. Клименко [Клименко, 2014]:

1. формирование первой очереди экспертного совета на основе рекомендаций членов Попечительского совета, которые являются действительными членами РАН; его утверждение Попечительским советом;
2. формирование перечней экспертов, имеющих наиболее высокие показатели публикационной активности и цитирования, по каждой из девяти

¹⁷ Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 291 – ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

областей науки, которые поддерживает РНФ (на основе анализа баз данных Web of Science, Scopus, РИНЦ);

3. обсуждение и дополнение сформированных перечней на основании рекомендаций экспертов «первой очереди» и с учетом предъявляемых требований (в первую очередь относительно публикационной активности, индекса цитирования);

4. рассылка писем с приглашением стать экспертом РНФ кандидатам, вошедшим в финальную версию перечней;

5. оценка репрезентативности группы отобранных экспертов (представленность различных организаций, регионов, направлений исследований), корректировка списка;

6. утверждение состава экспертного пула Попечительским советом.

Такой многоэтапный подход к отбору экспертов, ориентированный на оценку их объективных достижений и квалификаций, на наш взгляд, является серьезным достижением РНФ. Сегодня в состав экспертного совета РНФ входит девять секций в соответствии с числом областей знаний, почти в каждой из них (кроме сельскохозяйственных наук) по семь членов.

В этом году экспертный пул ввиду потребности в большом числе ученых, способных провести экспертизу многочисленных заявок по различным научным направлениям, и ограниченности временного ресурса был сформирован на основе экспертных баз РФФИ и РГНФ. В дальнейшем Фонд планирует расширять его состав, используя и другие источники данных, привлекать зарубежных ученых. Сама процедура оценки заявок повторяет основные этапы РФФИ, РГНФ и многих других научных фондов. Заявляется, что после завершения экспертизы и объявления результатов первых конкурсов будут также обнародованы экспертные заключения, содержащие обоснования принятых решений по каждой заявке.

В рамках первого конкурса РНФ – на финансирование инициативных исследовательских проектов – было подано 11 тыс. заявок по 9 научным направлениям. В их оценке приняли участие 2.5 тыс. внешних экспертов,

каждый из которых в среднем работал с 13 исследовательскими проектами. Размер гранта по условиям данного конкурса – до 5 млн руб. ежегодно. В настоящий момент объявлены еще два конкурса – на финансирование проектов существующих научных лабораторий и кафедр с размером гранта до 20 млн руб. ежегодно и на финансирование научных исследований лабораториями, создаваемыми совместно научной организацией и вузом (размер гранта – до 25 млн рублей ежегодно). Также в этом году будет объявлен первый конкурс на финансирование научных организаций с грантами до 100 млн руб.

Сопоставление организации работы РФФ с другими государственными научными фондами страны демонстрирует, во-первых, значительное увеличение среднего размера гранта, его приближение к показателям некоторых зарубежных фондов; во-вторых, более высокую степень формализации критериев отбора экспертов и формирования экспертного пула; и в-третьих, повышение требований к участникам грантовых конкурсов, стимулирование активной (и результативной) научной деятельности, в том числе на глобальной арене.

2.5 Функциональный анализ грантов

Получение исследовательского гранта является сегодня одним из актов «признавания», механизмов трансляции научного капитала, а значит, выступает в качестве объекта борьбы в поле науки. В силу ряда факторов грантовая активность ученого обусловлена не только его индивидуальными интересами и потребностями, но и давлением «сверху», со стороны руководства научных организаций и даже государства. Во-первых, определенная доля грантов (размер которой зависит от внутренних правил и уставов организаций) поступает в бюджет организации для поддержания и развития инфраструктуры и обеспечения других ее потребностей. Во-вторых, в некоторых странах успешность университетов и научных институтов в привлечении конкурсного финансирования является одним из основных критериев их оценки и основанием распределения государственного финансирования. И в-третьих,

число полученных грантов выступает важным компонентом престижа института, его научной репутации. Все эти факторы побуждают руководство научных организаций усиливать давление на исследователей и стимулировать их участие в грантовых конкурсах.

В результате это двойное давление – внутреннее в виде стремления получить профессиональное признание и внешнее в форме требований со стороны администрации и руководства – становится причиной того, что сегодня все меньшее число ученых имеют шанс оставаться вне системы исследовательских грантов. Это позволяет говорить о том, что в настоящее время наука переживает переход от старой парадигмы «публикуй или исчезни» (*'publish or perish!'*) к новой – «получай гранты или исчезни» (*'grant or perish!'*) [Musambira, et al., 2012]. Высокая значимость системы исследовательских грантов не только определяет необходимость осуществления комплексного анализа положительных функций, которые она выполняет по отношению к ученым и науке в целом, но и ставит вопрос о потенциальных рисках и опасностях, которые она способна привнести в их жизнь и работу.

Для выполнения данной задачи обоснованным является применение функционального анализа, который позволяет оценить последствия влияния исследовательских грантов не в общих чертах, а по отношению к различным системам – в первую очередь по отношению к современному ученому и науке в целом. В основе функционального анализа лежит понятие функции, которое задает направление и логику научного поиска. Мертон пишет, что часто термином «функция» именуется абсолютно разные понятия, но ее истинным определением является определение Малиновского: «функцией любой повторяющейся деятельности, такой как наказание за преступление или церемония похорон, является та роль, которую она играет в социальной жизни как целом, и следовательно, тот вклад, который она вносит в сохранение структурной преемственности» [Merton, 1952]. Мертон расширил это определение и ввёл понятие дисфункции, которая, в противоположность функции, негативно сказывается на воспроизводстве системы, ведет к

дисбалансу, нарушению ее функционирования, принуждает к трансформации. Кроме того, он ввел разделение функций на явные и скрытые (латентные). Первые являются ожидаемым, предусмотренным результатом деятельности, обычно формально заявленным, вторые – ее «побочным продуктом», непреднамеренным результатом.

Следуя данной логике, рассмотрим ключевые функции, которые выполняют исследовательские гранты по отношению к науке как социальной системе. В качестве ключевых ее явных функций стоит отметить формирование научной программы «снизу» в соответствии с интересами и приоритетами самих ученых. Как показано выше в данной главе, основным грантовым конкурсом всех научных фондов является конкурс инициативных научных исследований, тематику которых определяют сами участники. За счет грантов финансируются исследования в экспериментальных областях науки, междисциплинарные, поисковые исследования. Безусловным позитивным воздействием грантовой системы является и улучшение экономической и материально-технической обеспеченности науки. Благодаря этому становится возможной постановка более сложных и актуальных исследовательских вопросов, реализация технически сложных проектов. Также к функциям грантовой системы следует отнести повышение результативности научной деятельности: в соответствии с правилами научных фондов, результаты проектов по гранту должны быть обнародованы путем публикации в открытых источниках. При этом гранты выполняют также функцию контроля качества (уровня) проводимых исследований, определения наиболее значимых и перспективных исследований. Кроме того, гранты обеспечивают формирование и поддержку научных школ, позволяя привлекать к выполнению исследований молодых ученых.

К латентным функциям грантовой системы относится содействие интеграции национальных научных сообществ в мировую науку, стимулирование интеракции между учеными из разных страны. Кроме того, гранты позволяют предотвратить (или, по крайней мере, сократить) отток

кадров из науки, являясь дополнительным источником дохода для ученых и нивелируя необходимость совмещения нескольких работ или трудоустройства в бизнесе.

Несмотря на указанное позитивное влияние, грантовая система имеет также и ряд дисфункций, наиболее очевидной из которых является усиление конкуренции, которая может стимулировать, в том числе, повышение секретности в научной сфере.

Аналитическая работа с зарубежными источниками и изучение результатов эмпирических исследований, проведенных в Австралии, Германии, Канаде, показывают, что одной из латентных дисфункций грантов является усиление стратификации в науке. В первом приближении научное сообщество теперь можно разделить на «инсайдеров грантовой системы» – тех, кто активно участвует в конкурсах и регулярно получает гранты на исследовательские проекты, – и «аутсайдеров» – тех, кто либо не подает заявки, либо принимает участие в конкурсах, но никогда не получает гранты.

Стратификация в науке на основании числа полученных грантов не является проблемой, если мы полностью верим в миф о качестве (*quality myth*) и уверены в том, что высокий уровень исследования – это не только необходимое, но и достаточное условие для получения исследовательского гранта [Laundel, 1996]. Тем не менее на процесс распределения грантов оказывают влияние и другие факторы, в том числе «эффект Матфея». В отношении исследовательских грантов этот феномен также носит название «петля положительного отклика» (*positive feedback loop*), описывая ситуацию, в которой те, кто получал гранты в прошлом, имеют больше шансов получить их и в будущем [Gillet, 1999]. Одной из возможных причин действия эффекта Матфея в данном случае является тот факт, что ученые, получающие гранты, имеют в среднем больше публикаций, чем их коллеги среди «аутсайдеров» грантовой системы: наличие публикаций в качестве подтверждения и демонстрации достигнутых результатов исследования часто является требованием научных фондов. Это повышает «видимость» ученых для

научного сообщества и помогает им в последующих грантовых конкурсах, так как во многих научных фондах показатели публикационной активности заявителя используются в качестве критерия оценки заявки [Laundel, 1996].

Постепенная концентрация грантов в четко очерченной группе исследователей в результате влияния, в том числе, эффекта Матфея ведет к появлению нового «типа ученого» – ученого-грантополучателя – и нового научного под-сообщества [Юревич, 2005].

Несмотря на то что гранты призваны стимулировать инициативу ученых и поддерживать свободу научного творчества, одной из латентных дисфункций грантовой системы является манипулирование, изменение направлений, приемов и методов научного поиска. Так, грантовая система поощряет мейнстримовую науку: ученые отмечают, что в некоторых фондах легче получить грант, если постановка проблемы в исследовательском проекте (а иногда и ее решение) уже принята научным сообществом. Это положение находит объяснение в бессмертной теории Куна: эксперты, оценивающие грантовые заявки, являются представителями доминирующей парадигмы и стремятся защитить ее от вмешательств других, конкурирующих с ней парадигм. Исследование, проведенное в Австралии [Laundel, 1996], показало, что одной из наиболее распространенных стратегий, которые используют ученые, чтобы повысить «грантопривлекательность» своего исследования, является отказ от новаторских тем и исследовательских проблем, которые еще не получили значительного внимания научного сообщества, и замена их более конвенциональными: «Все ученые обычно избегают рискованных исследований, потому что новые идеи, когда человек не уверен, сработают ли они, включать в грантовую заявку нельзя» [Там же: 383 – перевод автора].

Часто давление, которое вынуждает ученого изменить (или подкорректировать) свои научные интересы, приводит к еще одному негативному последствию: после получения гранта на проведение исследования, не представляющего значительного личного интереса, исследователи перераспределяют финансирование от заявленного на другие

проекты (или другие виды профессиональной деятельности) [Boalt, et al., 1979]. Именно по этой причине иногда даже те научные проекты, которые получили конкурсное финансирование, оказываются недофинансированными и приносят меньше результатов, чем можно было бы ожидать.

Сегодня потенциал манипулирования научными исследованиями нашел выражение в новом механизме – учреждении приоритетных грантовых конкурсов. Правительство, научные фонды, коммерческие предприятия, частные спонсоры – все акторы, выступающие грантодателями, – устанавливают (время от времени или на регулярной основе) приоритетные направления научных исследований и в соответствии с этим учреждают специальные грантовые конкурсы. Государство часто в качестве приоритетных определяет те области науки и направления исследований, которые отвечают актуальным социальным потребностям и имеют потенциал для решения проблем всего общества, в то время как частные гранты или гранты коммерческих организаций чаще стимулируют ученых проводить исследования, способные улучшить производство и эффективность бизнеса.

Одним из возможных последствий применения практики проведения специальных грантовых конкурсов является то, что «у ученых слишком часто, кажется, возникает желание получить финансирование, даже путем приношения в жертву того, чем они действительно страстно интересуются, и вступить в эту «мышиную гонку» за грантами, которые не представляют для них особого (научного) интереса, но которые они могут получить» [Реск, 2009 – *перевод автора*]. Это означает, что в дополнение к универсальной необходимости «встраивания» своих научных интересов в рамки мейнстримовой науки ученые также стремятся согласовывать их с грантовыми приоритетами, адаптируя свои исследования к «финансовому пейзажу» и выбирая те темы, которые предопределены окружающей средой, а не самой наукой [Laundel, 1996]. Кроме того, учреждение приоритетных грантовых конкурсов не всегда предполагает увеличение финансирования научных фондов – вместо этого оно может потребовать перераспределения или

сокращения бюджета основных конкурсов, что усиливает конкуренцию среди кандидатов, принимающих в них участие.

Система грантов также провоцирует «количественный сдвиг» в гуманитарных науках, поощряя исследования, основанные на использовании количественных методов и дискриминируя проекты, использующие качественную методологию [Bourgeaut, 2012], что побуждает ученых заменять качественные методы количественными, даже когда использование первых более оправдано общей логикой исследования [Daza, 2012].

В основании данной проблемы лежит ряд факторов. Во-первых, необходимость получения гранта для выполнения научного исследования должна быть документально подтверждена сметой расходов или финансовым протоколом, при этом даже многие члены самого научного сообщества часто верят, что исследования, использующие качественные методы, крайне просты и, соответственно, не требуют больших объемов финансирования [Morse, 2003]. Еще одно обстоятельство связано с самой природой качественной методологии и ее основными характеристиками: такая программа всегда подвижна и может перестраиваться в ходе проведения исследования в результате обнаружения новых направлений или характеристик исследуемых явлений. Это предполагает, что исследователь зачастую не имеет окончательно оформленного исследовательского плана до момента «вхождения в поле». Индуктивная и порой разведывательная природа качественного исследования может воплотиться в заявках, довольно туманных и содержащих меньше определенности относительно исследовательских вопросов и используемых методологических подходов, чем исследования, использующие количественные методы [Bourgeaut, 2012].

Грантовая система выполняет также ряд функций и по отношению к самому ученому. Среди явных эуфункций в данном случае стоит отметить возможность заниматься исследованиями, которые представляют непосредственный интерес для самого исследователя, но не поддерживаются в рамках базового финансирования. Кроме того, гранты улучшают не только

обеспеченность профессиональной деятельности ученого, но и его общее благосостояние (хотя, безусловно, в данном случае все зависит от объемов грантового финансирования, которое существенно варьируется в различных научных фондах).

Большая часть функций грантовой системы для ученого, на наш взгляд, имеет латентный, непреднамеренный характер. Так, участие в конкурсах и выполнение проектов по грантам развивает практические навыки управления научным коллективом, планирования рабочего времени и целеполагания, администрирования. Косвенным эффектом грантов является также ориентированность ученых на результат, конкретный научный продукт: разработку методики, теории, практических рекомендаций, публикацию статьи или монографии. Это помогает выстраивать план научных работ, а также траектории профессионального развития. Несмотря на то что в рамках грантовых конкурсов оцениваются научные проекты, многие ученые воспринимают их результаты как оценку своего профессионального уровня. В этом смысле гранты также выполняют функцию «самоконтроля» ученых, подтверждения их таланта и актуальности проводимых исследований.

Стоит отметить, что для ученых, которые не получают гранты, хотя и участвуют в грантовых конкурсах, данная система может выполнять противоположные функции и вести к фрустрации. При обсуждении введения системы эффективных контрактов в российской науке часто подчеркивается значимость данной меры как основы дискриминации «неэффективной» части научного сообщества, ее вытеснения (что приведет, как утверждается, к сохранению только «лучшей» части ученых и научных организаций). На наш взгляд, данная роль в полной мере применима и к грантовой системе, причем мы считаем, что это положение следует отнести к ее дисфункциям: в результате различных «системных сбоев» в ее работе (обусловленных несовершенством критериев оценки заявок, влиянием теневых механизмов) поддержка грантами не всегда обеспечена (всем) достойным членам научного сообщества.

К латентным дисфункциям грантовой системы можно отнести трансформацию социальной роли ученого, которая теперь тесно ассоциируется, в том числе, с активной грантовой позицией: «Я думаю, сегодня множество людей ... чувствуют, что на них возложена обязанность приносить деньги. И это и есть их истинная роль как исследователей. Я чувствую, что если я не подаю заявки [на гранты], то я подвожу «команду» [Polster, 2007: 603 – *перевод автора*].

Участие в грантовых конкурсах требует серьезных временных затрат, что вносит существенные коррективы в структуру рабочего (а порой и личного) времени современного ученого. Сложно определить точное количество времени, которое требуется для подготовки грантовой заявки, прочей конкурсной документации, а затем написания отчета по гранту, но в любом случае это время, «которое могло быть потрачено на исследовательскую работу (или семью, или участие в гражданских проектах, или сон)» [Feinberg, 2010 – *перевод автора*]. Для сотрудников университетов это также то время, которое может быть затрачено в ущерб преподаванию или подготовке к занятиям, что имеет особое значение для России, где преподавательская нагрузка очень высока по сравнению со многими другими странами, а выполнение преподавательских нормативов строго контролируется администрацией вузов.

Учитывая, что средний процент прохождения проектов в крупнейших научных фондах мира не превышает 30%, для значительной части участников грантовых конкурсов время, затраченное на подготовку, не оборачивается желаемым результатом и представляет собой невероятную трату времени, энергии, таланта и научного капитала [Thyer, 2011]. Можно предположить, что неподдержанные заявки позже будут переработаны и представлены снова на конкурсы организаций-грантодателей, а значит, их подготовка никогда не является пустой тратой времени, но пересмотр и изменение заявок требует не меньше времени, чем их написание, возможно даже больше. Таким образом, участие в конкурсах на получение исследовательских грантов – это процесс, требующий серьезных временных инвестиций, источниками которых являются

другие виды профессиональной деятельности ученых (преподавание, выполнение исследований, подготовка публикаций и проч.), но при этом ничего не гарантирующий взамен.

Функциональный анализ грантовой системы демонстрирует, что она оказывает ряд как положительных, так и отрицательных воздействий на жизнь и работу современных ученых и на развитие науки в целом. Интересно, что отдельные ее функции находятся в очевидном противоречии друг с другом. Так, функционирование грантовой системы может служить поддержке научного творчества ученых, охранять его от внешнего вмешательства, обеспечивая формирование научной программы «снизу». В то же время гранты способны манипулировать, направлять деятельность ученых, очерчивая круг наиболее «грантопривлекательных» проблем и исследовательских тем, согласующихся с приоритетами, определенными вне пределов научного поля (например, агентами поля политики или экономического производства). В данном и других схожих случаях актуализация дисфункциональной составляющей грантов, на наш взгляд, связана с системными ошибками, нарушениями работы системы. Ввиду этого особое значение приобретает организация работы научных фондов, которые являются ключевыми элементами грантовой системы и проводниками ее базовых ценностей и принципов. Обоснованной кажется позиция NSF, одной из программных целей которого является невмешательство в процессы развития науки, лишь их поддержка. Важным для обеспечения следования этим целям является и политика активного участия научного сообщества страны в деятельности DFG.

Выводы

Исследовательские гранты представляют собой исторический феномен, появление которого изначально было обусловлено профессионализацией науки и усилением ее специализации, расширением доступа к общему и научному образованию, ростом общественной поддержки науки, что нашло выражение, в том числе, в активизации меценатства. Под воздействием этих и других

факторов во второй половине 19 века в ряде европейских стран – и прежде всего во Франции – начался постепенный переход от «наградной» и «апостериорной» системы поощрения (присуждение наград, имеющих исключительно символическую ценность, за уже полученные научные результаты) к «монетарной» и «априорной» (присуждение денежных «призов» на проведение будущих исследований), которая стала основой формирования системы исследовательских грантов.

В 20 веке произошло дальнейшее развитие системы грантов, расширение и активизация ее роли. В результате сегодня только в США действует несколько сотен научных фондов и других организаций, выступающих в роли грантодателей на регулярной основе. В данной главе были изучены основные особенности организации и функционирования грантовых систем в ряде стран, которые, несмотря на различия моделей, имеют следующие общие черты:

- активная позиция ученых-участников грантовых конкурсов, их права оказывать влияние (хотя и ограниченное) на процесс оценки заявок;
- транспарентность процесса принятия решений о поддержке исследований: публикация сведений о составах экспертных комиссий, обеспечение доступа к рецензиям; публикация информации обо всех поддержанных проектах (в некоторых случаях – обо всех поданных заявках);
- участие научного сообщества стран в процессе управления научными фондами;
- значительные объемы финансирования научных фондов. Как результат, достаточно высокий размер финансирования поддерживаемых проектов;
- ориентация на инициативные научные исследования (в противовес приоритетным программам, которые выступают в основном в качестве дополнительных механизмов распределения грантового финансирования); и др.

Модель грантовой системы, сформировавшаяся за последние 20 лет в России, характеризуется высокой значимостью государства, бизнес играет в ней пассивную роль, ограничиваясь лишь фрагментарными конкурсами и

программами финансирования исследований. Крупнейшие научные фонды в России являются государственными и имеют ряд общих характерных особенностей, которые особенно отчетливо проявляются в сопоставлении с аналогичными зарубежными организациями: замкнутость системы принятия решений и изолированность от этого процесса научного сообщества; ограниченность (относительно невысокая численность) экспертного пула и ненадежность процедуры распределения заявок между экспертами, основанной в первую очередь на формальных классификаторах; закрытость процесса оценки исследовательских проектов.

Вне зависимости от особенностей грантовой системы она выполняет ряд функций для поля современной науки и агентов, включенных в него. Среди эуфункций следует указать формирование научной программы в соответствии с интересами и приоритетами научного сообщества, развитие у ученых практических навыков руководства научным коллективом, администрирования исследовательского проекта, повышение результативности научной деятельности, сохранение и поддержку научных школ. К дисфункциям относятся изменение социальной роли ученого, структуры его рабочего времени, «количественный сдвиг» в социо-гуманитарных науках и др. Несмотря на выявленные дисфункции грантовой системы, которые могут привести к серьезным рискам для развития науки, автор признает в целом позитивный характер тех изменений, которые привнесли гранты в науку и жизнь отдельных ученых, но при этом считает, что важно осознавать не только их функции, которые способствуют поддержанию целостности системы науки, но и дисфункции, которые могут стать источником серьезных проблем

Глава 3. Исследовательские гранты и их роль в жизни и карьере российских ученых

В предыдущей главе диссертационного исследования рассмотрены основные принципы и особенности функционирования отечественной системы исследовательских грантов. При этом вне области анализа остались реальные механизмы взаимодействия социальных агентов и грантовой системы. Роль ученых в этом взаимодействии представляется пассивной: обзор правил и требований, установленных РФФИ, РГНФ и РНФ, характеризует позиции фондов в научном поле, доступные и используемые инструменты влияния на него, но полностью игнорирует «ответную реакцию» научного сообщества. Для определения воздействия формальных и неформальных норм, установленных и поддерживаемых грантовой системой, на научную деятельность ученых и развитие российской науки в целом было проведено эмпирическое исследование, основные результаты которого изложены в данной главе.

3.1 Основные задачи и организация исследования

При разработке программы эмпирического исследования мы выделили в качестве основных целей следующие:

- определить и измерить распространенность в российском научном поле практик, связанных с взаимодействием ученых и грантовой системы; выявить группы и категории агентов, наиболее активно в них вовлеченных;
- изучить основные мотивы участия ученых в конкурсах исследовательских грантов;
- выяснить степень удовлетворенности ученых работой российских государственных научных фондов;
- изучить мнения российских исследователей о значимости грантов для их профессиональной деятельности и развития российской науки в целом;

- проверить сформулированные в теоретической части диссертационного исследования гипотезы о символической ценности грантов, об основных функциях и дисфункциях грантов;
- провести апробацию разработанной методологии и инструментария исследования.

Для достижения поставленных целей было проведено выборочное исследование методом опроса. Учитывая необходимость обеспечения репрезентативности выборки по нескольким критериям при существующих ресурсных ограничениях, опрос проводился в онлайн форме. Исследование выполнено в несколько этапов. На первом, подготовительном, этапе была разработана социологическая анкета (Приложение), которая является ключевым инструментом сбора данных при проведении социологического исследования методом массового опроса. К основным целям использования анкеты относится получение количественной информации о респондентах, их свойствах, мнениях. В рамках кандидатской диссертации использование анкеты также обусловлено стремлением собрать репрезентативные данные об отношении российских ученых к грантовой системе, к работе государственных научных фондов, процессам распределения грантов и другим вопросам, связанным с предметом исследования. Только благодаря доступу к этим сведениям и в результате их последующего анализа возможно подтвердить (верифицировать) или, напротив, опровергнуть (фальсифицировать) выводы, полученные в ходе теоретического осмысления автором исследовательской проблемы.

Состав вопросов для анкеты был сформирован в соответствии с основными целями всего исследования. Все вопросы сгруппированы по четырем блокам. Первый из них посвящен опыту участия респондентов в конкурсах исследовательских грантов, характеристикам этого опыта (интенсивности, успешности (результативности)), а также основным мотивам, стимулирующим ученых к подготовке и подаче грантовых заявок. Второй блок содержит вопросы, связанные с оценкой респондентами работы российских

научных фондов (РФФИ, РГНФ и РНФ) и необходимости проведения мер по реформированию некоторых существующих ее характеристик. Интеграция этого раздела в структуру анкеты позволит определить степень удовлетворенности исследователей выполнением научными фондами – значимыми агентами в поле современной российской науки – своих функций и их соответствие ожиданиям отечественных ученых-грантозаявителей.

Следующий, третий блок вопросов касается мнений респондентов о факторах, оказывающих влияние на процесс распределения исследовательских грантов. В перечень факторов, среди которых респондентам предложено выделить наиболее и наименее значимые, намеренно включены те, которые отражают соответствие грантовых заявок и заявителей официальным, объективным требованиям научных фондов, а также те, которые связаны с неофициальными, скрытыми нормами и «правилами игры». Анализ данных, полученных в результате ответов респондентов на вопросы этого блока, позволил установить, считают ли российские ученые грантовую науку «теневой» или представляют ее как открытый рынок, функционирующий на основании честной прямой конкуренции.

Вопросы четвертого блока касаются мнений респондентов о том, какое значение исследовательские гранты имеют для их собственной научной деятельности и для развития современной российской науки в целом. Эти вопросы являются, в основном, открытыми; ответы на них, в отличие от многих предыдущих, носят не фактологический, а оценочный характер, требуют подведения некоторых итогов. В структуру анкеты также включен дополнительный блок вопросов, основная цель которого – получение социально-демографической информации о респондентах. Несмотря на то что этот раздел носит добавочный характер, его значение для целей исследования крайне высоко: группировки респондентов на основании социально-демографических характеристик позволяют провести сравнительный анализ отдельных групп ученых и выявить существующие в них различия основных исследуемых свойств.

После первичной работы по формированию опросника была проведена его апробация в ходе пилотного обследования: десяти респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты и оставить свои замечания или комментарии к тем вопросам, ответы на которые вызвали у них затруднения. Кроме того, с несколькими учеными также было проведено короткое интервью, в рамках которого мы стремились выяснить, остались ли вопросы, связанные с тематикой исследования и при этом не включенные в анкету, которые респонденты считают важными и хотели бы обсудить. Выполнение указанных процедур может быть расценено как гарантия высокой степени надежности разработанного инструментария, на основе которого возможно получение максимально полных и валидных данных об изучаемой проблеме.

После апробации анкеты и внесения необходимых правок и дополнений приглашение к участию в исследовании было направлено по электронной почте ученым, включенным в выборку.

Для участия в опросе респонденты отбирались по следующим критериям: 1) работает в организации государственного или вузовского секторов науки; 2) занимает преподавательскую или научную должность. Опыт участия в конкурсах исследовательских грантов в качестве критерия не рассматривался намеренно: мы считали важным сопоставить мнения и суждения о грантовой системе ученых-«инсайдеров» и исследователей, которые занимают по отношению к ней позицию внешнего наблюдателя.

Отбор респондентов осуществлялся «сверху»: сначала отбирались научные организации, затем – респонденты из числа их сотрудников, соответствующих указанным критериям. Выбор такой стратегии обусловлен тем, что доступные перечни научных организаций и их официальные Интернет-сайты являются наиболее полными источниками информации, обеспечивающими наибольший охват генеральной совокупности – российского научного сообщества. В качестве альтернативных источников информации на начальном этапе подготовки исследования также рассматривались: авторский указатель базы данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования),

Общероссийский математический портал Math-Net.Ru и др. Ввиду ограниченности этих ресурсов было принято решение использовать их в качестве дополнительных источников.

Выборка была сформирована последовательно, согласно следующему алгоритму:

1. Рассчитан объем выборки. Для обеспечения репрезентативности выборки по некоторым критериям (представленность различных гендерных, возрастных групп ученых, федеральных округов и регионов РФ, типов научных организаций и др.), а также учитывая традиционно невысокий процент возврата в онлайн-исследованиях, целевой объем выборки составил 2350 чел. В соответствии с выбранным подходом к формированию выборки рассчитано число научных организаций, среди сотрудников которых далее проводился отбор респондентов: для всех организаций установлено единое число респондентов (10 чел.), соответственно число организаций в выборке составило 235 ед.

2. Сформирован общий перечень научных организаций государственного и вузовского секторов, включающий 1732 организации.

3. Научные организации распределены по федеральным округам в соответствии с кодами ОКАТО (Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления), ранжированы по алфавиту и пронумерованы.

4. Для каждого федерального округа рассчитано число организаций, по которым проводился отбор респондентов, по следующей формуле:

$$n_i = (235 \times U_i)/100, \text{ где}$$

n_i – число организаций федерального округа i в выборке,

U_i – удельный вес федерального округа i в генеральной совокупности.

5. По каждому федеральному округу проведен простой случайный отбор научных организаций с использованием таблиц случайных чисел.

6. Осуществлен поиск отобранных организаций в сети Интернет. Отбор респондентов на официальных сайтах организаций осуществлялся

поэтапно: вначале случайным образом отбиралось 3-4 подразделения (факультета, кафедры, центра, лаборатории) (из общего списка отбиралось каждое 4-ое), затем таким же методом осуществлялся отбор респондентов. Контактная информация некоторых ученых, попавших таким образом в выборку, не была опубликована на сайтах. В таких случаях процедура отбора повторялась из числа других сотрудников организации до тех пор, пока не набиралось необходимое число респондентов.

Серьезным барьером для формирования репрезентативной выборки стала доступность (а точнее – недоступность) контактной информации сотрудников научных организаций: во многих случаях на сайтах организаций не публикуются даже адреса их корпоративной электронной почты. В результате было выполнено несколько волн отбора.

После завершения формирования выборки ученым по электронной почте было направлено официальное приглашение к участию в исследовании и ссылка на онлайн-анкету на веб-платформе SurveyMonkey. Опрос проходил с 1 по 21 апреля 2014 г. После его завершения данные были импортированы из системы, закодированы и обработаны с применением статистического пакета SPSS. Анализ полученных данных осуществлялся посредством одномерного и двумерного анализа.

Анализ одномерных распределений позволяет нам описать основные характеристики самих респондентов, установить активность их участия в грантовых конкурсах, выявить степень охвата этими конкурсами научного сообщества, наличие в его структуре ученых, которые находятся вне системы исследовательских грантов и грантовые заявки не подают, определить социально-демографические признаки грантозаявителей и грантополучателей. Использование этого метода также дает возможность дать содержательную характеристику мнений респондентов об указанных выше вопросах и проблемах, определить наиболее типичные представления и суждения, установить мотивы участия в грантовых конкурсах, охарактеризовать оценку респондентами работы государственных научных фондов в России. Считаем,

что анализ одномерных частотных распределений имеет значительный объяснительный потенциал в рамках данного исследования, который был далее расширен благодаря анализу двумерных распределений полученных данных.

Двумерный анализ предоставляет нам возможность выявить зависимость (детерминированность) мнений респондентов от их социально-демографических характеристик, которые в некоторой мере отражают их социальный опыт, квалификацию, культурный, социальный и научный капитал. Благодаря использованию этого метода мы можем оценить факторы, оказывающие влияние на формирование мнений и представлений респондентов, а также определить, являются ли для ученых такие характеристики, как регион проживания, место работы, возраст и наличие научной степени стимулом для участия в грантовых конкурсах и залогом его успешности. Кроме того, использование вопросов первого блока, посвященных изучению опыта участия в грантовых конкурсах, позволяет провести распределение респондентов на тех, кто успешно участвует в конкурсах, и тех, кому, напротив, не удастся выиграть гранты. Используя этот критерий в качестве одного из факторов при проведении двумерного анализа, мы определили, существуют ли различия установок и мнений не только у социально-демографических групп ученых, но и у «инсайдеров» и «аутсайдеров» грантовой системы.

Основные результаты анализа данных, полученных в ходе опроса ученых, представлены в следующем параграфе.

3.2 Анализ результатов

В ходе рассылки приглашений к участию в исследовании электронные письма были направлены 2350 ученым из 235 научных организаций всех восьми федеральных округов РФ. Число полученных ответов – 561 ед., процент отклика (*return rate*), таким образом, составил 23.9%. В целом этот показатель в онлайн-опросах редко превышает 40%, обычно же колеблется в пределах от 20 до 30% [Nulty, 2008]. После первичного контроля 71 анкета была удалена: в

основном это анкеты, не заполненные до конца или заполненные с логическими ошибками. В результате анализ данных был проведен по 490 анкетам.

Из 490 респондентов 58.6% - мужчины и 41.4% - женщины. В опросе приняли участие ученые всех возрастных групп (Рисунок 3.1). Более 85% из них обладают высшей научной квалификацией – научными степенями кандидата и доктора наук (Рисунок 3.2). Лишь 14.7% на данный момент не имеют научной степени, из них треть – молодые ученые в возрасте до 29 лет. Такой значительный удельный вес кандидатов и докторов наук в выборке связан в первую очередь с доступностью информации и контактных данных: на официальных сайтах научных организаций, как правило, опубликованы электронные адреса лишь ведущих сотрудников, руководителей факультетов, кафедр, центров, лабораторий и других подразделений. Сведения о лаборантах, стажерах, младших научных сотрудниках часто отсутствуют.

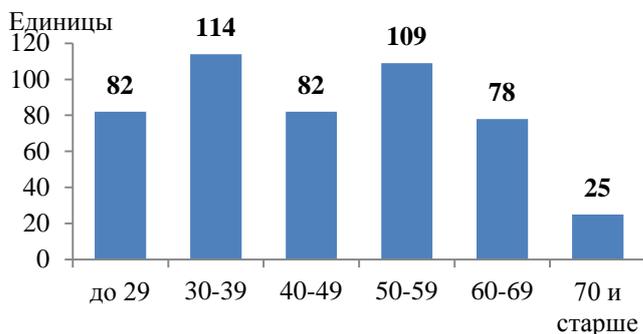

Рисунок 3.1 – Распределение респондентов по возрастным группам

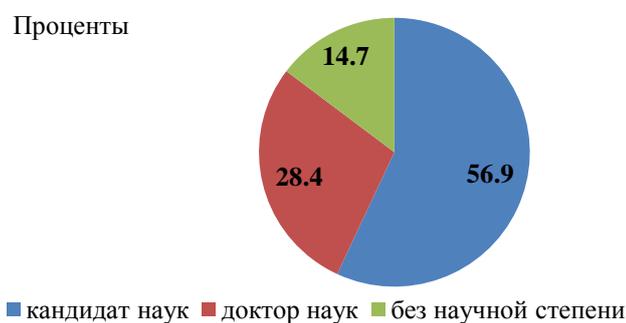

Рисунок 3.2 – Распределение респондентов по уровню квалификации

Источник: расчеты автора на основе данных опроса.

На Рисунке 3.3 представлено распределение респондентов по областям науки. Почти половина из них – математики, физики, химики, представители других естественнонаучных дисциплин. В этом отношении структура выборки повторяет структуру российского научного сообщества. Доля ученых, работающих в технических областях науки, составила всего 12.2%, хотя в целом по всему научно-техническому комплексу этот показатель составляет

более 60%. Данное расхождение обусловлено критериями отбора респондентов: в выборку были включены ученые, занятые в государственном и вузовском секторах науки, в то время как бóльшая часть исследователей в технических областях работают в организациях предпринимательского сектора. В общественных и гуманитарных науках суммарно заняты 40% респондентов. Самая малочисленная группа в выборке (9 чел.) – представители научных отраслей, объединенных в категорию «другое» (медицинские, сельскохозяйственные науки), хотя в рассылку приглашений к участию в опросе было включено значительное число научно-медицинских организаций и институтов бывшей РАСХН.

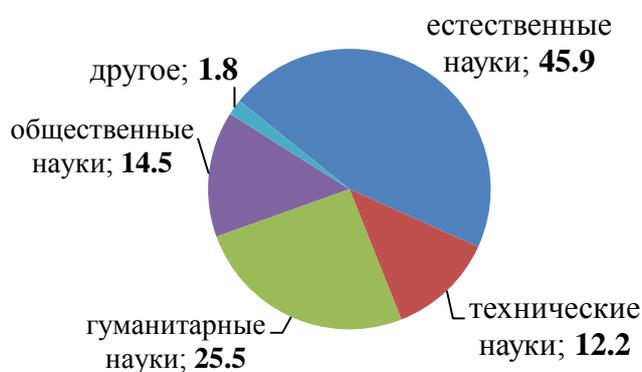

Рисунок 3.3 – Распределение респондентов по областям науки

Источник: расчеты автора на основе данных опроса.

Распределение респондентов по типам организаций вполне ожидаемо (Рисунок 3.4): более половины (53%) работают в организациях РАН, почти столько же (50%) – в высших учебных заведениях. Доля бывших РАМН и РАСХН суммарно составляет 3%. Около 6% респондентов работают в государственных организациях, не входящих в состав РАН, РАМН, РАСХН и не относящихся к сектору высшего образования. В основном это организации, находящиеся в ведомстве министерств и различных федеральных служб. Значительное число респондентов (139 чел.) работают одновременно в нескольких организациях – наиболее распространенной моделью является совместительство работы в институтах РАН и вузах.

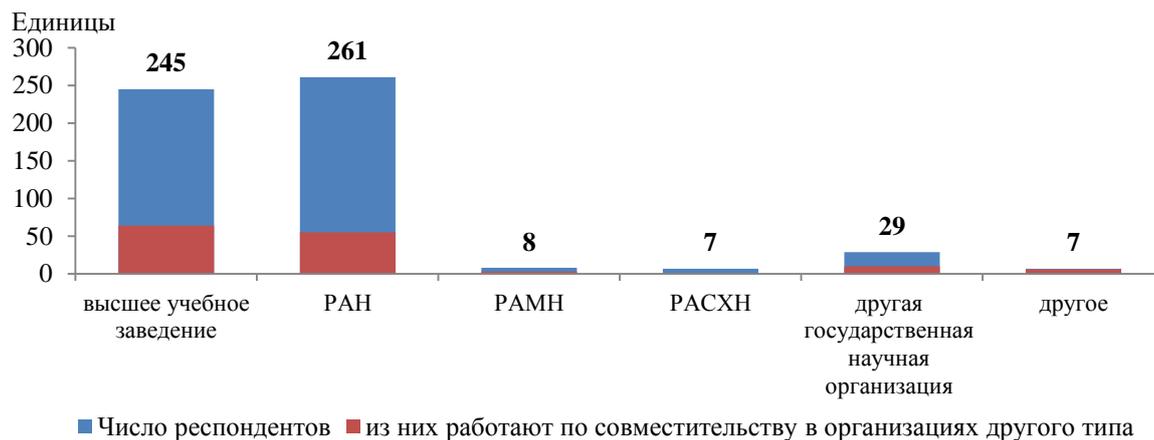

Рисунок 3.4 – Распределение респондентов по типам научных организаций*

*Сумма больше 490, так как возможен выбор нескольких вариантов ответа.

Источник: расчеты автора на основе данных опроса.

В опросе приняли участие ученые из всех восьми федеральных округов РФ (Рисунок 3.5). Количество ответов, полученных от каждого округа, в целом коррелирует с числом электронных писем, направленных в его научные организации. Более трети всей выборки – ученые, проживающие в Центральном федеральном округе, причем почти 80% из них – из Москвы. Примерно одинаковое число анкет получено от исследователей Сибирского и Северо-Западного округов. Здесь также высока роль крупных городов: в первом случае 60% респондентов проживают и работают в городах Новосибирске (34 чел.) и Томске (20 чел.), во втором – более 75% (68 чел.) – ученые из Санкт-Петербурга. Сравнивая полученное распределение с региональной структурой российской науки в целом [см.: Индикаторы науки, 2013], следует отметить, что позиция столицы в выборке оказалась значительно слабее, за счет этого увеличился удельный вес регионов. Кроме того, поменялись местами Приволжский и Сибирский округа. В основном это связано с большей доступностью контактных данных ученых Сибирского федерального округа, благодаря чему удалось разослать приглашения большему числу респондентов. В Приволжском округе, напротив, мы столкнулись с закрытостью данных, в том числе во многих крупных вузах. Способ формирования выборки, изучение

ее состава позволяет считать выборку репрезентативной, отражающей все основные структурные характеристики науки в России.

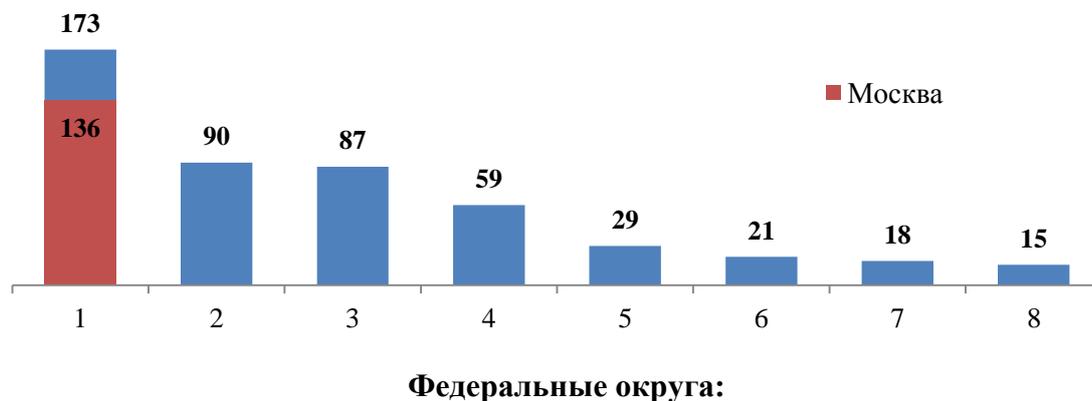

Рисунок 3.5 – Число респондентов из федеральных округов РФ*

*Сумма больше 490, так как два респондента отметили несколько вариантов ответа.
 Источник: расчеты автора на основе данных опроса.

Опыт участия в конкурсах исследовательских грантов

Респонденты имеют значительный опыт участия в конкурсах исследовательских грантов: 83% из них принимали участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет, из них около трети – исключительно в роли исполнителя проекта, почти 8% – только в роли руководителя, и 60% (половина всей выборки) – выступали в грантовых конкурсах и в качестве руководителей проекта, и в качестве исполнителей. Доля тех, кто ни разу не подавал грантовые заявки и не участвовал в выполнении проекта по гранту, составила 17%. Высокий удельный вес грантозаявителей и грантополучателей в числе респондентов обусловлен, на наш взгляд, большей актуальностью для них темы исследования и, как следствие, более высоким интересом к нему: ученые, которые в последние годы подавали грантовые заявки или получали гранты, с большей готовностью приняли приглашение к участию в опросе, в то время как многие из тех, кто такого опыта не имеет, его проигнорировали.

Практики участия в конкурсах исследовательских грантов практически не связаны с демографическими характеристиками респондентов. В гендерных

группах доля ученых, подававших грантовые заявки или участвовавших в выполнении проектов по грантам, различается, но незначительно (84.7% для мужчин и 79.7% для женщин). В разрезе по возрастным группам показатель варьируется от 85% (30-39 и 60-69 лет) до 78% (50-59 лет). Более существенное влияние на грантовую активность оказывает область науки, в которой работают ученые. Максимальное значение доля тех, кто принимал участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет, принимает в естественных науках (88%), минимальное – в технических (68%). Для гуманитариев и обществоведов участие в грантовых конкурсах сегодня также стало привычной практикой (82% и 83% соответственно).

Важнейшими факторами, оказывающими влияние на грантовую активность ученых, являются их научная квалификация, сектор науки, в котором они работают, и регион их проживания. В первом случае результаты опроса показали ожидаемые результаты: практически все доктора наук (87%) за последние пять лет принимали участие в грантовых конкурсах, причем абсолютное большинство из них имеют опыт руководства исследовательскими проектами по грантам. Незначительно уступают им исследователи, обладающие степенью кандидата наук (83%), но среди них уже выше процент тех, кто участвовал в грантовых конкурсах исключительно в роли исполнителя, – в качестве руководителей проектов выступали немногим более половины кандидатов наук, заполнивших анкеты. Среди ученых без научной степени почти треть ни разу не принимали участие в грантовых конкурсах в последние годы. Ученые без научной степени в основном выступают исполнителями проектов.

Более неожиданные для нас результаты показал анализ грантовой активности ученых, занятых в различных секторах науки. Свыше 90% академиков РАН указали, что принимали участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет. Среди ученых, работающих в российских вузах, таким опытом обладают немногим более 70%. На наш взгляд, эта ситуация связана с пока еще сохраняющейся специализацией академий и высших

учебных заведений в России: ключевой функцией многих вузов остается обучение студентов, их позиция в научном поле менее сильна, хотя в последние годы, в том числе благодаря государственным мерам по стимулированию интеграции науки и образования, сектор высшего образования достиг в этом отношении значительных успехов. Ввиду сохраняющейся специализации и из-за высокой преподавательской нагрузки многие исследователи, работающие в российских вузах, в грантовых конкурсах не участвуют.

По-разному вовлечены в конкурсы исследовательских грантов и ученые различных регионов страны. Наиболее активную позицию занимают исследователи Сибирского федерального округа: более 90% из них принимали участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет, при этом более половины имеют опыт руководства проектами. Из 34 исследователей Новосибирска, заполнивших анкеты, 33 участвовали в конкурсах. Довольно высокие показатели имеют Москва и Санкт-Петербург (87%), Приволжский (85%) и Дальневосточный (83%) федеральные округа. В целом результаты опроса показывают, что наиболее активными участниками грантовых конкурсов являются регионы, которые традиционно считаются отечественными центрами науки. В Северо-Кавказском, Уральском и Южном федеральных округах грантовая активность ученых значительно ниже: доля принимавших участие в конкурсах исследовательских грантов составила здесь 60%, 67% и 76% соответственно. В Уральском округе это может быть связано с возрастными характеристиками респондентов: их средний возраст оказался здесь ниже, чем в среднем по выборке.

Из 490 респондентов опыт участия в грантовых конкурсах имеют 405 респондентов. Анализ ответов на основной массив вопросов проведен по их анкетам.

Опрос показал, что доминирующим «вектором», направлением грантовой активности российских ученых является участие в конкурсах российских государственных фондов. Около 70% респондентов за последние пять лет не принимали участие в конкурсах ни российских негосударственных фондов, ни

зарубежных организаций. Из числа респондентов можно выделить группу наиболее активных грантозаявителей, которые подавали грантовые заявки в рамках конкурсов научных фондов всех трех типов. Состав этой группы весьма малочислен: 44 исследователя, из которых 29 работают в РАН, 17 – в вузах, 3 – в институтах бывшей РАСХН¹⁸.

При выборе фонда для участия в грантовых конкурсах бóльшая часть респондентов следует стратегии, которую можно охарактеризовать как «пассивное принятие решения»: почти половина из них предпочитают подавать заявки в наиболее известные в стране научные фонды, более четверти – в научные фонды, в конкурсах которых они принимали участие ранее¹⁹. Опыт коллег и советы руководства (в том числе научного руководителя) принимают во внимание около 20% респондентов. Значительное внимание при выборе фонда уделяется размеру грантов – этот фактор отметили 30% респондентов. Уровень конкуренции в конкурсах оценивают лишь 13% респондентов. На наш взгляд, подобное пренебрежение показателем, который позволяет оценить (хотя лишь косвенно и не вполне надежно) потенциальный успех и обоснованность инвестиций (в первую очередь временных) в написание заявки, подтверждает, что реальный выбор фонда осуществляется учеными внутри заранее заданных рамок: из числа наиболее известных или привычных организаций. Об этом свидетельствуют и отдельные ответы, предложенные несколькими респондентами: *«больше некуда (до 2013 года)»* (анкета № 442), *«серьезных фондов слишком мало, чтобы можно было выбирать»* (анкета № 485) и др. Ограниченность российского грантового ландшафта в представлениях ученых, отчасти обоснованная, все же противоречит доступности иных источников грантовых средств, кроме государственных научных фондов, существующих в России и описанных в предыдущей главе. От всех упомянутых выше факторов

¹⁸ Сумма больше 44, так как возможен выбор нескольких вариантов ответа.

¹⁹ При ответе на вопрос возможен выбор нескольких вариантов ответа.

существенно отстает по значимости наличие личных знакомств: данных фактор отметили лишь 8 респондентов.

Опыт исследователей, принявших участие в опросе, существенно варьируется по степени успешности (Рисунок 3.6). Опыт большей части респондентов (71%) можно назвать умеренно успешным: они получают гранты, но встречаются и с неудачами. Исключительно позитивный опыт, связанный с успехом любой поданной на конкурс заявки, – большая редкость (12%). 17% респондентов – ученые, имеющие исключительно негативный опыт участия в грантовых конкурсах: они ни разу не получили грант, хотя и подавали заявки на конкурс. Следует отметить, что вопрос сформулирован таким образом, что в последнюю группу попадают ученые, которые за последние пять лет лишь единожды участвовали в конкурсе исследовательских грантов, и их проект не был поддержан.

Рисунок 3.6 – Опыт и успешность участия респондентов в конкурсах исследовательских грантов, реализуемых различными научными фондами
 Источник: расчеты автора на основании данных опроса.

Среди женщин больше ученых, имеющих негативный опыт участия в грантовых конкурсах, – почти треть. Для мужчин этот показатель в два раза меньше – 86% мужчин за последние пять лет сумели получить гранты на проведение научных исследований. Уровень научной квалификации, безусловно, также влияет на успешность участия в грантовых конкурсах: доля

тех, кто имеет исключительно негативный опыт, для докторов наук составляет 13%, для кандидатов наук – 20%, для не имеющих научной степени – более 30%. Существенным оказалось различие в степени успешности участия для представителей различных областей наук: наибольший удельный вес тех, кто не сумел получить грант, несмотря на подачу заявок, для гуманитариев достигла почти 30%, в то время как для представителей других наук этот показатель колеблется в пределах от 10% (технические науки) до 19% (общественные науки). В целом очевидно, что «целевая аудитория» РГНФ (доминирование государственных научных фондов в грантовом ландшафте страны было продемонстрировано выше) имеет больше неудачного опыта взаимодействия с фондами, чем ученые, в силу специфики своей исследовательской деятельности участвующие в конкурсах РФФИ.

Респонденты, работающие в институтах РАН, более успешны в грантовых конкурсах, чем их коллеги из вузовского сектора: из числа принимавших участие в конкурсах грантов академиков РАН лишь 13% не смогли получить грант за последние пять лет, из числа сотрудников вузов – почти четверть.

Анализ данных демонстрирует и значительное различие в успешности участия в грантовых конкурсах ученых различных округов и субъектов РФ (Рисунок 3.7). Москва является несомненным лидером по удельному весу ученых, имеющих исключительно позитивный или умеренно позитивный опыт участия в конкурсах грантов. В ряде регионов (Приволжский, Северо-Кавказский, Южный федеральные округа) успешность ученых значительно ниже.

Мотивы участия в конкурсах исследовательских грантов

Анализ ответов респондентов на вопрос о ключевых мотивах их участия в конкурсах исследовательских грантов позволил определить в том числе функции, которые выполняет грантовая система для функционирования и развития научного поля и деятельности включенных в него социальных

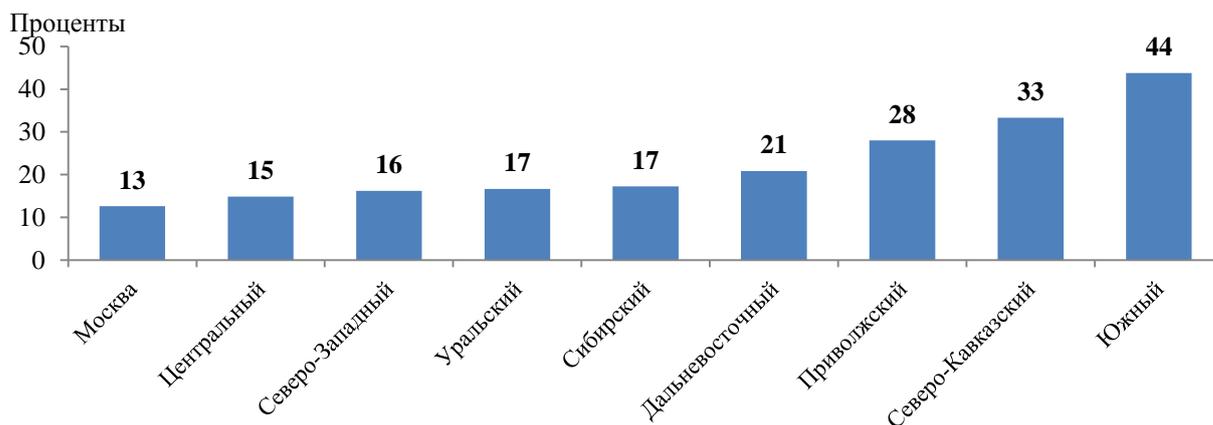

Рисунок 3.7 – Доля ученых, ни разу не получавших исследовательский грант, в числе ученых региона РФ, принимавших участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет

Источник: расчеты автора на основании данных опроса.

агентов. Он показал, что в настоящее время финансово-распределительная функция гранта для российского научного сообщества является доминирующей: более 65% респондентов указали, что принимают участие в конкурсах грантов, так как для них это дополнительный источник дохода (Рисунок 3.8). Данный вопрос в анкете является полузакрытым – респонденты имели возможность дополнить предложенный перечень, включив в него мотивы, которые были определяющими для них лично. В результате, описывая причины участия в грантовых конкурсах, некоторые респонденты отметили, что для них гранты являются не дополнительным, но основным источником дохода: «На з.п. преподавателя невозможно прожить. Вариант – чтобы не умереть с голоду» (анкета № 58), «Это скорее основной источник дохода» (анкета № 462), «Хотя бы раз получить деньги за научную работу» (анкета № 312) и др.

Стоит обратить внимание на мотивы участия в грантовых конкурсах, занимающие наиболее высокие позиции в рейтинге. Прежде всего, они имеют отношение к материальной поддержке научной деятельности. Кроме того, участвуя в грантовых конкурсах, ученые стремятся обеспечить финансирование тех видов деятельности, которые считаются интегральными, неотъемлемыми элементами науки *per se*: участия в научных конференциях, семинарах, других

Рисунок 3.8 – Рейтинг мотивов участия в конкурсах исследовательских грантов: удельный вес респондентов, отметивших соответствующий мотив, в общем числе респондентов, принимавших участие в конкурсах исследовательских грантов в течение последних пяти лет*

*Сумма больше 100, так как возможен выбор нескольких (не более пяти) вариантов ответа.
 Источник: расчеты автора на основании данных опроса.

академических мероприятиях, которые служат ключевым каналом для обмена идеями и знаниями в науке; подготовки и публикации научных работ. Многие респонденты, представляющие естественнонаучные дисциплины, отметили, что принимают участие в грантовых конкурсах, чтобы получить денежные средства на покупку реактивов, расходных материалов, в некоторых случаях требуемых для выполнения бюджетных проектов. Для гуманитарных и общественных наук актуальным является финансирование экспедиций, полевых исследований,

оплата услуг сторонних организаций по проведению социологических исследований, оплата командировок для работы в научных библиотеках и архивах. Анализ распределения ответов респондентов и их комментариев к данному вопросу показывает, что большинство исследователей вынуждены регулярно подавать грантовые заявки, чтобы обеспечить базовые условия для своей профессиональной деятельности и жизни. Гранты, таким образом, выполняют функции, которые традиционно возлагаются на систему базового финансирования, и заполняют «пробелы», которые систематически остаются после распределения прямого (неконкурсного) финансирования научных исследований. В связи с этим считаем, что постулат «Получай гранты или исчезни!» (*'grant or perish!'*) в полной мере описывает современную ситуацию в российском научном поле. При этом источники влияния данной парадигмы в России носят сугубо материальный, экономический характер, в то время как за рубежом ее воздействие на науку связано, в том числе, со стремлением социальных агентов к получению признания и поощрения своих научных достижений.

Несмотря на очевидное доминирование экономической составляющей гранта как основного мотива грантовой активности российских ученых, треть респондентов отметили, что их участие в конкурсах научных фондов мотивировано стремлением получить подтверждение значимости своей работы и высокой квалификации. Это демонстрирует и символическую ценность исследовательских грантов как трансляторов признания в научном поле. При этом стоит отметить, данная функция грантов является вторичной: лишь трое из 405 респондентов указали, что руководствовались исключительно стремлением получить подтверждение высокого качества выполняемой работы.

Внизу рейтинга находятся мотивы, реже оказывающие влияние на грантовую активность ученых. Лишь 3% респондентов отметили, что участие в конкурсах научных фондов не отнимает у них много времени, причем большая часть из них – молодые ученые в возрасте до 29 лет. Доступный перечень причин участия в грантовых конкурсах был дополнен в 45 анкетах.

Значительная доля комментариев респондентов относится к «восполнению пробелов» базового финансирования, только десять ученых указали, что благодаря грантам они проводят исследования, не поддерживаемые из средств базового финансирования, но представляющие непосредственный интерес для них лично: «Проведение исследования в соответствии с моими собственными научными интересами, не всегда совпадающими с плановыми заданиями» (анкета № 377), «Я подаю на гранты, чтобы провести исследование, которое мне интересно. Это главный стимул, а не начальство или дополнительный доход» (анкета № 199).

Оценка деятельности государственных научных фондов

Опрос показал, что российские ученые чаще всего подают грантовые заявки в крупнейшие государственных научные фонды: 68% респондентов принимали участие в конкурсах РФФИ за последние пять лет. В РГНФ подавало заявки почти вдвое меньше респондентов, хотя доля гуманитариев и обществоведов в выборке лишь незначительно уступает соответствующему показателю представителей естественных и технических наук. Анализ полученных данных демонстрирует, что появление РНФ вызвало в российском научном сообществе значительный ажиотаж и привлекло внимание многих представителей различных научных отраслей. Всего в этом, первом году функционирования РНФ почти 40% респондентов подали заявки на участие в его конкурсах, причем это в основном ученые, имеющие опыт подготовки и подачи грантовых заявок в РФФИ и РГНФ: только для шести респондентов из 156 конкурсы РНФ оказались первыми за последние пять лет, четверо из них участвуют в заявленных проектах в качестве исполнителей.

Результаты опроса показали, что у ученых, выступавших в грантовых проектах только в роли исполнителей, оценка деятельности научных фондов вызывает существенные затруднения: многие из них не смогли дать однозначный ответ и указали вариант «затрудняюсь ответить» для большей части оценочных критериев. В результате для получения более релевантных и

однозначных оценок анализ этой части опросника был осуществлен по ответам только тех респондентов, которые имеют опыт руководства проектами и подавали заявки в государственные научные фонды в течение последних пяти лет. Оценка деятельности РФФИ проведена по 206 ответам, РГНФ – по 93, РНФ – по анкетам 126 респондентов. В случае с РНФ мы провели оценку удовлетворенности ученых деятельностью Фонда только по нескольким первым критериям, характеризующим доступность информации о конкурсах, процедуру подачи заявки, возможность получения от фонда обратной связи. Остальные критерии игнорировались ввиду того, что результаты первого конкурса РНФ не подведены и у научного сообщества еще не сформировалось четкое представление обо всех аспектах деятельности Фонда.

1. РФФИ.

По первым четырем критериям деятельность РФФИ респонденты оценили в целом положительно. Доступностью информации о конкурсах Фонда, открытостью конкурсов для всех категорий ученых, а также процедурой подачи заявок удовлетворены около 90% респондентов, причем их мнение оказалось не только практически единогласным, но и однозначным: процент тех, кто затруднился ответить на вопросы, не превышал для этих критериев 10%. По двум другим «формальным» критериям – порядку подготовки и сдачи отчетов по грантам – деятельность РФФИ также была оценена учеными довольно высоко: средний балл составил 0.8 п. Тем не менее при оценке процедуры подачи заявки некоторые респонденты указали на сложности, с которыми неизбежно сталкиваются ученые, проживающие в отдаленных от Москвы регионах: «Подача заявки достаточно проста для живущих в Москве. Я бы никогда не стал подавать заявки, если бы не помощь московской коллеги. Как подают заявки из Владивостока или Магадана, вообще выше моего понимания» (анкета № 260). Это связано, скорее всего, с необходимостью предоставления оригиналов отчетных документов в печатной форме, несмотря

на то что документооборот в РФФИ в основном переведен в электронную форму и осуществляется онлайн-системой.

По другим критериям деятельность РФФИ была оценена учеными менее положительно и однозначно. Средний балл для критерия «Возможность получения обратной связи от Фонда на всех этапах конкурса» составил 0.5 п. – почти половина респондентов отметили, что они не удовлетворены данным аспектом деятельности РФФИ. Еще более критической оказалась позиция респондентов по отношению к доступности информации о других участниках грантовых конкурсов: средний балл составил лишь 0.3 п., лишь 22% ученых указали, что нынешнее состояние их устраивает. Такие результаты показались нам весьма любопытными, учитывая, что РФФИ в последние годы разработал и поддерживает базу данных, в которой содержатся сведения обо всех проектах, представленных на конкурсы, с указанием имен их руководителей и результатов конкурсного отбора, статуса проектов. При этом, должны признать, база имеет довольно ограниченные технические возможности: она не позволяет узнать обо всех поддержанных проектах определенного ученого, не содержит сведения об аффилиации руководителей проектов.

Схожее распределение ответов наблюдается и в отношении удовлетворенности ученых возможностью ознакомления с рецензиями на представленные на конкурс проекты. Сегодня в электронной системе РФФИ публикуются рецензии на заявки, с которыми может ознакомиться каждый руководитель проекта, тем не менее 40% респондентов, оценивая деятельность РФФИ по этому критерию, отметили свою неудовлетворенность. Скорее всего, такое негативное отношение связано с качеством рецензий: их содержание не предоставляет полного объяснения принятых решений о поддержке проектов. Один из респондентов отметил: «При отказе в поддержке Проекта (РФФИ) получал неграмотные рецензии. Причем часто 2 положительные + одна неоднозначная, итог – не поддержать! Один эксперт указывает на сильные стороны проекта, другой именно это считает слабым местом» (анкета № 218). Еще один ученый указал следующее: «В рецензии на сайте РФФИ написано,

что рецензент не рекомендует поддерживать мой проект из-за того, что его руководитель – «графоман». Я подавала заявку на третьем году аспирантуры, кандидатской степени еще не было, но публикаций в хороших журналах – достаточно. Оказывается, это и есть признак графомании». Критерии оценки заявок, которые использует РФФИ, устраивают почти треть респондентов, хотя столько же оценили их негативно. В данном случае значителен удельный вес ученых, которые не смогли однозначно ответить на данный вопрос анкеты.

Одним из наиболее интересных для анализа критериев оценки деятельности РФФИ является мнение ученых об объективности работы экспертов и порядке присуждения грантов. Ввиду непрекращающихся дискуссий о теневых механизмах распределения грантов в государственных научных фондах мы ожидали, что степень недоверия к работе экспертов со стороны научного сообщества будет достаточно высока. Результаты опроса показали, что мнения ученых на этот счет существенно различаются: респонденты разделились на три равные по численности категории – ученых, которые недовольны объективностью работы экспертов; полностью ею удовлетворены и затрудняются однозначно ответить на данный вопрос. Доля ученых, неудовлетворенных объективностью экспертов, выше в тех группах, которые в течение последних лет имели опыт неудачного участия в грантовых конкурсах (получали грант, но не каждый раз или не получали гранты вовсе, хотя и подавали заявки). Величина этого показателя составила для этих групп 36% и 35% соответственно. Для респондентов, имеющих исключительно положительный (удачный) опыт участия в конкурсах, величина данного показателя составила 21%. Этот критерий – единственный, для которого различие между указанными категориями ученых оказалось столь существенно. При этом треть научного сообщества – это, безусловно, очень высокий показатель, и РФФИ должен предпринять некоторые меры для поддержания доверия участников конкурсов к процедуре рецензирования, которая является ключевым элементом его деятельности. Удовлетворенность порядком распределения грантов в РФФИ несколько выше – более 45%.

Респонденты также указывали другие причины неудовлетворенности работой РФФИ: позднее финансирование, ограниченность и сложность процедур закупки различных материалов и инструментов: «Как правило, запоздалое поступление средств из фонда резко осложняет работу и ухудшает ее качество. Необоснованно осложненная процедура приобретения инструментов, материалов и т.п. Конкурсы, тендеры, предоплата заменили в целом удобный способ приобретения за наличные с последующим расчетом по чекам» (анкета № 409).

2. РГНФ.

Деятельность РГНФ по большей части формальных критериев была оценена также достаточно высоко. Большинство респондентов указали, что их устраивают доступность информации о конкурсах в открытых источниках (средний балл – 0.9 п.), открытость конкурсов для всех категорий ученых, вне зависимости от их места проживания, работы, опыта и уровня квалификации (0.8 п.). Требования к заявкам также являются понятными и доступными для большей части участников грантовых конкурсов. Тем не менее процедура подачи заявок не устраивает треть респондентов, при этом большинство из них – ученые, работающие за пределами Центрального федерального округа.

Оценки Фонда по другим критериям оказались значительно ниже. Так, возможность получения обратной связи от РГНФ не удовлетворяет 40% респондентов, доступность информации о других участниках конкурсов не устраивает почти половину респондентов. Негативно оценивают возможность получения доступа и ознакомления с рецензией более 70% респондентов, имеющих опыт участия в конкурсах РГНФ. Еще 14% не имеют однозначного мнения по этому вопросу. Таким образом, по данному критерию РГНФ получил позитивную оценку лишь 14% респондентов. Средний балл по этому критерию для РГНФ – 0.2 п.

Оценка всех этапов и аспектов процесса принятия решений о распределении грантов вызвала у респондентов существенные затруднения:

более 30% респондентов не смогли однозначно охарактеризовать свою позицию относительно критериев оценки заявок, объективности работы экспертов, порядка распределения грантов. Недовольны критериями оценки заявок немногим более 40% респондентов; около трети указали, что их не устраивает объективность работы экспертов и порядок распределения грантов. Интересно, что позиция по данным вопросам никак не связана с опытом респондентов и успешностью их участия в грантовых конкурсах РГНФ: в числе тех, кто дал негативную оценку по этим критериям, большинство – получали гранты Фонда за последние пять лет, некоторые – получали их каждый раз, когда подавали заявку. И наоборот, лишь треть респондентов, которые имели исключительно негативный опыт участия в конкурсах РГНФ, указали, что их не устраивает работа Фонда по указанным аспектам. Анализ данных также не обнаруживает зависимости оценки учеными работы Фонда ни от их возрастных или гендерных характеристик, ни от места работы или проживания.

Порядок подготовки и сдачи отчета оценивается учеными относительно невысоко: почти треть респондентов указали, что их не устраивает действующая процедура. Основная причина таких оценок связана с подготовкой не содержательной, а финансовой части отчета: «Главная проблема с грантами - сложность и искусственность финансового отчета, причем правила год от года ужесточаются. Если мне надо на полмесяца поехать в [...] поработать в библиотеке, то проще всего получить зарплату и в любое удобное время съездить как частное лицо. Оформлять такую командировку по гранту - мука крестная» (анкета №260).

В целом, деятельность РГНФ респонденты оценили критичнее, чем РФФИ. По большинству критериев средний балл не превышает 0.5 п. – по этим аспектам Фонд поддерживают менее половины респондентов. Особое внимание следует обратить на такие критерии, как возможность ознакомления с рецензией и открытость информации обо всех участниках конкурсов. Учитывая, что в соответствующих вопросах анкеты более половины респондентов указали, что научные фонды должны обеспечивать участникам

конкурсов доступ к такой информации, наблюдаемая ситуация в РГНФ идет вразрез с интересами и потребностями научного сообщества.

3. РНФ.

По четырем первым критериям, которые учитывались при оценке деятельности РНФ, Фонд получил довольно высокие оценки (средний балл – 0.8-0.9 пп.), причем процент ученых, которые затруднились ответить, не превышает 14%. Это позволяет утверждать, что организационная составляющая конкурсов поддерживается на высоком уровне, что было высоко оценено научным сообществом. При этом в анкетах все же было указано несколько замечаний к деятельности РНФ и организации его конкурсов: «В РНФ очень много лишнего в форме, которая отображает сам проект» (анкета № 428), «Очень плохо проработаны условия подачи грантов РНФ: нет ни одного определения, что такое группа и что такое лаборатория» (анкета № 383) и др. Некоторые ученые отмечали «оторванность» РНФ от реалий российской науки, несоответствие грантовой политики Фонда потребностям современной науки: «По поводу РНФ судить рано, но ясно, что число грантов очень мало. Необходимо прежде было провести рейтинговую оценку научных коллективов и оценить необходимое число грантов, а затем проводить этот конкурс. Возможно размер грантов был бы меньшим, но большее число хорошо работающих групп могло бы быть профинансировано» (анкета № 484).

Факторы успеха: мнение ученых

Респондентам было предложено оценить значение различных факторов для получения исследовательского гранта по трехбалльной шкале, где 1 – «фактор не значим», 2 – «фактор значим», 3 – «самый значимый фактор». Ответы респондентов на вопросы этого блока позволяют не только охарактеризовать представление ученых о том, что важно для получения гранта, но и определить основные стратегии, которыми пользуются ученые при участии в грантовых конкурсах (Таблица 3.1).

Таблица 3.1 – Оценка значимости различных факторов для получения исследовательского гранта

Средний балл	Фактор успеха
2.36	Актуальность исследования, целей и задач
2.21	Правильное оформление документов и заявки
2.18	Достигнутые результаты руководителя проекта (число публикаций, индекс цитирования и др.)
2.17	Известность руководителя в научном сообществе
2.15	Выбор темы исследования в соответствии со спецификой и интересами организации-грантодателя
1.94	Обоснованный подход к выбору типа конкурса
1.93	Опыт успешного участия в грантовых конкурсах фонда, в который подается заявка
1.92	Личные знакомства
1.83	Работа в престижной организации (университете, институте, центре)
1.80	Занятие высоких должностей в науке
1.66	Опыт успешного участия в грантовых конкурсах других фондов
1.62	Место (регион) проживания

Источник: расчеты автора на основании данных опроса.

Наиболее значимыми, с точки зрения респондентов, являются актуальность исследования и правильное оформление всех необходимых документов. Интересно, что в программных документах всех без исключения научных фондов, которые были изучены в предыдущей главе, указано, что в ходе рецензирования оценивается не заявка (как документ), но исследовательский проект – ключевым фактором для принятия решения о поддержке заявленного проекта являются не формальные критерии (от «форма»), но содержательные. При этом 56% респондентов отметили, что именно правильное оформление всех формальных документов, в том числе заявки, является залогом успеха в грантовых конкурсах, более трети ученых, принявших участие в исследовании, считают это самым значимым фактором. Об этом свидетельствуют и рекомендации респондентов по получению гранта: «Правильный выбор темы заявки, четкость изложения заявки, аккуратность и грамотность оформления текста» (анкета № 428), «Заявка должна быть понятной эксперту» (анкета № 366), «Хорошо написанная заявка» (анкета №317) и др.

К другим значимым факторам респонденты отнесли достигнутые научные результаты руководителя проекта, его известность в научном сообществе («Распределение грантов под имя, а не по теме» (анкета № 409)), выбор темы исследования в соответствии со спецификой научного фонда. Значительно менее высокие оценки получили факторы, которые традиционно ассоциируются с теневыми механизмами распределения грантов: наличие личных знакомств с экспертами фонда, престижность организации, в которой работает грантозаявитель, занятие высоких должностей, регион проживания. Значимость последнего из этих факторов в большей степени признают ученые из регионов страны: среди исследователей Центрального и Северо-Западного федерального округов доля респондентов, указавших, что место проживания ученого оказывает влияние на успешность его участия в грантовых конкурсах, существенно ниже, чем в других округах. Уверенность во влиянии подобных теневых механизмов не коррелирует с грантовым опытом респондентов.

Ученым также было предложено сформулировать практические рекомендации, которые они могли бы дать исследователю, планирующему принять участие в конкурсе грантов. При анализе данных все полученные открытые ответы ученых были категоризированы и маркированы. Наиболее популярными являются рекомендации, относящиеся к оформлению заявки, ее форме и содержанию: «Внимательно читать документацию, следовать требованиям» (анкета № 156), «Пишите кратко и емко. К заявке не должно быть формальных претензий» (анкета № 167) и др. Многие респонденты указывают на необходимость выбора «правильной темы», причем значение здесь имеют не только ее актуальность и новизна, но и соответствие установленным приоритетам, научной моде: «Важность темы исследований для региона» (анкета № 301), «Попасть в модную тему. Увы» (анкета № 146) и др. Лишь отдельные участники исследования отмечали необходимость ориентации на собственные научные планы и интересы: «Подавайте заявку на грант, тема которой Вам интересна» (анкета № 182).

Значительное внимание респонденты уделяют наличию у руководителя и остальных участников проекта публикаций по теме проекта: «Публиковать ежегодно по 20 статей в Nature» (анкета № 383), «Иметь интересные результаты и публиковать их в высокорейтинговых мировых изданиях» (анкета № 108) и др. Не менее важным представляется выполненная работа, имеющийся уже на этапе подачи грантовой заявки научный задел для реализации исследования: «Большая часть работы должна быть сделана!» (анкета № 411), «Заявляемая работа должна быть уже частично выполнена, с публикацией на подходе» (анкета № 146) и др.

Среди рекомендаций часто встречаются комментарии, которые носят скорее характер пожеланий, наставлений: много работать, развиваться, поддерживать свою квалификацию. Многие респонденты также отмечали необходимость следовать рациональному подходу при формировании коллектива для выполнения проектов, включать в него – хотя бы фиктивно – молодых исследователей. Не меньшее число ученых обратили внимание на роль поддержки неизменно высокой грантовой активности, постоянного участия в грантовых конкурсах, что существенно повышает шансы получить грант и позволяет накопить опыт, который может быть использован в будущем: «Первоначально полезно побывать "на побегушках" у старших опытных товарищей, посмотреть кухню изнутри. А затем систематически подавать везде, где возможно, рано или поздно количество перейдет в качество. "Пилите, Шура, пилите"» (анкета № 292), «Нужно не бояться и пробовать. Не отчаиваться, если был отказ, и продолжать участвовать в конкурсах на следующий год, плюс искать другие организации, которые могут заинтересоваться темой» (анкета № 476) и др.

Роль грантов для научной деятельности ученых

Из 405 респондентов, которые принимали участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет, 80% считают, что гранты способствуют повышению эффективности их научной деятельности. Эта, безусловно, высокая

оценка роли и функций грантов должна быть дополнена изучением аргументации. Ее анализ показывает, что значительная доля респондентов уверены в высокой значимости грантов в силу того, что это практически единственный источник финансирования научных исследований, зарплаты ученых, обновления материальной базы. Таким образом, отчасти они не повышают эффективность научной деятельности, но являются ее необходимой основой.

Немногим более 10% респондентов указали, что гранты не оказывают положительного влияния на их научную деятельность. Такая позиция никак не коррелирует с грантовым опытом респондентов, не удалось обнаружить и ее связь с социально-демографическими характеристиками ученых. При этом доля респондентов, отметивших данный вариант ответа, несколько выше среди исследователей, которые не имели опыта руководства проектами в течение последних пяти лет и выступали исключительно в роли исполнителя.

В отношении влияния грантов на достижение российскими учеными новых значимых научных результатов удельный вес респондентов, положительно оценивших роль грантов, составил 63%. При расчете данного показателя учитывались ответы ученых, имеющих опыт участия в грантовых конкурсах, а также ни разу не подававших грантовые заявки. Респонденты указывают различные причины позитивного влияния грантов на развитие науки: для некоторых оно обусловлено материальными ресурсами, которые предоставляют гранты («Гранты позволяют не отвлекаться на пополнение семейного бюджета за счет подработок» (анкета № 346)), для других – стимул для переоценки своих достижений, апробации результатов и их презентации научному сообществу («Любой повод взглянуть на свои исследования с новой стороны полезен, здесь начинаются и креативность научного подхода и новые возможности реализации целей и задач» (анкета № 338)).

Удельный вес респондентов, отрицающих влияние грантовой системы на достижение российскими учеными новых значимых научных результатов, составил 15%. Этот в целом невысокий показатель не отражает в полной мере

сложность суждений ученых об исследовательских грантах. Многие из тех, кто высказал согласие с позитивным влиянием грантов, отметили существование некоторых противоречий и ограничений данного суждения, например: «Это зависит от политики фонда. Не уверен, что мнение экспертов 1) свободно от давления, 2) компетентно. Просматривая научные статьи, иногда удивляюсь, как это фонд выделил деньги на такую тему. Достаточно просто посмотреть на список работ 5-6 летней давности, изданных за счет фонда и задать вопрос - ну, и где теперь эти ученые?» (анкета №23), «Да [*способствуют*], но не сильно. Основу составляет базовый бюджет, который дает фундамент для всех результатов. Грантовая система позволяет на этом фоне поддержать наиболее активные (и удачливые) группы. Если убрать базовый бюджет, то отдельно стоящая грантовая система не жизнеспособна. Поэтому отделение грантов, и замещение ими базового бюджета институтов будет иметь катастрофические последствия для развития науки в стране. Гранты можно сравнить с протуберанцами на солнце, которые хорошо видны и далеко вылетают из его поверхностного слоя. Уберите этот слой (базовый бюджет и базовые институты) - исчезнут и протуберанцы» (анкета № 425) и др.

Анализ комментариев, пояснений и замечаний к вопросам анкеты, оставленных многими респондентами, показывает, что отношение научного сообщества к сложившейся в России системе исследовательских грантов весьма неоднозначно. Многие ученые указывают на наличие проблем и недостатков данной системы, которые оказывают негативное воздействие и препятствуют более эффективному использованию грантовых средств для развития науки. На основании результатов анализа данных опроса, а также благодаря вкладу респондентов, интерес которых к обсуждению грантовой системы оказался значительно выше ожидаемого, разработаны предложения по реформированию деятельности ключевых научных фондов в России и функционированию системы исследовательских грантов в целом.

3.3 Предложения по реформированию системы исследовательских грантов и деятельности крупнейших государственных научных фондов в России

Рекомендации по реформированию системы исследовательских грантов разработаны на основе анализа результатов эмпирического исследования, изучения основных принципов функционирования российских научных фондов и с использованием результатов обзора зарубежного опыта грантового финансирования. Предложенные ниже меры могут быть разделены на две группы. К первой относятся необходимые (желаемые) изменения российской модели грантовой системы в целом, для реализации которых важно участие государства. Вторая связана с реформированием отдельных аспектов деятельности ведущих научных фондов страны – РФФИ, РГНФ, РНФ.

Считаем, что базисом для улучшения функционирования российской грантовой системы, повышения ее эффективности и нивелирования дисфункциональной составляющей является стратегическое планирование ее развития с учетом реальных функций, целей и задач, на достижение и выполнение которых направлена ее деятельность. В настоящий момент очевидным является стремление государства переориентировать науку на более широкое присутствие конкурсных механизмов в первую очередь при распределении финансирования: доля бюджетных средств на исследования и разработки, распределяемых в форме грантов, постоянно увеличивается; в отдельных фондах (например, РФФИ) обсуждаются планы о повышении объемов финансирования исследовательских проектов, в том числе за счет уменьшения числа грантов. При этом, как показал опрос, гранты не являются сегодня «опциональным» источником денежных средств – для многих ученых и научных коллективов это единственная возможность заниматься наукой, закупать необходимые материалы, привлекать к работе молодых исследователей, публиковать статьи, принимать участие в академических мероприятиях. Гранты во многом выполняют функции базового финансирования, хотя и принимают принципиально иную форму. Ввиду этого

сокращение доступа к грантам в условиях сохранения достигнутого уровня базового финансирования или его уменьшения будет иметь, на наш взгляд, исключительно негативные последствия.

Важно также четко осознавать ключевые принципы, на которых основана идеология грантового финансирования: формирование тематики и определение приоритетов и направлений исследования «снизу», свобода творчества ученых. Гранты призваны поддерживать исследования, результат которых пока не определен, экспериментальные проекты, не финансируемые в рамках базового бюджета. При этом в настоящий момент грантовой системой «поддерживаются традиционные авторитетные направления исследований. Нет инструментов развивать прорывные направления. Нет анализа перспектив развития науки, кроме общих слов о новациях, нано-технологиях и т.д.» (анкета № 211). Для преодоления ориентации на «мейнстримовую» науку, свойственную в целом грантовой системе во всем мире, необходимо скорректировать критерии оценки заявок, а также отказаться от практики приоритизации исследовательских направлений и тем «в интересах государства». Сложившаяся традиция определения актуальности исследований в связи с приоритетными направлениями развития науки и техники в России дискредитирует автономию научного поля, которая, как обсуждалось ранее, является необходимым условием его функционирования и развития. Подобные замечания встречаются в анкетах многих исследователей, принявших участие в опросе: «Задачи, которые ставятся "сверху", не позволяют ученому реализовать максимум познавательных возможностей его научной деятельности, так как это возможно только при условии реализации интересов ученого» (анкета № 197), «[Гранты] Могут способствовать достижению новых значимых научных результатов, если фонды научатся "рисковать" и финансировать "интересное, но непонятное". А работа на устоявшихся направлениях должна финансироваться в плановом рутинном порядке» (анкета № 75).

Еще одним важным шагом, на наш взгляд, должно стать создание единого портала или интернет-платформы, аккумулирующей сведения обо всех

доступных на территории России конкурсах исследовательских грантов. Ориентация при выборе источников финансирования в первую очередь на крупнейшие государственные научные фонды может быть обусловлена, в том числе, отсутствием навыков поиска необходимой информации (или времени на его проведение), ложным представлением об ограниченности имеющихся вариантов, *a priori* исключения из данного перечня зарубежных фондов и их представительств. Существование единого ресурса позволит исследователям осуществлять более «прицельный» поиск источников финансирования в соответствии со специализацией и направлением выполняемых исследований, интересами и актуальными потребностями, а также снизит уровень конкуренции благодаря диверсификации фондов, в которые направляются заявки, и их возможной специализации. Некоторые научные организации уже сегодня используют методы, способные восполнить отсутствие подобной онлайн-платформы, - например рассылки с информацией об объявленных грантовых конкурсах («В ИТМО существует рассылка информации о грантах с некоторыми рекомендациями и оценкой успешности исходя из формальных признаков» (анкета № 269)).

В отношении деятельности государственных научных фондов, которые являются сегодня ключевыми игроками в грантовом ландшафте страны, также могут быть предложены некоторые рекомендации. Прежде всего, достаточно высокий процент ученых, принявших участие в исследовании и высказавших неудовлетворенность объективностью работы экспертов и порядком распределения грантов, демонстрирует необходимость реализации мер, способных обеспечить повышение доверия научного сообщества к процессу принятия решения в научных фондах. На наш взгляд, одной из таких мер должно стать расширение экспертного пула и более обоснованный подход к распределению грантовых заявок между рецензентами, что также повысит качество рецензий: «Если будет прозрачной процедура (все вывешивать на сайте, как с диссертациями) и обоснование отказа (рецензирование), справедливости будет больше» (анкета № 151). Результаты опроса показали,

что обеспечение доступа к рецензиям для руководителей проектов является не только желаемым, но критически необходимым шагом в реформировании деятельности научных фондов. Отсутствие этой возможности (или ее наличие, но лишь номинально) формирует у ученых представление о несправедливости, необъективности распределения денежных средств, а также препятствует учету отмеченных экспертами ошибок и недочетов при подготовке грантовых заявок в будущем. Для достижения данной цели важную роль играет открытость информации обо всех проектах, участвующих в конкурсе, и их руководителях. Ввиду этого необходимо не только поддерживать уже функционирующие на сайтах РФФИ и РГНФ базы данных проектов, но и повышать их технический потенциал в соответствии со всем спектром запросов исследователей, участвующих в конкурсах грантов.

Изменения, безусловно, должны коснуться как среднего размера гранта, так и его средней продолжительности. Здесь важно заметить, что при сохранении функций, которые выполняют исследовательские гранты сегодня, увеличение размера грантов за счет сокращения их числа мы считаем недопустимым. В период, когда базовое финансирование не обеспечивает минимальных условий для эффективной научной деятельности, число грантов (которое напрямую коррелирует с их доступностью) играет важную роль для сохранения научного потенциала страны. Это подтверждают и отдельные комментарии респондентов: «Реально работающая российская наука как отрасль чрезвычайно недофинансирована. Система грантов, получаемых на конкурсной основе, как дополнение к основному финансированию, позволяет научным группам вести исследовательскую деятельность на более-менее приемлемом уровне. Кроме того, фонды, финансирующие систему большого числа грантов пусть и небольшой величины, а также специфические гранты на исследовательские командировки, участие в конференциях, организацию конференций, индивидуальные проекты, издание книг и т.п., - поддерживают существование научной среды, без которой получение значимых результатов

отдельным хорошо финансируемыми группами становится крайне проблематичным» (анкета № 50).

Значительное внимание руководства фондов должно быть уделено обсуждению возможностей увеличения продолжительности проектов по грантам, а также упрощения процедур, связанных с подготовкой промежуточных отчетов, так как «относительно короткие сроки грантов (+ ежегодные отчеты) способствуют постановке мелких и "рекламных" задач» (анкета № 141). В зарубежных фондах промежуточная отчетность максимально упрощена, что позволяет ученым самостоятельно распределять временные ресурсы между этапами проекта, а также сосредоточиться на выполнении масштабных исследовательских задач, а не подготовке «быстрых» публикаций.

Кроме того, необходимо упростить процедуры, связанные с расходованием средств и подготовкой финансового отчета по гранту. Результаты опроса показывают, что существующие ограничения и бюрократические формальности вредят качеству проводимых исследований и мобильности ученых: «Нужно большее доверие ученым и большая свобода, которые даются доп. финансированием. Так прекратите всматриваться, "на то ли" тратит ученый полученные деньги или "не на то"» (анкета № 247). При разработке мер по достижению данной цели существенное значение имеет бенчмаркинг – применение лучшего опыта зарубежных научных фондов. В частности, более открытая и подвижная система финансирования исследовательских проектов весьма успешно используется в Японии.

К другим направлениям реформирования научных фондов следует также отнести минимизацию формализма при разработке требований к составу научного коллектива. В рамках опроса многие молодые исследователи указали, что участвовали в выполнении проектов по гранту лишь формально, на бумаге. Действительно, часто исследователи, соответствующие некоторым критериям (возраст, статус аспиранта), включаются в состав группы исключительно для повышения ее шансов на получение гранта, так как научные фонды устанавливают требования и по этому аспекту управления проектом. На наш

взгляд, положительные эффекты такого манипулирования процессами формирования научных коллективов уступают негативным последствиям: повысить грантопривлекательность заявки в таком случае возможно, в том числе, посредством прагматичного подхода к формированию состава группы.

Перечисленные рекомендации, безусловно, не формируют конечного перечня, но мы считаем, что они отражают наиболее актуальные и необходимые направления изменений грантовой системы в России. При реализации этих или других мер по реформированию деятельности научных фондов и прочих агентов, включенных в процесс распределения грантов в стране, критически важным является осознание «подчиненности» системы исследовательских грантов потребностям и интересам науки. Мы считаем, что гранты - элемент научной инфраструктуры, но не механизм управления наукой. Сегодня, на наш взгляд, российские научные фонды, напротив, занимают доминирующую позицию в научном поле благодаря замкнутости, изолированности процесса принятия стратегических решений от большей части научного сообщества. Важнейшие решения принимаются «сверху»: ученые имеют крайне ограниченную возможность оказывать влияние на процесс определения траекторий будущего развития фондов, приоритетных направлений поддержки научных исследований.

Выводы

В целях эмпирической верификации выводов теоретической части диссертационной работы, а также для получения актуальных данных, характеризующих мнения российских ученых о значимости исследовательских грантов и деятельности основных государственных научных фондов, был проведен онлайн-опрос ученых. Его результаты показали, что участие в грантовых конкурсах и выполнение исследовательских проектов по грантам являются сегодня распространенными практиками в поле российской науки. Большинство ученых ориентированы на участие в конкурсах крупнейших научных фондов в стране – РФФИ, РГНФ, РНФ. Ученые высоко оценили

формальные аспекты организации грантовых конкурсов во всех трех фондах, но характеристика процессов принятия решений о поддержке проектов и распределения грантов оказалась менее позитивной: значительная часть респондентов указала, что их не устраивают критерии оценки грантовых заявок, объективность работы экспертов РФФИ и РГНФ. Несмотря на это, ученые довольно высоко оценивают положительное влияние исследовательских грантов как на их профессиональную деятельность, так и на результативность всего российского научного сообщества. На основании результатов опроса были разработаны рекомендации по необходимому изменению российской модели грантовой системы и деятельности государственных научных фондов.

Заключение

Исследовательские гранты с полной обоснованностью можно отнести к динамично развивающимся системам. Их эволюция началась лишь во второй половине 19 века, но уже спустя несколько десятилетий гранты превратились в механизм финансирования научных исследований, широко используемый в крупнейших странах мира. Современный этап развития мировой науки характеризуется усилением роли исследовательских грантов, их влияния на жизнь и работу ученых. Российская наука, где грантовая система сформировалась относительно недавно, гораздо позже других стран, также в полной мере оказалась вовлеченной в эти глобальные процессы: участие в конкурсах научных фондов и выполнение исследований по гранту постепенно превращаются в необходимый атрибут научной деятельности и становятся практиками, весьма распространенными в поле современной российской науки.

Внимание, которое уделяется грантовой активности не только самими учеными, но и руководителями научных организаций, их подразделений и даже государством, обусловлено не только ценностью гранта как источника дополнительного финансирования исследований, но и тем, что он является одним из каналов, механизмов трансляции признания в науке – «актов признавания», наряду с публикациями в ведущих научных изданиях, переводом работ на иностранные языки, присуждением научных званий и т.д. Значимость данной функции, а следовательно, и значимость исследовательских грантов обусловлена тем, что структура научного поля детерминирована распределением между социальными агентами научного капитала – основанной на профессиональном признании легитимной возможности социальных агентов принимать участие в принятии решений относительно функционирования и развития научного поля. Основой присуждения научного капитала является признание научным сообществом (или его легитимными представителями) высокого уровня результатов, достигнутых ученым, и его компетенций.

Значимость данной функции, а значит, и значимость грантов обусловлена тем, что посредством

Структуру научного поля, которое представляет собой систему неравных, но взаимосвязанных позиций включенных в него социальных агентов (индивидуальные и коллективные), вовлеченные в реализацию деятельности по созданию и развитию научного знания

Эта функция исследовательского гранта определяет его значимость в научном поле, которое представляет собой.

систему взаимодействий между социальными агентами по поводу и с целью накопления и расширения научного капитала – формы символического капитала, для которого наиболее близкими понятиями являются «репутация», «престиж», «имя». Неравномерное распределение научного капитала в поле обуславливает его иерархическую структуру, в которой позиция социального агента тем выше, чем бóльшим накопленным научным капиталом он обладает. Доминирующая позиция в структуре поля обеспечивает агенту легитимное право выступать от имени всего научного сообщества, а также определять и устанавливать правила и нормы распределения капитала. Другими словами, именно признание в науке определяет степень влияния, которое способен оказывать ученый на функционирование научного поля, установленный в нем порядок. В результате стремление к признанию является одним из ведущих мотивов деятельности социальных агентов, включенных в поле науки, а каналы его трансляции – такие как публикации в рецензируемых журналах, научные награды и призы – представляют для них непосредственный интерес и ценность.

Исследовательские гранты также могут (и должны) рассматриваться как один из «актов признания», присуждения научного капитала в поле науки. Ключевым элементом процесса распределения грантов является рецензирование, в ходе которого эксперты, наделенные легитимным правом представлять научное сообщество, отбирают исследования, отвечающие высоким требованиям научности, новизны, актуальности. Как следствие победа в грантовом конкурсе воспринимается научным сообществом как некое подтверждение, демонстрация значимости предложенных исследователем идей и его квалификаций. Для ученых это является стимулом, побуждающим к неизменному участию в конкурсах исследовательских грантов.

В России эта символическая ценность гранта на данный момент является вторичной по отношению к его экономическому содержанию. Вследствие дефицитности базового финансирования для многих ученых участие в грантовых конкурсах продиктовано не стремлением добиться признания коллег, но необходимостью получить ресурсы для сохранения исследовательского направления, научной школы, коллектива, поддержания повседневной деятельности лаборатории, центра. При этом проведенный нами опрос показал, что российские ученые хотя и в меньшей степени, но все же рассматривают грант как форму признания, подтверждение значимости своей работы.

Экономически детерминированная установка на высокую грантовую активность сочетается в российском научном сообществе со значительной степенью недоверия к отдельным аспектам деятельности крупнейших научных фондов в стране и недовольством организацией их работы. Так, многих ученых не устраивают критерии оценки грантовых заявок, объективность работы экспертов, порядок распределения грантов. Эти критерии, вне сомнения, являются наиболее важными для любой организации-грантодателя, поскольку представляют ключевые элементы принятия решений об отборе и поддержке наиболее достойных проектов. Учитывая, что большинство российских ученых сегодня принимают участие в конкурсах именно государственных научных

фондов, и лишь незначительная их часть знакома с деятельностью и организацией работы других грантодателей, сложившиеся у них представления и недовольства могут обусловить снижение доверия к системе исследовательских грантов в целом.

Анализ структуры и базовых принципов грантовой деятельности научных фондов в России, особенно в их сопоставлении с изучением зарубежных кейсов, позволяет судить о возможных причинах формирования негативного отношения к ним со стороны значительного числа ученых. Прежде всего, оно может быть обусловлено замкнутостью системы управления фондами, отсутствием механизмов влияния на их развитие со стороны научного сообщества, что ведет к разрыву устанавливаемых фондами приоритетов и целей и реальными интересами и потребностями науки. Кроме того, непрозрачность процедур (отсутствие доступа к результатам оценки заявок, сведениям обо всех участниках конкурсов и др.) повышает уровень недоверия и стимулирует формирование представлений об использовании теневых механизмов распределения грантов. Эти и другие особенности организации работы научных фондов, провоцирующие критику со стороны ученых, могут быть скорректированы с учетом лучшего зарубежного опыта, также описанного в диссертационном исследовании.

В целом, несмотря на указанные недостатки, российские ученые признают значимость влияния грантов на их собственную научную деятельность и развитие науки в целом. В этом отношении ситуация в нашей стране в полной мере соответствует состоянию на глобальной научной арене. Функции грантов (та позитивная роль, которую они играют для сохранения науки и ее прогресса) не только признаются самими учеными, но и используются внешними по отношению к научному полю социальными агентами в качестве обоснования расширения грантовой системы, учреждения новых научных фондов, постепенного увеличения доли грантового финансирования и более интенсивного использования рыночных механизмов в науке. К ним относятся повышение результативности научной деятельности,

стимулирование публикационной активности ученых, что ведет, в том числе, к усилению открытости в науке, обмену знаниями и идеями. Поддержка кооперации ученых и научных организаций, интенсификация контактов с зарубежными коллегами, интеграция в мировое научное сообщество поддержка научных школ также могут быть отнесены к позитивным, эуфункциям грантовой системы.

При этом исследовательские гранты и усиление зависимости от них современной науки имеют и ряд негативных эффектов, выявленных в ходе проведения функционального анализа. Так, грантовая система обладает значительным потенциалом манипулирования процессами выбора тематики исследования, используемых методов, ведет к трансформации социальной роли ученого, вносит изменения в структуру его профессиональной деятельности, усиливает конкуренцию и стратификацию в науке. Большая часть этих и других описанных в работе дисфункций, на наш взгляд, обусловлены деформацией базовых принципов и целей грантового финансирования при организации работы научных фондов.

Следует подчеркнуть, что методология функционального анализа, предложенная в работе, позволяет отказаться от однозначной оценки грантовой системы как исключительно позитивной, поддерживающей стабильность и обеспечивающей гармоничное развитие науки или, напротив, вызывающей только негативные последствия. Выделение эуфункций и дисфункций исследовательских грантов, их разделение на явные и латентные делает возможным выявление наиболее критичных влияний грантовой системы на современную науку для определения направлений и мер необходимого вмешательства.

В настоящий момент многие события в России свидетельствуют о том, что усиление значимости исследовательских грантов и стимулирование ориентированности ученых на их получение останется устойчивой тенденцией и в будущем: учреждение РНФ с принципиально иными механизмами и объемами финансирования, обсуждаемый план совершенствования системы

оплаты труда научных работников в рамках перехода к эффективному контракту, ставшие уже регулярными замеры результативности научной деятельности ученых и организаций. Это подтверждает не только своевременность и актуальность проведенного исследования, но и обоснованность продолжения изучения данной области – как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Перспективными, на наш взгляд, направлениями будущих исследований являются более детальный анализ причин недоверия ученых к деятельности научных фондов, изучение влияния грантов на публикационную активность исследователей и, наоборот, роль последней как фактора успешности участия в конкурсах исследовательских грантов.

Список сокращений

ВВП – внутренний валовый продукт

ИКТ – информационно-коммуникационные технологии

НИИР – научные исследования и разработки

РАМН – Российская академия медицинских наук

РАН – Российская академия наук

РАСХН – Российская академия сельскохозяйственных наук

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РНФ – Российский научный фонд

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

DFG – Deutsche Forschungsgemeinschaft (Немецкое научное общество)

ESF – European Science Foundation (Европейский научный фонд)

JSPS – Japan Society for the Promotion of Science (Японское общество развития науки)

NIH – National Institutes of Health (Национальные институты здоровья)

NSF – National Science Foundation (Национальный научный фонд)

Список иллюстративного материала

Рис. 2.1 – Грантодатели в США.....	81
Рис. 2.2 – Основные показатели деятельности Национального научного фонда США.....	85
Рис. 2.3 – Динамика основных показателей деятельности JSPS	96
Рис. 2.4 – Организационная схема грантовой системы в России.....	104
Рис. 2.5 – Схема принятия решений и назначения на должности в РФФИ.....	107
Рис. 2.6 – Динамика финансирования РФФИ.....	109
Рис. 2.7 – Динамика основных показателей конкурса «а» РФФИ.....	110
Рис. 2.8 – Коэффициент прохождения заявок, поданных в РГНФ, по научным направлениям: 2013.....	115
Рис. 3.1 – Распределение респондентов по возрастным группам.....	138
Рис. 3.2 – Распределение респондентов по уровню квалификации.....	138
Рис. 3.3 – Распределение респондентов по областям науки.....	139
Рис. 3.4 – Распределение респондентов по типам научных организаций.....	140
Рис. 3.5 – Число респондентов из федеральных округов РФ.....	141
Рис. 3.6 – Опыт и успешность участия респондентов в конкурсах исследовательских грантов, реализуемых различными научными фондами...	145
Рис. 3.7 – Доля ученых, ни разу не получавших исследовательский грант, в числе ученых региона РФ, принимавших участие в грантовых конкурсах в течение последних пяти лет.....	147
Рис. 3.8 – Рейтинг мотивов участия в конкурсах исследовательских грантов: удельный вес респондентов, отметивших соответствующий мотив, в общем числе респондентов, принимавших участие в конкурсах исследовательских грантов в течение последних пяти лет.....	148
Табл. 3.1 – Оценка значимости различных факторов для получения исследовательского гранта.....	157

Библиография

1. *Аллахвердян А.Г., Дежина И.Г., Юревич А.В.* Зарубежные спонсоры российской науки: вампиры или Санта-Клаусы // *Мировая экономика и международные отношения.* 1996. № 5. С. 35 – 45.
2. *Ащеулова Н.А., Душина С.А.* Академическая карьера молодого ученого в России // *Инновации.* 2012. № 7 (165). С. 60 – 68.
3. *Бабкин В.И.* Почему на звучат фанфары? // *Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С.Артюнова, Г.В.Лисичкина, Г.Г.Малинецкого.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.211 – 224.
4. *Бабосов Е.М.* Социология науки. Минск: Харвест, 2009.
5. *Батыгин Г.С.* «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов. Аналитический обзор. URL: <http://www.isras.ru/?page=activity&sub=pubs&pubid=328>. Дата обращения: 10.08.2013.
6. *Батыгин Г.С.* Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) // *Социальные науки в постсоветской России / под ред. Батыгина Г.С., Козловой Л.А., Свидерски Э.М.* М.: Академический проект, 2005.
7. *Бердашкевич А. П.* Об уточнении понятия «грант» в российском законодательстве // *Науковедение.* 2003. № 2 (18). С. 8 – 19.
8. *Бердашкевич А. П.* Об уточнении понятия «грант» в тексте Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» // *Вестник РФФИ.* 2003. № 2 (32). С. 14 – 16.
9. *Бердашкевич А.П., Клепиков С.А.* О государственной поддержке научных грантов // *Инновации.* 2010. №10 (144). С.7 – 9.
10. *Большой российский энциклопедический словарь / главн. ред. А.М. Прохоров.* М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
11. *Большой юридический словарь / Ред. А.Б. Барихин.* М.: Книжный мир, 2002.

12. *Бурдьё П.* Клиническая социология поля науки (пер. с фр. Марковой Ю.) // Социализм Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. СПб: 2010. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2603>. Дата обращения: 10.10.2014.
13. *Бурдьё П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Бурдьё П. Начала. М., 1994.
14. *Бурдьё П.* Поле науки (пер. с фр.: Е. Д. Вознесенская) // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. 2002. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2598>. Дата обращения: 17.12.2014.
15. *Бурдьё П.* Практический смысл / Пер. с фр., общ.ред. и послесл. Н.А.Шматко. М.: Алетейя, 2001.
16. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005а.
17. *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005б.
18. *Воронкина Л.В., Иванова О.В., Рыбакова Л.И.* Некоторые вопросы ресурсного обеспечения и результативности деятельности государственных научных организаций // Наука. Инновации. Образование. 2006. Вып. 1.
19. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им.А.Гумбольдта) / под ред. Чепуренко А.Ю., Гохберга Л.М. М.: РНИСиНП, 2005.
20. *Гершман М.А., Кузнецова Т.Е.* Эффективный контракт в науке: параметры модели // Форсайт. 2013. Т. 7. № 3. С. 26 – 36.

21. *Гордеева М.* Новое в законодательстве о финансировании науки // Ученый совет. 2010. № 4. С. 51 – 53.
22. *Гохберг Л.М.* Статистика науки. М.: ТЕИС, 2003.
23. *Гохберг Л.М., Гудкова А.А., Миндели Л.Э., Пития Л.К., Соколов А.В.* Организационная структура российской науки. М.: ЦИСН, 2000.
24. *Григорьев В.Е.* Социология науки. URL: <http://www.soc.spbu.ru/cgi-bin/>. Дата обращения: 17.03.2014.
25. *Гумаргалиев И.Е.* Развитие научно-исследовательских университетов (НИУ) в РФ // Сборник материалов по итогам Третьей международной научно-практической онлайн-конференции / Под общ. ред. проф. О. Н. Мельникова. М.: Креативная экономика, 2011. С. 373 – 381.
26. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Учебное пособие. М.: Книжный дом «Университет», 2009.
27. *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: РЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996.
28. *Дежина И.Г.* Глобализация: приобретения и потери российской науки // Наука в условиях глобализации / под ред. А.Г. Аллахвердяна и др. М.: Логос, 2009. С. 92 – 109.
29. *Дежина И.Г.* Государственное регулирование науки в России // под ред. Н.И. Ивановой. М.: Магистр, 2008.
30. *Дежина И.Г.* Грантовое финансирование российской науки: новые тенденции // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А.Г.Аллахвердяна, Н.Н.Семеновой, А.В.Юревича. М.: Логос, 2005. С. 139 – 159.
31. *Дежина И.Г.* Тенденции и результаты зарубежного грантового финансирования российской науки // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3. С. 95 – 105.
32. *Евсеев А.В.* О миссии и организационных формах деятельности РГНФ // Наука. Инновации. Образование. 2007. Вып.3. С. 141 – 148.

33. *Заиченко С.А.* Центры превосходства в системе современной научной политики // Форсайт. 2008. №1 (5). С. 42 – 50.
34. *Зарубинский Г.М., Панарин Е.Ф.* Публикационная активность академического института // Социология науки и техники. 2010. Вып.1. № 2. С. 63 – 75.
35. *Иванов О.И.* Методология социологии. Учебное пособие. СПб: Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001.
36. *Иванов О.И.* Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. Л.: 1981.
37. *Иванов О.И.* Социологическое объяснение: к характеристике современных практик // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 3 – 9.
38. *Иванов О.И.* Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2 (67). С. 49 – 64.
39. *Иванов О.И.* Человеческий потенциал современной российской экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (60). С. 140 – 156.
40. *Иванова Е.А., Николаева Л.Г.* Отражение потенциала петербургской науки в грантах РФФИ // Социология науки и технологий. 2011. Том 2, № 3. С. 79 – 87.
41. Индикаторы науки: 2013: стат.сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.
42. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
43. *Кимелев Ю.А.* Урри Дж. Социология за пределами обществ. Мобильность за пределами двадцать первого столетия // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 25 – 35.
44. *Клименко А.* Первый среди равных // Эксперт. 2014. № 17 (896).

45. *Кнорре А., Соколов М.* Звезды и боссы: происхождение и композиция российской социологической элиты. Препринт, 2013 URL: http://past-centre.ru/wp-content/uploads/2013/09/KnorreSokolov_Sociological_establishment.pdf.
Дата обращения: 17.02.2014.
46. *Кожанов А.А.* Концепт «глобализация науки» как предмет и инструмент социологического исследования // Глобализация и социальные институты: социологический подход / Отв. ред. И.Ф. Девятко, В.Н. Фомина. М.: Наука, 2010. С. 227 – 240.
47. *Кожанов А.А.* Социологические аспекты становления института экспертной оценки научного знания // Новое и старое в теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: ИС РАН, 2006. Кн. 4. С. 137 – 159.
48. *Козлова Л.А.* Государственная грантовая поддержка в общественных науках // Наука. Инновации. Образование. 2007. Вып. 3. С. 115 – 134.
49. *Козлова Л.А.* Изменение структуры финансовых инвестиций и личных доходов в российских социальных и гуманитарных науках, 1990 – начало 2000-х годов // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С.Батыгина, Л.А.Козловой, Э.М.Свидерски. М.: Академический проект, 2005. С. 355 – 363.
50. *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий: середина XVII – середина XVIII вв. СПб: 1974.
51. *Лазар М.Г.* Субъект современной науки: соотношение индивидуального и коллективного // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2011. № 21. С. 192 – 207.
52. *Лазар М.Г.* Этнос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4. С. 124 – 139.
53. *Латур Б.* Наука в действии / Пер. с англ. К.Федеровой. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

54. *Латур Б.* Пересборка социального / Пер. с англ. И.Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
55. *Ломовицкая В.М., Петрова Т.А.* Социальные условия и механизмы воспроизводства научной элиты // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2010. № 26. С. 50 – 59.
56. *Маркова Ю.В.* Бурдьё. Некоторые свойства полей. URL: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej>. Дата обращения: 11.04.2014.
57. *Маркова Ю.В.* Пьер Бурдьё. Наука о науке и рефлексивность. Курс в Коллеж де Франс в 2000 – 2001 годах // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 1. С. 38 – 49.
58. *Мельник Т.Е.* Правовое регулирование грантов в российском законодательстве // Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития / под ред. В.В.Лапаевой. М.: Норма, 2004.
59. *Миндели Л.Э.* Ресурсное обеспечение российской науки // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С.Артюнова, Г.В.Лисичкина, Г.Г.Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 188 – 211.
60. *Мирская Е.З.* Р. Мертон и его концепция социологии науки // Социология науки. Учебное пособие / сост. Э.Мирский. URL: <http://courier.com.ru/pril/posobie/mert.htm>. Дата обращения: 10.05.2013.
61. *Мирская Е.З.* Государственные гранты как инструмент модернизации российской академической науки // Вестник РГНФ. 2006. № 3.
62. *Мирская Е.З.* Проблемы организации науки и науковедение // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2013. Т. 29. С. 7 – 24.
63. *Мирская Е.З.* Ученые академии наук в 90-х годах // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 30.
64. *Назарчук А.В.* Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56 – 66.
65. Наука и государственная научная политика. Теория и практика // Под общ. ред. А.А.Дынкина. М.: Наука, 1998.

66. Наука по-американски: Очерки истории / Пер. с англ.; предисл. Д.Александрова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
67. *Обухова О.Л., Заикин М.Ю., Соловьев И.В.* Технология создания комплексированных индексов публикационной активности // Труды 14-й Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции». Переславль-Залесский, 2012. С. 33 – 41.
68. Онлайн исследования в России / Под ред. Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010.
69. Российский инновационный индекс / под ред. Л.М.Гохберга М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011.
70. *Семенов Е.В.* Гранты в российской науке: опыт российского гуманитарного научного фонда// Наука. Инновации. Образование. 2007. Вып. 3. С. 227 – 252.
71. *Семенов Е.В.* Российский гуманитарный научных фонд – финансист и культуртрегер // Социологические исследования. 1995. № 3.
72. *Семенов Е.В.* Современное состояние и новая роль гуманитарных и социальных наук // Общественные науки и современность. 1997. № 1. URL: <http://www.ict.nsc.ru/win/conferen/rus-sci/dokl/semenov.html>. Дата обращения: 10.11.2013.
73. *Соколов М.М., Волохонский В.Л.* Политическая экономия российского вуза // Отечественные записки. 2013. № 4. С. 31 – 48.
74. *Соколов М.М.* Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: опыт социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 8 – 31.
75. *Соколов М.М.* Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20 – 57.

76. *Соколов М.М.* Российские социологи на международном рынке идей (наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144 – 152.
77. *Соколов М.М.* «Тяжеловесы» российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 77 – 87.
78. Социальные науки в постсоветской России // под ред. Батыгина Г.С., Козловой Л.А., Свидерски Э.М. М.: Академический проект, 2005.
79. *Степин В.С.* Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С.Артюнова, Г.В.Лисичкина, Г.Г.Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.150 – 159.
80. *Тысячнюк М.С.* Мобильная социология Джона Урри // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 4. С. 200 – 208.
81. *Урри Дж.* Мобильности / пер. с англ. А.В.Лазарева, вступ. статья Н.А.Харламова. М.: Праксис, 2012.
82. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008.
83. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2. С. 113 – 151.
84. *Филиппов А.Ф.* Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45 – 69.
85. *Чеботарев П.Ю.* Экспертиза в РФФИ: болевые точки и возможные решения. 2013. URL: <http://onr-russia.ru>. Дата обращения: 20.04.2014.
86. *Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э., Шувалова О.Р., Обыденнова Т.Б.* Российская наука в новых условиях: роль зарубежных фондов // Мир России. 2004. № 4. С. 138 – 161.
87. *Шматко Н.А.* «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1, № 2. С. 60 – 70.
88. *Юревич А.В.* Расслоение российского научного сообщества // Наукоедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред.

- А.Г.Аллахвердяна, Н.Н.Семеновой, А.В.Юревич. М.: Логос, 2005. С. 223 – 244.
89. *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001.
 90. *Adams J., King C.* Global Research Report: Russia. Research and Collaboration in the New Geography of Science. Leeds: Evidence, 2010.
 91. *Aitkin D.* The Australian Research Grants Committee: an Account of the Way Things Were // *Prometeus: Critical Studies in Innovation*. 1996. Vol. 14. № 2. P.179 – 194.
 92. *Anderson M., Ronning E., De Vries R., Martinson B.* The Perverse Effects of Competition on Scientists' Work and Relationships // *Sci Eng Ethics*. 2007. № 13. P. 437 – 461.
 93. *Arthur M., Lemonik M.* Thinking outside the Master's House: New Knowledge Movements and the Emergence of Academic Disciplines // *Social Movement Studies*. 2009. Vol. 8. P. 73 – 87.
 94. *Asheulova N., Kolchinsky E.* How Russian Science is Being Reconstructed? (The Historical-Sociological Analysis of Reforms for the Last 20 Years // *Социология науки и техники*. 2013. Т. 4. № 1. С. 53 – 69.
 95. *Bauchspies W., Croissant J., Restivo S.* Science, Technology and Society: A Sociological Approach. Hong Kong: Gobson Press, 2006.
 96. *Ben-David J.* Centers for Learning: Britain, France, Germany, United States. Palatino: The Maple Press Company, 1977.
 97. *Berger E.* An Insider's Perspective on National Science Foundation Funding. URL: <http://blog.chron.com>. Дата обращения: 15.01.2014.
 98. *Bernal J.* The Social Function of Science. London: Routledge & Regan Paul Lmt., 1967.
 99. *Boalt G., Bergryd U.* Difference in Research Orientation Reflected in the Allocation of Grants. A Methodological Study // *Scientometrics*. 1979. Vol. 1, № 2. P.151 – 159.

100. *Bornmann L.* Evaluations by Peer Review in Science // Springer Science Reviews. 2013. URL: <http://www.lutz-bornmann.de/icons/sciencereviews.pdf>. Дата обращения: 01.03.2014.
101. *Bourdieu P.* Science of Science and Reflexivity. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
102. *Bourdieu P.* The Specificity of Scientific Field and the Social Conditions of the Progress of Reason // Social Science Information. 1975. Vol. 14. P. 19 – 47.
103. *Bourgeault I.* Critical Issues in the Funding of Qualitative Research // Journal of Ethnographic & Qualitative Research. 2012. Vol. 7. P.1 – 7.
104. *Camic C.* Bourdieu's Cleft Sociology of Science // Minerva. 2011. Vol. 49. P. 275 – 293.
105. *Castells M.* Toward a Sociology of the Network Society // Contemporary Sociology. 2000. Vol. 29. № 5. P. 693 – 699.
106. *Chudnovsky D., Lopez D., Rossi M., Ubfal D.* Money for Science? The Impact of Research Grants in Argentina. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCkQFjAA&url=http%3A%2F%2F>. Дата обращения: 21.09.2013.
107. *Clarke K., Flanagan J., O'Neill S.* Success in Winning Research Council Grants as a Measure of Comparative Professionalized Disciplinary Research Activity // Pacific Accounting Review. 2012. Vol. 24. № 1. P.51 – 79.
108. *Cole J.* Patterns of Intellectual Influence in Scientific Research // Sociology of Education. 1970. Vol. 43. № 4. P. 377 – 403.
109. *Cole J., Cole S.* Scientific Output and Recognition: a Study in the Operation of the Reward System in Science // American Sociological Review. 1967. Vol. 32. № 3. P.377 – 390.
110. *Cole J., Cole S.* Social Stratification in Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
111. *Cole S.* Making Science: Between Nature and Society. Harvard: Harvard University Press, 1992.

112. *Cole S.* Merton's Contribution to the Sociology of Science // *Social Studies of Science*. 2004. Vol. 34. № 6. P. 829 – 844.
113. *Crawford E.* The Prize System of the Academy of Sciences, 1850-1914 // *The Organization of Science and Technology in France, 1808-1914* / edited by Fox R., Weisz G. London: Cambridge University Press, 1980.
114. *Crosland M.* From Prizes to Grants in the Support of Scientific Research in France in the Nineteenth Century: the Montyon Legacy // *Minerva*. 1979. Vol.17. № 3. P. 355 – 380.
115. *Crosland M.* Science under Control: The French Academy of Sciences, 1795 – 1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
116. *Crosland M., Galvez S.* The Emergence of Research Grants within the Prize System of the French Academy of Sciences, 1795-1914 // *Social Studies of Sciences*. 1989. Vol. 19. № 1. P.71 – 100.
117. *Cumming J., Kiesler S.* Collaborative Research across Disciplinary and Organizational Boundaries // *Social Studies of Science*. 2005. Vol. 35. №. 5.
118. *Daza S.L.* Complicity as Infiltration: the (Im)possibilities of Research with/in NSF Engineering Grants in the Age of Neoliberal Scientism // *Qualitative Inquiry*. 2012. Vol.18 (9). P.773 – 786.
119. *Dezhina I., Graham L.* Science Foundations: A Novelty in Russian Science // *Science*. 2005. Vol. 310. URL: <http://sciencemag.org>. Дата обращения: 20.12.2013.
120. *DFG.* Funding Atlas 2012. Key Indicators for Publicly Funded Research in Germany. Weinheim: WILEY – VCH Verlag GmbH & Co., 2013.
121. *DFG.* Guidelines for the written reviews. Bonn: DFG, 2014.
122. *European Foundation Centre.* Understanding European Research Foundations. Findings from the FOREMAP Project. London: Alliance Publishing Trust, 2009.
123. *Feinberg J.G.* Academic grants foster waste and antagonism, not scholarship // *Chronicles of Higher Education*. 2010. URL:

<http://chronicle.com/article/Academic-Grants-Foster-Waste/124920/>. Дата обращения: 10.06.2013.

124. *Feinberg R., Price G.* The Funding of Economic Research: Does Social Capital Matter for Success at the National Science Foundation? // *The Review of Economics and Statistics*. 2004. Vol. 86. № 1. P. 245 – 252.
125. *Freeman R., Weinstein E., Marincola E., Rosenbaum J., Solomon F.* Competition and carriers in bioscience // *Science*. 2001. Vol. 294. P. 2293 – 2294.
126. *Friekel S., Moore K.* *The New Political Sociology of Science*. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2006.
127. *Fuller S.* On the motives for the new sociology of science // *History of the Human Sciences*. 1995. Vol. 8. № 2. P. 117 – 124.
128. *Furner J.* Little Book, Big Book: Before and After Little Science, Big Science: a Review Article, Part I and II // *Journal of Librarianship and Information Science*. 2003. Vol. 35 (2). P.115 – 125.
129. *Garcia C.E., Menendez L.S.* Competition for Funding as an Indicator of Research Competiveness: The Spanish R&D Government Funding. Working Paper 04-15. Unidad de Politicas Comparadas (CSIC). 2004.
130. *Gemelli G.* (Ed.) *The Ford Foundation and Europe (1950s – 1970s). Cross-fertilization of Learning in Social Science and Management*. Brussels: European Interuniversity Press, 1998.
131. *Gillet R.* Pitfalls in Assessing Research Performance by Grant Income // *Scientometrics*. 1999. Vol. 22. P. 253 – 263.
132. *Goodstein D.* Scientific Misconduct // *Academe*. 2002. Vol. 88. P. 28 – 31.
133. *Graham L.* *Science in Russia and Soviet Union. A Short History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
134. *Graham L., Dezhina I.* *Science in the New Russia: Crisis, Aim, Reform*. Bloomington: Indiana University Press, 2008.
135. *Greenberg D.* *Science for Sale. The Perils, Rewards and Delusions of Campus Capitalism*. Chicago: The University of Chicago Press, 2007.

136. *Gudler J., Reinhardt A.* Gender Equality in DFG Research Funding – Facts and Assessment // DFG Infobrief. 2007. № 1. P. 1 – 9.
137. *Hagstrom W.* The Scientific Community. NY: Basic Books, Inc., 1965.
138. *Hargens L., Felmlie D.* Structural Determinants of the Stratification in Science // American Sociological Review. 1984. Vol. 49. № 5. P. 685 – 697.
139. *Hauptmann E.* From Opposition to Accommodation: How Rockefeller Foundation Grants Redefined Relations between Political Theory and Social Science in the 1950s // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 4. P. 643 – 649.
140. *Horsch H., Oliveri M.* Indicators of Successful Submissions to the Law and Social Science Program of the National Science Foundation // Law & Society Review. 1998. Vol. 32. № 2. P. 515 – 526.
141. *Hottenrott H.* The Role of Research Orientation for Attracting Competitive Research Funding. Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 2011.
142. *Imohl I.* Temporary Positions for Principal Investigators: A DFG Funding Instrument in the Mirror of Statistics // DFG Infobrief. № 1.11. P. 1 – 5.
143. *Jablecka J.* Changes in the Management and Finance of the Research System in Poland: a Survey of the Opinion of Grant Applicants // Social Studies of Science. 1995. Vol. 25. P. 727 – 753.
144. *Jacob B., Lefgren L.* The Impact of Research Grants on Scientific Productivity. NBER Working Paper № 13519. 2007.
145. *Jahn R.* Peer Reviewing for Public Funding Bodies – A Reviewer’s View // Science between Evaluation and Innovation: A Conference on Peer Review. Munchen: Max-Planck-Gesellschaft, 2003. P. 87 – 100.
146. *Kaulisch M., Enders J.* Careers in Overlapping Institutional Contexts. The Case of Academe // Career Development International. 2005. Vol. 10. № 2. P. 130 – 140.
147. *Kennedy D., Austin J., Urquhart L., Taylor C.* Supply without Demand // Science. 2004. Vol. 303. P. 1105.

148. *Kneen P.* Science in Shock: Russian Science Policy in Transition // Europe – Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 2. P. 281 – 303.
149. *Knorr Cetina K.* The Manufacture of Knowledge: an Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
150. *Kohler R.E.* A New Policy for the Patronage of Scientific Research: the Reorganization of the Rockefeller Foundation, 1921 – 1930 // *Minerva*. 1976. № 14. P.279 – 306.
151. *Latour B.* A Collective of Humans and Nonhumans. Following Daedalus’s Labirynt // Pandora’s Hope. Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 174 – 215.
152. *Laudel G.* ‘The Quality Myth’: Promoting and Hindering Conditions for Acquiring Research Funds // *Higher Education*. 2006. Vol. 52. P. 375 – 403.
153. *Lenoir R.* Scientific Habitus. Pierre Bourdieu and the Collective Intellectual // *Theory, Culture and Society*. 2006. Vol. 23(6). P. 25 – 43.
154. *Macleod R.M.* The Royal Society and the Government Grant: Notes on Administration of Scientific Research, 1849 – 1901 // *The Historical Journal*. 1971. Vol. 14. № 2. P. 323 – 358.
155. *Mazuzan G.* “Good Science Gets Funded...”: the Historical Evolution of Grant Making at the National Science Foundation // *Science Communication*. 1994. Vol. 14. P. 63 – 90.
156. *McClellan J.E.* Science Reorganized: Scientific Societies in the Eighteenth Century. New York: Columbia University Press, 1985.
157. *McCullough J.* The Role and Influence of the US National Science Foundation’s Program Officers in Reviewing and Awarding Grants // *Higher Education*. 1994. № 28. P.85 – 94.
158. *Merton R.* Insider and Outsiders: a Chapter in the Sociology of Knowledge // *American Journal of Sociology*. 1972. Vol.78. № 1. P. 9 – 47.
159. *Merton R.* Manifest and Latent Functions. Towards the Codification of Functional Analysis in Sociology. 1952. URL:

https://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Merton,_Manifest_and_Late_nt_Functions.pdf. Дата обращения: 15.06.2013.

160. *Merton R.* Singletons and Multiples in Scientific Discovery // Proceedings of the American Philosophical Society. 1961. № 5. P. 470 – 486.
161. *Merton R.* Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Edited by Storer N. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
162. *Merton R.* The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*. 1988. Vol.79. P. 606 – 623.
163. *Merton R.* The Sociology of Science: An Episodic Memoir // *The Sociology of Science in Europe* / Ed. by R. Merton and J. Gaston. Southern Illinois University Press, 1977. P. 3 – 144.
164. *Miller S., Fredericks M.* Some comments on the inability of sociology of science to explain science // *Philosophy and Social Criticism*. 1994. Vol. 20. № 1/2. P. 73 – 86.
165. *Morse J.* A Review's Committee's Guide for Evaluating Qualitative Proposal // *Qualitative Health research*. 2003. Vol. 13. P. 833 – 851.
166. *Mulkay M.* Sociology of Science: a Sociological Pilgrimage. Berkshire: Open University Press, 1991.
167. *Musambira G., Collins S., Brown T., Voss K.* From 'Publish or Perish' to 'Grant or Perish': Examining Grantmanship in Communication and the Pressures on Communication Faculty to Procure Funding for Research // *Journalism and Mass Communication Educator*. 2012. Vol. 67. № 3. P.234 – 251.
168. *National Science Foundation.* FY 2013 Performance and Financial Highlights. 2014. URL: <http://www.nsf.gov/pubs/2014/nsf14003/nsf14003.pdf>. Дата обращения: 15.02.2014.
169. *Nulty D.* The Adequacy of Response Rates to Online and Paper Surveys: What Can Be Done? // *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2008. Vol. 33. № 3. 2008. P. 301 – 314.

170. *OECD*. Giving more for science: the role of foundations and non-profit sector in boosting R&D investments. Paris: OECD, 2005.
171. *Peck S.L.* Science Suffers when Getting a Grant Becomes the Goal // *The Chronicles of Higher Education*. 2009. URL: <http://chronicles.com/article/Science-Suffers-When-Getting-a/5559>. Дата обращения: 15.03.2013.
172. *Polster C.* The Nature and Implications of the Growing Importance of Research Grants to Canadian Universities and Academics // *Higher Education*. 2007. Vol. 53. P. 599 – 622.
173. *Rausch H.* US-amerikanische ‘Scientific Philanthropy’ in Frankreich, Deutschland und Grossbritannien zwischen den Weltkriegen // *Geschichte und Gesellschaft*. 2007. Jahrg. 33. P. 73 – 98.
174. *Reinhardt A.* How Should Research Be Funded? The DFG Researcher Survey // *DFG Infobrief*. 2011. № 3.11. P.1 – 8.
175. *Reskin B.* Scientific Productivity and the Reward System of Science // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. № 3. P. 491 – 504.
176. *Restivo S.* Modern Science as a Social Problem // *Social Problems*. 1988. Vol. 35. № 3. P. 206 – 225.
177. *Richardson J.* (Ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. NY: Greenwood Press, 1986.
178. *Ross I.* Grants-R-Us: Inside a Federal Grant-Making Research Agency // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 43. P. 1704 – 1723.
179. *Sachse C.* What Research, to What End? The Rockefeller Foundation and the Maz Planck Gesellschaft in the Early Cold War // *Central European History*. 2009. Vol. 42. № 1. P. 97 – 141.
180. *Schafer A.* *Directory of Research Grants*. West Lafayette: Schoolhouse Partners, 2013
181. *Scott A.* Peer Review and the Relevance of Science // *ScienceDirect*. 2007. P. 827 – 845.

182. *Sellers T., Caporaso N., Lapidus S., Peterson G., Trent J.* Opportunities and Barriers in the Age of Team Science: Strategies for Success // *Cancer Causes and Control*. 2006. Vol. 17. № 6. P. 229 – 237.
183. *Shibayama S.* Distribution of Academic Research Grants: a Case of Japanese National Research Grant // *Scientometrics*. 2011. Vol. 88. P. 43 – 60.
184. *Shrum W., Genuth J., Chompalov I.* (eds.) *Structures of Scientific Collaboration*. Massachusetts : MIT Press, 2007.
185. *Simon R.* Habitus and Utopia in Science: Bourdieu, Mannheim, and the Role of Specialties in the Scientific Field // *Studies in Sociology of Science*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 22 – 36.
186. *Sismondo S.* Bourdieu's Rationalist Science of Science: Some Promises and Limitations // *Cultural Sociology*. 2011. Vol. 5. P. 83 – 97.
187. *Skolnikoff E.* *The Elusive Transformation: Science, Technology and the Evolution of International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
188. *Sonnenwald D.* *Scientific Collaboration: A Synthesis of Challenges and Strategies*. 2008. URL: <http://www.citeseerx.ist.psu.edu>. Дата обращения: 10.04.2013.
189. *Stevenson L., Byerly H.* *The Many Faces of Science. An Introduction to Scientists, Values and Society*. Oxford: Westview Press, 1995.
190. *Stewart J.* Achievements and Ascriptive Processes in the Recognition of Scientific Articles // *Social Forces*. 1983. Vol. 62. № 1. P. 166 – 189.
191. *Thyer B.* Harmful Effects of Federal Research Grants // *Social Work Research*. 2011. Vol. 35. № 1. P. 3 – 7.
192. *Urry J.* Mobile Sociology // *The British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1. P. 185 – 203.
193. *Urry J.* Mobilities, networks and communities // *Sales A. & Fournier M.* (eds.) *Knowledge, Communication and Creativity*. London: SAGE, 2007. P. 67 – 76.
194. *Urry J.* *Sociology of Time and Space* // *Turner B.S.* (Ed.) *The Blackwell companion to social theory*. Oxford: Blackwell, 200. P. 216 – 243.

195. *Wacquant L.* Towards a Reflexive Sociology: a Workshop with Pierre Bourdieu // *Sociological Theory*. 1989. Vol. 7. № 1. P. 26 – 63.
196. *Weaver W., Beadl A., Wells G.* US Philanthropic Organizations: Their History. Structure, Management and Record. NY: Harper and Row, 1967.
197. *Weingart P.* ‘Peer Review’ – A True Story // *Science between Evaluation and Innovation: A Conference on Peer Review*. Munchen: Max-Planck-Gesellschaft, 2003. P. 15–24.
198. *Whitley R., Gläser J.* (eds.) *Sociology of the Sciences. The Changing Governance of the Sciences*. Yearbook 26. Springer, 2007.
199. *Wood F., Meek L., Harman G.* The Research Grants Application Process. Learning from Failure? // *Higher Education*. 1992. Vol. 24. P. 1 – 23.
200. *Wray B.* Invisible Hands and the Success of Science // *Philosophy of Science*. 2000. Vol. 67. № 1. P. 163 – 175.
201. *Yearly S.* *Making Sense of Science: Understanding the Social Studies of Science*. London: SAGE Publications, 2005.
202. *Zuckerman H.* *Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1996.

Анкета социологического исследования «Гранты на научные исследования»

Уважаемый исследователь!

Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета просит Вас принять участие в опросе, посвященном оценке действующей системы исследовательских грантов. Ваши ответы на предложенные вопросы будут использоваться в научных целях и только в обобщенном виде. Мы гарантируем анонимность опроса.

Заполненные анкеты будут обрабатываться на ЭВМ. Для более быстрой обработки данных в анкете предусмотрены возможные варианты ответов. Отвечая на вопрос, внимательно прочитайте все предложенные варианты ответов и обведите кружочком номер подходящего для Вас. Вы можете также вписать недостающие с Вашей точки зрения ответы. От точности Ваших ответов будет зависеть правильность выводов всего исследования.

Заранее благодарим за участие в опросе и желаем Вам творческих успехов и здоровья!

I. Опыт участия в конкурсах исследовательских грантов

Вопросы этого раздела касаются Вашего опыта участия в конкурсах исследовательских грантов. Под исследовательским грантом понимается грант, выданный на проведение научного исследования, – одним исследователем или научным коллективом. Участие в конкурсах федеральных целевых программ, а также конкурсах на получение трэвел-грантов, грантов на покупку оборудования, приобретение литературы, публикацию работ не учитывается.

1. В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ПЯТИ ЛЕТ ВЫ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ В КОНКУРСАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ГРАНТОВ?

	Да	Нет (если в обоих случаях «нет» – переходите к вопросу 13)
1.1 Как руководитель проекта		
1.2 Как исполнитель		

2. КАК ЧАСТО В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ПЯТИ ЛЕТ ВЫ ПОЛУЧАЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ГРАНТЫ? Отметьте подходящий вариант ответа для конкурсов различных типов организаций и фондов.

	Получал(а) грант каждый раз, когда подавал(а) заявку	В некоторых конкурсах выигрывал(а), в некоторых – нет	Ни разу не получил(а) грант, хотя и подавал(а) заявки	Ни разу не подавал(а) заявку
2.1 Конкурсы российских государственных фондов (финансируемых за счет государственного бюджета)				
2.2 Конкурсы российских негосударственных фондов				
2.3 Конкурсы зарубежных фондов (в том числе реализуемые через их представительства в России)				

3. КАКОВЫ БЫЛИ МОТИВЫ ВАШЕГО УЧАСТИЯ В ГРАНТОВЫХ КОНКУРСАХ? Обведите кружком варианты, которые Вам подходят, но **не более пяти**.

- 1) Основная цель моего участия – приобретение необходимого научного оборудования
- 2) Участвовал(а) в конкурсах, чтобы провести переоснащение рабочего помещения, купить компьютеры, оргтехнику
- 3) На деньги от гранта я планировал(а) оплатить доступ к базам данных, приобрести научную литературу
- 4) Хотел(а) получить грант, чтобы подготовить и опубликовать статью, монографию, учебную литературу
- 5) Для меня гранты – это дополнительный источник дохода
- 6) Хотел(а) привлечь к работе своих студентов и аспирантов
- 7) За счет гранта я планировал(а) посетить конференции, семинары, на которые иначе я не смог/ не смогла бы поехать
- 8) Подавал(а) грантовые заявки, потому что этого требовало мое руководство
- 9) Участие в конкурсах исследовательских грантов не отнимает много времени, так почему бы и не поучаствовать?
- 10) Грант для меня – это подтверждение значимости моей работы и моей высокой квалификации
- 11) Участвовал(а) в конкурсах, потому что считаю, что каждый ученый сегодня должен получать гранты, это часть нашей профессии
- 12) Другое (*перечислите*): _____

II. Работа российских научных фондов

Вопросы этого раздела касаются исключительно участия в грантовых конкурсах, которые проводят **российские** научные фонды. Если Вы не участвовали в таких конкурсах, переходите к вопросу 9.

4. В ПРЕДЛОЖЕННОМ СПИСКЕ ОТМЕТЬТЕ РОССИЙСКИЕ ФОНДЫ, В ГРАНТОВЫХ КОНКУРСАХ КОТОРЫХ ВЫ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ В ПОСЛЕДНИЕ **ПЯТЬ ЛЕТ** (можно выбрать несколько вариантов ответа)
- 1) Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ)
 - 2) Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ)
 - 3) Российский научный фонд (РНФ)
 - 4) Фонд некоммерческих программ «Династия»
 - 5) Фонд поддержки образования и науки («Алферовский фонд»)
 - 6) Другие (*перечислите*): _____
5. КАКИЕ ФАКТОРЫ ВЫ ПРИНИМАЕТЕ ВО ВНИМАНИЕ ПРИ ВЫБОРЕ ФОНДА ДЛЯ ПОДАЧИ ГРАНТОВОЙ ЗАЯВКИ? (можно выбрать несколько вариантов ответа)
- 1) Соответствие темы моего исследования интересам и специфике фонда
 - 2) Размер гранта
 - 3) Уровень конкуренции в конкурсах фонда (количество заявок и его соотношение с количеством доступных грантов)
 - 4) Опыт и советы коллег
 - 5) Рекомендации руководства (в том числе научного руководителя)
 - 6) Личные знакомства
 - 7) Подаю заявки в фонды, в конкурсах которых я уже участвовал(а)
 - 8) Подаю заявки в наиболее известные в стране научные фонды
 - 9) Другое (*перечислите*): _____
6. ОЦЕНИТЕ ОРГАНИЗАЦИЮ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ФОНДОВ ПО УКАЗАННЫМ КРИТЕРИЯМ. Для каждого критерия проставьте баллы от 0 до 2, где **0 – не устраивает, 1 – устраивает, 2 – затрудняюсь ответить**. Если Вы не принимали участие в конкурсах РФФИ, РГНФ или РНФ, оставьте соответствующую колонку пустой.

	РФФИ	РГНФ	РНФ
1) Доступность информации о конкурсах исследовательских грантов в открытых источниках			
2) Возможность участия в конкурсах для ученых вне зависимости от их квалификации, места работы и региона проживания			
3) Прозрачность требований, предъявляемых к грантовой заявке и пакету документов			
4) Процедура подачи заявки			
5) Возможность получения обратной связи от фонда на всех этапах конкурса			
6) Доступность информации о других участниках конкурса и их проектах			
7) Возможность получения рецензии на заявку, ознакомления с ее содержанием			
8) Критерии оценки заявки			
9) Объективность работы экспертов			
10) Порядок распределения грантов			
11) Порядок подготовки и сдачи отчета по гранту			
12) Другое (<i>перечислите</i>): _____			

7. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОЛЖНЫ ЛИ ФОНДЫ ИНФОРМИРОВАТЬ ТЕХ, КОМУ ОТКАЗАНО В ГРАНТЕ, О ПРИЧИНАХ ОТКАЗА?
- 1) Да
 - 2) Нет
 - 3) Необязательно
 - 4) Затрудняюсь ответить
8. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОЛЖНА ЛИ БЫТЬ ОТКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИЯ ОБО ВСЕХ УЧАСТНИКАХ ГРАНТОВЫХ КОНКУРСОВ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ?
- 1) Да
 - 2) Нет
 - 3) Необязательно
 - 4) Затрудняюсь ответить

III. Факторы успеха в получении исследовательских грантов

9. КАКИЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ВЫ МОГЛИ БЫ ДАТЬ, ЕСЛИ БЫ ВАС СПРОСИЛИ, КАК ПОЛУЧИТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГРАНТ? Дайте краткий ответ в свободной форме.

--

10. ОЦЕНИТЕ ВАЖНОСТЬ ВСЕХ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ ФАКТОРОВ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ГРАНТА ПО ТРЕХБАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, ГДЕ 1 – «ФАКТОР НЕ ЗНАЧИМ», 2 – «ФАКТОР ЗНАЧИМ» И 3 - «САМЫЙ ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР».

	1	2	3	Затрудняюсь ответить
1) Актуальность темы исследования, целей и задач				
2) Известность руководителя проекта в научном сообществе				
3) Достигнутые результаты руководителя проекта (число публикаций, индекс цитирования и другие)				
4) Личные знакомства				
5) Опыт успешного участия в грантовых конкурсах фонда, в который подается заявка				
6) Опыт успешного участия в грантовых конкурсах других фондов и организаций				
7) Правильное оформление документов и заявки				
8) Выбор темы исследования в соответствии со спецификой и интересами организации-грантодателя				
9) Обоснованный подход к выбору типа конкурса				
10) Занятие высоких должностей в науке				
11) Место (регион) проживания				
12) Работа в престижной организации (университете, институте, центре и др.)				
13) Другое (<i>перечислите</i>):				

1) кандидат наук

2) доктор наук

3) отсутствует

18. ОБЛАСТЬ НАУКИ, В КОТОРОЙ ВЫ РАБОТАЕТЕ:

естественные науки	технические науки	гуманитарные науки	общественные науки	другое

19. ТИП НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, В КОТОРОЙ ВЫ РАБОТАЛИ ДО НАЧАЛА РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В 2013 г. (можно выбрать несколько вариантов ответа):

- 1) высшее учебное заведение
- 2) Российская академия наук (РАН)
- 3) Российская академия медицинских наук (РАМН)
- 4) Российская академия сельскохозяйственных наук (РАСХН)
- 5) другая государственная научная организация
- 6) другое

20. УКАЖИТЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ, В КОТОРОМ ВЫ ПРОЖИВАЕТЕ. Если Вы проживаете в одном из указанных городов, отметьте, пожалуйста, название города и федеральный округ, к которому он относится.

- 1) Дальневосточный
- 2) Приволжский
- 3) Северо-Западный
- 4) г.Санкт-Петербург
- 5) Северо-Кавказский
- 6) Сибирский
- 7) г.Новосибирск
- 8) г.Томск
- 9) Центральный
- 10) г.Москва
- 11) Южный
- 12) Уральский

21. НАЗВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, В КОТОРОЙ ВЫ РАБОТАЕТЕ (необязательно):

22. ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ УЗНАТЬ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОСТАВЬТЕ АДРЕС ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ:

Спасибо за работу!